

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

XXVI

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

XXVI

МОСКВА 2001

Редколлегия сборника:

Р.Б. Рыбаков (*ответственный редактор*)

Д.Д. Васильев (*зам. отв. ред.*), Е.А. Давидович (*зам. отв. ред.*), А.И. Колесников,
Э.Е. Кормышева, А.В. Коротаев, Д.Н. Лелюхин (*отв. секретарь*),
А.С. Французов.

Компьютерный набор и макетирование:

Т.А. Баскакова, А.П. Дейнека.

Э 71 — Эпиграфика Востока. XXVI вып. — Москва. Институт востоковедения РАН, 2001 г. — 182 стр. ISBN 5-85677-142-7

Сборник содержит первые публикации древних и средневековых восточных надписей, исторические, филологические и лингвистические исследования уже опубликованных эпиграфических материалов.

Издание рассчитано на востоковедов, историков, филологов, лингвистов и археологов.

L. BAZIN

(Paris)

LES A : EXCLAMATIFS DANS LES INSCRIPTIONS DU YENISEY

Dans les inscriptions turques anciennes en alphabet « runiforme », le signe $\downarrow$, qui note *a* ou *ä*, n'est en principe employé qu'en fin de mot, les exceptions étant très rares. Certains de ces -*a* finaux, notamment dans les inscriptions du Yenisey, posent des problèmes d'interprétation. Nous en discuterons en nous référant à l'excellente recension de ces textes (avec translittération, relevés manuels et photographies, mais sans reconstruction du texte, ni traduction) publiée en 1983 à Leningrad sous la direction de D. D. VASILIEV, avec pour titre : *Korpus Tjurkskih Runičeskih Pamjatnikov Bassejna Jeniseja*, C'est avec raison que les responsables de cet important ouvrage s'en sont tenus à retenir des données factuelles, sans préjuger d'une interprétation du sens, qui, sur bien des points, reste sujet de discussion. Pour nos références, nous abrègerons en « *Korpus* » le nom de cette publication, et en « *Malov* » celui du livre de S. E. MALOV intitulé : *Enisejskaja Pis'mennost' Tjurkov*, Moscou-Leningrad 1952. Nous devons ici nous limiter à quelques exemples significatifs des problèmes d'interprétation du signe $\downarrow$ (*a/ä*) dans divers passages de caractère répétitif.

*

* *

A la p. 18 du *Korpus*, la 1e ligne de l'inscription d'*Elegest* I (E-10) a noté les caractères suivants, que nous transcrivons en majuscules pour ceux réservés aux mots de classe vocalique postérieure, en minuscules pour ceux de classe vocalique antérieure, et en minuscules soulignées pour ceux ambivalents pour les deux classes :

Q U Y D a : Q U nč : Y m a : s z m a : Y i T a : ü z d a : U G L m : s
z m a : D R L T m : Y i T a

A la p. 26 de *Malov*, 1er ligne, nous trouvons la lecture : *Kuyda kunčuyīma sizimā yīta* (*ayīta* ?) *ōzdā oglum sizime adrīlīm*. La même lecture, sauf « (*ayīta* ?) », figurait précédemment chez *Hüsejin Namik ORKUN, Eski Türk Yazitlari III*. Istanbul 1940, p. 180 ; nous abrégons en « ETY III » les mentions ultérieures de cette publication.

Notre propos ne sera pas, ici, de discuter l'ensemble des traductions de ce passage proposées par divers auteurs (à commencer par W. RADLOFF), mais seulement de poser les problèmes concernant les finales en -a et leurs interprétations.

Celles de *kuyda* et *ōzdā* sont des locatifs bien connus en -da/-dā. En revanche, les lectures en -īma/-imā de « *kunčuyīma* » et « *sizimā* » (2 fois), ainsi que de « *yīta* (*ayīta* ?) », appellent des remarques critiques. Les finales « *īma/-imā* » sont, par les auteurs, interprétées comme des datifs en -a/-ā de la 1re personne du possessif -(i)m/(i)m, en fonction de complément indirect du verbe *adrīlīm* « je me suis séparé », 1re personne du singulier du passif *adr-īl-* (turc moderne : *ayrīl-*) de *adīr-* « séparer ». Il ne fait pas de doute, en effet, que, dans l'épigraphie turque ancienne du Yenisey, *adrīlīm* « je me suis séparé » (de vous, de X... etc...) est un euphémisme pour « je suis mort », comparable au français « quitter » dans « Un tel nous a quittés ». D'où : *kunčuy-īm-a*... *adrīlīm* « j'ai quitté mon épouse » et *siz-īm-ā adrīlīm* « je vous ai quittés, vous, les miens », en supposant *siz* « vous » pourvu du suffixe possessif -(i)m « mon, ma, mes ».

Mais cette interprétation, en apparence logique, se heurte à trois difficultés. La première, grammaticale, réside dans le fait que, dans les textes turcs anciens en graphie pleine (c'est-à-dire où les voyelles sont toutes écrites, comme dans l'écriture ouïgoure), et dans les diverses langues vivantes du groupe turc, on ne constate pas la présence de suffixes possessifs ajoutés à un pronom personnel, comme le suppose la lecture *siz-īm « vous, les miens » (littéralement : *mes vous, impossible en français). La seconde difficulté porte sur l'hypothèse d'un datif en -ā de l'hypothétique *siz-īm. Certes, en turc des inscriptions du Yenisey, le verbe passif *adrīl-* (moderne : *ayrīl-*, passif de *ayīr-* « séparer ») se construit bien avec le datif, mais sous la forme normale en -kā/-ka, éventuellement sonorisée : -gā/-ga, pour indiquer ce dont on est séparé. Ainsi, dans *Čâ-xöl V (E-17), Korpus p. 22 a, III* : ... *bāgimkā adrīlīm*, ... *kadašimka adrīlīm* « j'ai été séparé de mon Bey, ... de mes parents. » Ou encore, dans *Barık II (E-6), Korpus p. 17 b, IV* : ... *kunčuyimga adrīdīm* « j'ai été séparé de mon épouse », et plus bas, dans *Barık III (E-7), IV*, avec suffixe de datif redoublé : ... *kunčuyimgaka adrīdīm* « id. ». En fait, en turc ancien, où le suffixe de datif -kā/-ka, -gā/-kā n'a pas encore perdu sa consonne initiale comme en osmanli, le suffixe composé -īm-a (et non -īm-ga) est d'un emploi très spécifique et ne fonctionne pas comme datif proprement dit, mais comme adverbe temporel formé à partir du nom de nombre correspondant à l'âge : *otuz yāšima* « dans ma 30e année » (*Orkhon II, Est, 28*), etc... (nombreux exemples dans les inscriptions de Mongolie). Ce suffixe -a n'est attesté à date ancienne comme datif d'attribution que dans de rares exemples, dont les plus anciens paraissent être ceux des lignes 12 et 24 de l'inscription de *Tonyukuk* : *kaganīma otūntim* (deux fois la même formule) « j'ai suggéré à mon Souverain » (*otūn-*,

verbe protocolaire employé à destination d'un haut supérieur pour « dire, conseiller », etc.).

La troisième difficulté, et non la moindre, réside dans le fait que, dans les supposés « *sizim* » et « *sizimā* », la voyelle *i* de « *siz* », considéré comme pronom personnel de 2e personne du pluriel, employé en fonction vocative (donc accentué!), n'est pas écrite dans la moitié, environ, des occurrences : d'après un rapide sondage, sujet à affinement, que nous avons effectué à partir des données conjuguées d'*ETY III* de *Malov*, et du *Korpus* (que nous n'avons pu toutes contrôler), ces graphies sans *i* représenteraient à peu près 67 % pour l'ensemble des inscriptions « E-1 » à « E-43 » du *Korpus*, 50 % pour celles de « E-44 » à « E-51 » du même, et 58 % pour l'ensemble. Les graphies sans *i* (« *szm* » et « *szma* ») seraient donc plus fréquentes que celles avec *i* (« *siz*... »), du moins pour les formes en *-m* et *-mā*. Or, une règle fondamentale de l'écriture turque ancienne « runiforme » est, pour un mot non *enclitique* (ce qui est le cas pour « *siz* » supposé pronom personnel *vocatif*), d'écrire la première ou l'unique voyelle, si celle-ci est autre que *a/ā*. Les exceptions à ces règles, que l'on peut considérer comme des négligences du scribe, sont proportionnellement très faibles. Cette observation, qui ne concerne pas les syllabes non initiales des mots, ne s'applique pas au suffixe *enclitique* *-siz* (également 2e personne du pluriel) adjoint au prédicat nominal, ou à une forme nominale du verbe (*-or*, *-miš*, etc.) pour former une conjugaison ; dans ce cas, le scribe a la liberté d'écrire *-sz* ou *-siz*, car, dans le système turc ancien « runiforme », la graphie d'une voyelle suffixale n'est obligatoire que quand elle est en *finale absolue* du mot. Il n'y a donc pas de raison pour que le « *siz* » (« *siz* »/« *sz* ») des inscriptions du Yenisey — au moins dans les cas où il est graphié « *sz* », qui apparaissent majoritaires — soit le pronom personnel *siz* « vous », ce qui entraîne à suspecter aussi l'interprétation par « vous » du « *siz* » en graphie pleine de « *sizim* » et « *sizimā* ».

Dernière raison d'en douter : dans les inscriptions turques anciennes de Mongolie, on ne trouve aucune attestation de « *sizim* » ou « *sizimā* », alors qu'on en trouve une centaine dans les inscriptions « E-1 » à « E-51 » du Yenisey. Toutes ces apparentes anomalies nous ont amené à rechercher pour les graphies « *sz* », « *siz* », « *sza* », « *siza* » de ces textes une autre étymologie, à partir d'une autre lecture. La comparaison de ces graphies imposant de toute façon des lectures partielles « ... *siz* » et « ... *sizā* » en fin de mot, nous avons conclu que la seule possibilité d'une lecture complète différente était de nous rappeler que les voyelles *ā/a-* ne sont pas écrites à l'initiale absolue du mot (donc « *āsiz* » et « *āsizā* ») dans le système « runiforme », et que, d'autre part, celui-ci ne note que par un signe les voyelles doubles (ce qui permet aussi de penser à « *āssiz* » et « *āssizā* »).

En ce point de notre réflexion, le premier lexicographe connu de la langue turque, Mahmūd de Kāšgar, vient à notre secours. Dans son *Dīwāni-lugāti-t-Turk*, « Recueil de la langue turque », élaboré dans les années 1070 de notre ère, il mentionne et commente 6 fois un mot écrit 3 fois *āssiz* (avec le signe arabe de redoublement des consonnes, le *šadda*) et 3 fois *āsiz* (sans ce signe). La lecture en est claire, surtout dans l'admirable reproduction

offset en couleurs de l'unique manuscrit connu réalisée en Turquie par le Ministère de la Culture : *Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü Lûgati 't-Türk*. Ankara, 1990. Ce manuscrit, dont le colophon affirme qu'il a été copié sur l'original, est daté du dimanche 27 şawwal 664 = dimanche 1er août 1266, soit environ deux siècles après la rédaction. Il est entièrement en alphabet arabe dans sa graphie des mots turcs, et en arabe dans ses traductions et commentaires. Il a été très tardivement paginé en chiffres arabes cursifs (de type ottoman), que nous utiliserons pour nos références, en ajoutant l'indication de la ligne.

A la p. 83, lignes 9 et 10, après *ässiz* « mauvais » et *ässiz kişi* « mauvaise personne », on trouve, avec *şadda*, *ässiz* « terme d'affliction », correspondant à l'arabe *yā 'asafā!* « quel dommage! », avec pour exemple : *ässiz anıng yigiliki!*, traduit « *yā lahfā 'alā şabābihi!* » = « Quel malheur pour sa jeunesse! »; il paraît s'agir d'un jeune défunt.

A la p. 360, 4e ligne du bas, dans un poème sur les tourments de l'amour, on a, avec *şadda* : *ässiz! yūzi burkurar!* (après correction d'une inadvertance manifeste, vu la rime, dans la vocalisation des deux dernières syllabes), mot-à-mot : « hélas! il plisse le visage! »; glosé par Mahmūd : « *yā lahfā 'alā wajhihi-l-sāhimi!* », « Quel malheur pour son visage défait! »

Après ces trois *ässiz!* avec *şadda*, le scribe néglige cette précision graphique importante, 383 pages plus loin, ce qui ne signifie nullement que le *sīn* n'est pas redoublé, puisque la phrase « *ässiz anıng yigiliki!* » répète exactement, à la p. 466, 2e ligne du bas, l'exemple de la p. 83, ligne 10, *ässiz anıng yigiliki!*; cela indique simplement que le scribe du XIIIe siècle n'avait pas l'usage du mot *ässiz*. Cette négligence se continue dans les deux passages suivants.

A la p. 515, 6e ligne du bas, on a, dans un poème, un dérivé en *-lik* avec l'accusatif ancien en *-ig*; *ā (s)izlikig anunmā!* traduit en arabe : « *lā tasta'iddanna li'l-şarr!* », « Ne te prépare pas à la méchanceté! » (d'autrui), au sens de : « Ne crois pas d'avance à la méchanceté d'autrui », à en juger par le contexte. Ici, donc, *ässiz*. a le sens de « méchant » (le suffixe *-in*, accusatif possessif de 3e personne, suffit à indiquer qu'il s'agit de la méchanceté d'autrui).

A la p. 630, 3e ligne, toujours dans un poème, où il est question d'un cavalier devant dresser un poulain fougueux qui n'a pas encore été monté, on lit : *ā(s)izlikin amurtsun!* « Qu'il en adoucisse le défaut! » (c'est-à-dire la sauvagerie). Ici, *ässiz-lik* (avec l'accusatif possessif de 3e personne en *-in*) exprime un manque de qualité.

C'est bien d'un manque qu'il s'agit, puisqu'on constate la présence du suffixe privatif *-siz* « sans ». Reste à interpréter la racine *ās-*. La comparaison entre *ā d-gū* « bon » et *ās-siz* « mauvais » (« bon » + privatif) nous amène à considérer *ā ssiz* comme le résultat, après assimilation à *s* du *d* — qui est en réalité spirant : *d /-*, d'un ancien *+ād-siz*. D'autre part, comme, dans la graphie turque ancienne « runiforme », on n'écrit pas *a-/ā-* initial, et on n'écrit qu'une fois les consonnes doubles (ce que plusieurs turcologues ont ignoré), *ässiz* ne peut normalement s'écrire que : *s i z*, ou même (puisque la graphie des voyelles suffixales non finales en 2e syllabe est facultative) : *s z!*

On peut donc être amené à interpréter en *ässiz* les graphies *s i z* et *s z* qui abondent, dans les inscriptions funéraires du Yenisey, avec une fréquence incomparable à celle constatée dans les autres inscriptions. Comme on sait, grâce à Mahmûd de *Kâşgar*, que *ässiz* exprime notamment l'affliction, et que son emploi exclamatif signifie « hélas! », ou « malheur! », ou « dommage! », on peut aisément admettre ce sens de regret affligé des graphies *s i z* et *s z*, interprétées à tort comme *siz* « vous ». Par voie de conséquence, on peut lire *ässizim!* (avec suffixe possessif de 1e personne *-im*) les prétendus et insolites « *sizim* », et les traduire « malheur de moi! ». Enfin, comme il s'agit d'exclamations, on peut interpréter le *-ã* final des prétendus « *sizã* » et « *sizimã* » comme *a/ã* exclamatif postposé, bien attesté dans les textes uygur et encore vivant dans diverses langues turques (uygur : *ãmgãk ã!* « ah! douleur! »; turkmène : *kakam a!* « ah, père! », *sen ã!* « hé, toi! »; turc anatolien : *Hasan a! Mehmed e!* « hé Hasan! hé Mehmet! »). Donc, dans les épitaphes du Yenisey : *s i z* et *s z* = *ässiz* « hélas! »; *s i z a* et *s z a* = *ässiz ã!* (ou : *a!*) « ah, malheur! »; *s i z m* et *s z m* « malheur de moi! », *s i z m a* et *s z m a* « ah, malheur de moi! » (*ässizim!* et *ässizim a!*); au lieu de « *siz* », « *sizim* », « *sizã* », « *sizimã* » des lectures antérieures.

Une fois reconnue la valeur exclamative de *a* dans certains contextes, on peut aussi isoler, dans la lecture, les exclamations *a!/ã!* « ah! », le signe $\uparrow$ remplaçant en quelque sorte le point d'exclamation (!) qui n'existe pas dans la ponctuation turque ancienne; par exemple, dans les inscriptions E-10, -11, -42, -43, -44, -51, etc. . . du *Korpus*.

De même, nous pensons que l'énigmatique « *yïta!* » des inscriptions est le résultat d'une mauvaise lecture oubliant que *a-* initial n'est pas écrit dans ces -textes; il faut lire : *ayït a!*, exclamation après l'impératif de 2e personne du singulier (avec éventuellement une valeur indéfinie-collective), *ayït!*, de *ayt-* « dire à haute voix, clamer » : « clame(z)! » s'adresse aux lecteurs de la stèle, qui doivent, dans les rites de déploration funèbre, pousser des cris de douleur, ou d'éloge du défunt; *ayït a!* « ah, clame(z)! ».

Bien sûr, il ne s'agit pas de voir dans tous les $\uparrow$ = *a/ã* finaux des exclamatifs; ni, dans tous les mots commençant par une consonne, de suppléer un *a-/ã-* initiale; mais cela vaut la peine de le tenter dans tous les cas où le doute est permis. Telle est l'expérience que je propose aux épigraphistes du turc « runiforme » ancien.

Post scriptum : Je lirais le texte de E-10 évoqué vers le début de cet article : *Kuyda kunçuyïm a! ässizim ã! ayït a! Özdã oglım! ässizim ã! adrlitım! ayït a!* « Ô mon épouse qui es dans le vallon! ah, malheur de moi! Mon fils qui es dans la vallée! ah, malheur de moi! »

РЕЗЮМЕ

МЕЖДОМЕТИЕ А В НАДПИСЯХ БАССЕЙНА ЕНИСЕЯ

В тюркских рунических надписях бассейна Енисея (см. Д. Д. Васильев и др., *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*, Ленинград 1983), гласная *a/ã* ($\uparrow$) не пишется ни в начале, ни в середине слова; двойные согласные обо-

значаются только одной буквой; и, наконец, знак $\dot{1}$ обозначает скорее постпозитивное междометие, ... a! / ... ā!, нежели суффикс -a/-ā.

Следовательно, можно читать *āssiz* «увы!» вместо *siz* «вы», *āssizim* «Горе мне!» вместо *sizim* (производное от *siz* «вы», не засвидетельствованное в текстах) и, с междометием, *āssiz ā!* «Ах, горе!» вместо *sizā* «вам» (современная форма датива, не употреблявшаяся в древнетюркских языках), а также *āssizim ā!* «Ах, горе мне!» вместо *sizimā* — формы, не известной в тюркских языках. Что касается предполагаемой формы *yūta!*, не встречающейся в других текстах, то это слово можно прочесть как *ayūt a!* «Ах, кричите!» (призыв к народу, чтобы он криками прославлял покойного или, напротив, выражал горе по поводу его смерти).

A. G. BÉLOVA

(Москва)

VESTIGES KHIMYARITES AUX INSCRIPTIONS D'AXOUM

Parmi des inscriptions axoumites publiées dans DAE, IV, N° 6-7; et Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite, t. I, Paris, 1991, N° 185 bis, il y a une inscription connue comme inscription d'Ézana, du roi axoumite du IV-ème siècle de notre ère. Cette inscription raconte de la campagne militaire des axoumites contre la tribu Béga (Béja).

L'inscription d'Ézana se présente en trois variantes : texte grecque, texte guèze (27 lignes) en écriture sudarabique et texte guèze en écriture éthiopienne non vocalisée. Ce sont les deux inscriptions guèzes qui nous intéressent le plus.

Ci-dessous nous citons des exemples de deux textes guèzes. Nous avons élu six lignes du texte guèze en écriture sudarabique et — en dessous — les mêmes six-sept lignes du texte guèze en écriture éthiopienne. Tous les deux présentent la langue guèze.

Six lignes de deux textes sont selon notre avis suffisantes pour se faire une idée des particularités du texte en écriture sudarabique.

Conditionnellement nous lisons la mimation finale superflue comme *(a)m.

Texte (A)

De « Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite ». T.

I. Les documents. P., 1991; E. Bernard, A. J. Drewes, R. Schneider. Intr. de Fr. Anfray. 185 bis, planches 102-108, Axoum, p. 246, en écriture sudarabique :

I. ṣyḏn / mlk / 'ksm / wḥmrm / wrydnm / w

II. slḥnm / wsb'm / wḥbštm / wšymm / wšrd

III. m / wkswm / wbgm / mlk / mlkn / bn / mḥrmm / d

IV. 'ytmw'm / lḏrm / z'drrmm / ḥzb / bg / fnwn / '

V. ḥwyn / š'znh / wḥdfhm / yḏb'wmm / wbsḥm / b

VI. ḥrm / dhřm / lm / tḏttw / ngšt / mtl / 'ḥzbhm / ...

Texte (B) -"- , en écriture éthiopienne :

p. 247 :

- I. ʿzn / ngś / 'ksm / wḥmr / wrd // w
- II. ks / /wsb' / wslḥn / wšrd / wḥb
- III. śt / wbg / ngś / ngśt / wld / 1m
- IV. ḥrm / z'ytmw' / lḍr / 'ḍrrm / ḥ
- V. zb / bg / wfnwn / 'ḥwn / s'znh / w
- VI. ḥdfh / yḍb'wm / wbšḥm / bḥr / g
- VII. [n] y / lm / sdst / ngśt / msl / 'ḥzb. . .

Textes (A) et (B) :

- I. ʿezana / malik / 'aksūm / wa ḥimyar=am / wa raydān=am /
  - II. wa salḥīn=am / wa saba'=am / wa ḥabašat=am / wa šiyāmo=m / wa šard=
  - III. =am / wa kasū=m / wa bega=m / malik / malikīn / bən / maḥrəm=am / ḍa
  - IV. 'i=yətamaw'a=m / la=ḍar=am / za 'ḍrir=omu=m / ḥəzb / bega / fannawna / '
  - V. əḥ(ə)way-na / šəʿazana(h) / wa ḥadəfah=(a)m / yəḍba'=omu=m / wa bašīḥ=omu
  - VI. bəḥer=omu / dḥr=omu / l=omu / tādəttu / nagašt / mətla / 'aḥzāb=omu. . .
- I. Ezana / roi / d'Axoum / et Ḥimyar / et Raydān /
  - II. et Salḥīn / et Saba' / et Ḥabašat / et Šiyāmo / et *Šard /
  - III. et Kasū / et Bega / le roi / des rois / fils / de Maḥrem / qui
  - IV. est invincible / pour l'ennemi / quand a fait la guerre / la tribu / Bega / nous avons envoyé /
  - V. nos deux frères / Cheʿzana / et Ḥadəfah / (pour) qu'ils les écrasent / et (quand) ils ont atteint /
  - VI. leur pays / se sont soumis / à eux / les six / négouches / avec / leurs tribus / . . .

Le texte (A) en écriture sudarabique nous présente une particularité qui est absente dans le texte deuxième (B). Cette particularité graphique est la mimation superflue.

Au début du notre siècle en analysant le même texte d'Ézana E. Littmann a déjà mentionné une distinction entre deux textes guèzes : « der Hauptunterschied ist, dass im oberem (sud-arabique — A. Bélova) Teile ungefähr jedes Wort auf ein unverständenes, rein graphisches 𐩮 [mim] endigt. . . »¹. Plus tard, Th. Nöldeke² « erkannte, dass die Mimation in diesem Texte nur graphischer Unfug ist » . . . Cette remarque doit être prise en considération.

¹Vorbericht, DAE, 1906, p. 6.

²DAE, IV, 1913, N° 6.

En effet, dans le texte (A) la mimation suit toutes les formes nominales aussi que verbales et même — des suffixes pronominaux. Tandis que le texte (B) en écriture éthiopienne ne montre aucune trace de mimation supplémentaire.

Vu le fait que la mimation graphique représente le pronom guèze = (h)omu aux verbes, gérondifs et noms, on trouve au texte (A) par surcroît un nombre considérable des mimations finales difficiles à expliquer.

Le scribe ne savait pas bien les règles d'orthographe sudarabique. On y peut trouver l'alternance des lettres interdentes /d/ et sifflantes sonores /z/ au pronom relatif; l'alternance de l'interdentale sourde /t/ et de la sifflante sourde /s/ au numéral *sədt/səds*, au verbe *labsa/labta* etc.

Il y s'agit de répondre à la question : est-ce qu'on peut expliquer cette particularité du texte guèze en écriture sudarabique? Si ce n'est pas un élément tout à fait décoratif, on peut admettre que la mimation excédante de l'inscription (A) n'est que l'imitation au style ou à une tradition épigraphique quelconque qui étaient connus au scribe du IVe-ème siècle.

Ici il y tout lieu de mettre en valeur tel fait, que la mimation comme désinence nominale est attestée dans la plupart des langues sémitiques anciennes. C. Brockelmann a traité des adverbess abyssines *temālem* « gestern/hier »; *gēsām* « morgen/demain » comme vestiges de la mimation sémitique³, aussi que des formes adverbiales en hébreu et araméen : *plōt'ōm* « plötzlich/soudain », judaram. *yāmām*, syr. *imām* « bei Tage »; en arabe : *fam* « bouche »⁴ etc.

La mimation était plus régulière en accadien ancien, mais plus tard elle est disparue. Dans la plupart des cas cette mimation reste non fonctionnelle en étant une façon de « spelling » historique dans la tradition babylonienne ancienne⁵. On trouve les traces de la mimation dans l'amorite⁶, l'éblaïte⁷. On les voit aussi dans les morphèmes du duel et du pluriel en ougaritique et hébreu.

La langue du texte de Qaryat al-Fāw de l'Arabie Centrale présente une combinaison curieuse de deux façons déterminative/ indéterminative : l'article prépositif *al= et mimation finale : *ω-l'rd* « et la terre », mais *mn'zzm* « de chacun forte », *'bdm* « à jamais, pour toujours »⁸.

Il en est autrement pour le guèze qui (à l'exception de deux cas de la mimation déjà cités) n'a aucune forme de l'article aussi que d'autres traces de mimation⁹.

À l'époque des inscriptions axoumites la mimation et la nounation postpositives continuaient à fonctionner dans les langues sudarabiques épigraphiques. Les textes sudarabiques épigraphiques montrent autant d'exemples de nounation que de mimation.

³Grundriss, I, 468; cp. aussi Leslau, 208, 575.

⁴Grundriss, I, 136, 137; 472-474.

⁵Grundriss, I, 47; Lipine, 65-67; Grande, 291; Riemschneider, 30-31.

⁶Diakonoff-1991, 113.

⁷Diakonoff-1990, 25-26.

⁸Bélova 1994, 130; *al-Anṣārī* 1977, 3-9; *Beeston* 1979, 79; *Kropp* 1987.

⁹*Dillmann*, 424-430.

On suppose qu'autrefois la mimation sudarabique fonctionnait comme formant déter"-minatif. Ce fait est prouvé par certains noms propres et toponymes¹⁰. On y peut mentionner tels noms propres : *m'dn=m* « tribu sudarabique et région »¹¹, *hmyr=m*¹² « Khimyar », *Twd=m* « highland »¹³, *m'fr=m* « région de Ma'afir »; mais : *hbs²t=n* « Abyssinie », *'ks'm=n* « des Axoumites »¹⁴ etc.

Autant que cette mimation n'accompagne que l'écriture sudarabique [texte (A)] il nous faut chercher son origine en Arabie Méridionale.

On sait que l'épigraphe sabéenne présente les textes avec la mimation aussi qu'avec la nounation¹⁵. L'imitation aux textes sabéens obligerait le scribe axoumite d'utiliser les formants tous les deux (=*m* et =*n*). Mais le scribe a préféré la mimation seulement comme indice de la limite finale du mot ou de l'agencement des mots. Si ce n'était pas un style décoratif, il devait savoir certains textes ou langues où la mimation dominait.

Avant tout c'est une langue khimyarite qu'attire notre attention.

La langue khimyarite nous est connue par les *šoevres* des auteurs arabes yéménites du Moyen Âge, essentiellement — grâce à l'auteur yéménite du X-ème siècle de notre ère al-Hamdānī. Cet auteur cite dans son livre « Kitāb al-'Iklīl » (Livre de la couronne) dans les volumes II, VIII et X-ème quelques textes qui présentent légendes pseudohistoriques des rois khimyarites, des proverbes, locutions, pseudoépithames.

La plus part d'auteurs arabes citent ces textes en arabe avec quelques mots ou formes propres au khimyarite. Mais al-Hamdānī essaie de les transmettre en khimyarite en lettres arabes. Tous les textes khimyarites ou locutions sont suivis de traduction en arabe avec certaines explications des mots et des formes khimyarites qui pouvaient paraître incompréhensibles ou vagues aux lecteurs arabes.

Des textes khimyarites écrits d'autre façon sont inconnus jusque nos jours.

La langue khimyarite présente bien de traits particuliers : en comparaison d'arabe, du sabéen ou guèze (de point de vue d'époque et de territoire proche). Celles sont : l'article *'am-/an=*; le pronom relatif **dū*; Nota genitivi **dū*; la négation **da'/daw*; *k=*perfecte du verbe; le verbe d'existence et de présence **halla*; aussi — la lexique particulier.

Le substrat khimyarite reste dans les dialectes yéménites modernes.

D'après les auteurs arabes yéménites du Moyen Âge, la langue khimyarite existait et circulait en Arabie Méridionale en forme orale pendant quelques siècles après l'hijra et, peut être, plus tard.

Pourtant al-Hamdānī cite dans le II-ème volume d'Iklīl « une lettre » dont la langue et le style sont tout à fait différenciés d'autres textes khimyarites d'origine orale. Plus tard

¹⁰ Bauer 1966, 46-47.

¹¹ Cryaznevitc 1978, 44, N° 37.

¹² Biella 25.

¹³ Biella 216.

¹⁴ Robin 1989.

¹⁵ Beeston 1962; Bauer 1991, 177.

le texte de la même lettre est cité chez l'auteur yéménite Našwan al-Khimyarī (XII siècle) dans son oeuvre « Qašīdat mulūk Khimyar wa 'aqyāli-l-Yaman ».

Evidemment ce texte présente un ordre d'un gouverneur (ou senior, « qayl ») de la région Ma'dīnum située à douze kilomètres vers nord-ouest de Ṣan'ā.

I. al-Hamdānī, 'Iklīl, t. II, 354 (X s.)

De la lettre de Kurayb dū M'dnm :

mn kryb dy m'dnm 'ly th'mt w twdm(') hy hlm w ḥd"m

b 'lfy g'yrm w m"ty r'kbtm ḡrhm l nḥm ywm ḥmwsm hy hlm w ḥd"m

II. Našwān, Qašīda, 183 (XII s.)

mn kryb dy m'dnm 'ily th'mt w twdm hyy hlm ḥd'ym

b 'lfy g'yrm w m"ty r'kbtm ḡrhm ywm ḥmwsm

Traduction arabe :

min kurayb 'lā sākini tihāmata wa ṭawdama / 'an /

'i'tū yawma l-ḥamīsi l-'adnā ḥatman maḥtūman

bi-'alfay ḥašābatin wa mi'atay rākībatin ḡaraḥ kullu-ḥā

Traduction :

« de Kurayb dū Ma'dīn aux habitants de Tihāma et Taud : faites parvenir ce jeudi-là à coup sûr (sans faute) deux milles pièces de bois et deux cents poutres de bois ḡaraḥ toutes-les (tout entier) ».

La lettre de dū Ma'dīn n'a aucune marque khimyarite susmentionnée à l'exception du verbe *halla dans la construction *ḥayya hallumma! Par contre cette lettre se distingue d'autres textes khimyarites par la mimation finale abondante sans aucune trace de nounation finale sabéenne. La mimation dans la lettre :

<i>hallumma wa ḥaḍa"um</i>	« venez et (?) apportez! » ¹⁶
*ga'irim	« pièce de bois »
*rākibatim	« poutre »
*ḡaraḥam	« une sorte d'arbre »
nḥm	(?) « nous voulons »
*ḥamūsam	« cinquième (jour) »

¹⁶Les dictionnaires arabes transmettent cette construction énergique comme ḥayya « ici » avec des formes dérivées de hl : ḥayya halā / ḥayya hallā / ḥayya hal « venez ici! »

On y explique aussi la forme hlm comme halumma (Lane) ou hallum (Dozy). Cette expression impérative est entrée dans le texte du Qoran, cp. : . . .halumma ilay-nā (33-18; aussi dans 6-150) « . . .venez ici chez nous! » On l'emploie dans le Hedjaze également pour tous les genres et pour tous les nombres; dans d'autres parties de l'Arabie on lui donne la terminaison de genre et de nombre : sing. masc. halumma, sing. fém. halummī, duel halummā, pl. masc. halummū, pl. fém. halmumna (BK, II, 1441).

Nous considérons la forme hlm comme dérivée du verbe hl « être, être présent, arriver, venir » au suffixe =m. Le-même suffixe est répété dans la même fonction à la forme ḥd'(y)m. Celle-là est liée avec la première par la conjonction de coordination ω=. Selon le sens de la phrase elle a la valeur verbale.

Il est évident que la langue de cette lettre n'est pas identique à la langue khimyarite qui existait encore au temps d'al-Hamdānī et dont forme orale celui-ci a cité dans « Iklīl ».

Par exemple, au lieu d'article prépositif *am=/'an= on y trouve la mimation finale.

On peut supposer que cette lettre se situe à l'époque plus ancienne ou à l'autre tradition épigraphique.

Dans l'autre part d'Iklīl consacrée à la description de la région RYDT al- Hamdānī fait allusion au toponyme *tulfum*¹⁷. Ensuite il expliqua cette forme étrange aux arabes : « wa kāna smu-hu « *talf* » fa zīdat fi-hi « *mā* » fa qīla « *talfumā* » tumma ḥuḍifāt al-'alifu fa qīla *tulfum* bi-l-ḥimyarīyyati kamā yaqūlūna « *ma'dinum* » wa « *ri'āmam* » yurīdūna « *ma'dinan* » wa « *ri'āman* » :

« Son nom était *talf* ensuite on lui a ajouté *mā* et on s'est mis à prononcer *talfu=mā*, ensuite l'alif a été supprimée et on prononçait *tulfum* en khimyarite aussi qu'on dit « *ma'dinum* » et « *ri'āmam* » en voulant dire « *ma'dinan* » et « *ri'āman* ».

Dans le volume X-ème d'Iklīl al-Hamdānī cite un « musnad » à Ḥaywān (X, 19) : ŠRHM' w 'hwh m'w bnwh m' qywl ŠHRN bnw hgr hm « ŠRH=M' » et son frère=m' et leur (dual) fils, les qayls de ŠHRN ont bâti leur ville... » Dans ce texte al-Hamdānī répète deux fois l'élément final *m'* sans l'expliquer. Il a encore lu un « musnad » à RYDT « *r'm ryl'm* » (X-19, 111) où transmet deux noms propres à l'élément =*m'*.

Donc le savant yéménite du X-ème s. pouvait encore entendre quelque chose d'une langue ancienne (pas la langue khimyarite de ses contemporains) marquée par la mimation finale. Cette particularité est devenue pour lui la plus importante.

Il est probable que les abyssins pendant ses interventions en Arabie Méridionale¹⁸ pouvaient faire la connaissance de langues et de styles épigraphiques locaux.

Le scribe du texte (A) en utilisant l'écriture sudarabique a emprunté aussi à elle la particularité la plus remarquable.

*
* *

Un autre élément khimyarite dans certaines inscriptions d'Axoum est présenté par la négation **da'*. Celle-ci se trouve devant les verbes et, selon le sens des phrases ne peut être qu'une négation. Ci-dessous nous citons quelques lignes de la même édition des inscriptions axoumites de l'époque plus avancée.

[Recueil, N° 192] :

La ligne 7-ème

7. ...gabr / krāstoś / ḍa da' / yəgləb / ḍar / ba-məḥmar / raḥmān-an...

...esclave / du Christ / qui n'était pas / vaincu / par les ennemis / dans sa faveur / miséricordieux

La ligne 10-ème, un fragment :

¹⁷Ikl., VIII, 103.

¹⁸Robin 1989, 147-162; Piotrowskiy 1985, 20-23.

10. ... *da da' / yəkwəwən-h...* — « qui n'était pas / créé... »

La ligne 11-ème :

11. ... 'əgzi'ab(ə)her / 'ayawwāhi / wa *da da'* / ...verbe? —

« ...Dieu / le consolateur / et qui ne / ... »

L'autre fragment, les lignes 4-ème et 5-ème :

4. ... *gabr / la-'əgzi'ab(ə)her / la-da da' / yəmut / wa*

5. *la-da hallawa / wa-hallawa / la-təwlədda / təwlədd / wa la-ʿālama / ʿālam / ...*

4. ... *esclave / pour le Dieu / qui ne / mort jamais / et*

« qui / existe toujours / de la génération / à la génération / de l'éternité / à l'éternité »

La négation en forme *d'* a été déjà attestée dans quelques textes sabéens¹⁹.

Si nous regardons les textes khimyarites de l'Iklīl X, II, VIII nous y trouvons la négation

*daw dans la conjuration du paysan khimyarite et dans les proverbes en dessous.

(1) Iklīl, X, 14 :

'qsmn 'ngwm 'brb'dw/dw/ tgyb lw/tw/ yrwy sd bt' m' byn h'z w byt df' « je conjure quatre étoiles de ne pas se coucher jusqu'à ce que la digue *Bata'* arrose tout ce qui se trouve entre *Hāz* et *Bayt Dafa'* ».

(2) Proverbes khimyarites [Iklīl, II, 352] :

dw hl qyl' dy dw gr/r/ gyl' « il n'est pas roi qui n'a pas percé (construit) un canal d'irrigation ».

[Iklīl, VIII, 32] :

dw zfr dy d/w/ hmyr « n'entre pas (dans) *Zafār*²⁰ qui ne sait pas parler (comprendre) la langue khimyarite ».

Chaque de ces négations occupe une position devant les verbes finites.

Avec l'écriture sudarabique cette négation khimyarite pénètre dans quelques inscriptions axoumites plus tardives. La négation **da'/daw* est inhérente à la langue khimyarite avancée, mais reste tout à fait étrangère aux systèmes grammaticaux du guèze aussi que la mimation finale.

Par contre, la langue khimyarite, sans doute, une des langues de l'Arabie Méridionale, a assimilé tel élément propre aux langues éthiosémitiques comme le verbe d'existence *halla : cp. *dw hl qyl'* « il n'est pas roi ». Ce verbe avec sa forme invariable reste comme un vestige du substrat khimyarite dans les dialectes arabes yéménites modernes aussi que la négation *daw/dawwa/da'*²¹.

La mimation comme élément grammatical plus ancien ne se conserve qu'en toponymie et noms propres historiques.

¹⁹Sab. Dic., 1982, 34; Schneider 1973-1979; Kropp 1994, 124-126.

²⁰*Zafār* — capital khimyarite.

²¹Behnstedt 1992, 393.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

Г. М. Бауэр. Древний южноаравийский язык (эпиграфический) — в : Языки Азии и Африки, т. IV, кн. 1, М., 1991.

Г. М. Бауэр. Языки южноаравийской письменности. М., 1966.

А. Г. Белова. Химьяритский язык. Ареальные исследования к истории арабского языка. М., 1996.

А. Г. Белова. Языковые связи между Южной Аравией и Восточной Африкой. — в : Восток, 1995, № 6.

Б. М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.

И. М. Дьяконов. Аккадский язык. — в : Языки Азии и Африки, т. IV, кн. 1, М., 1991.

И. М. Дьяконов. Древнеханаанейский, аморейский, угаритский. — в : Языки Азии и Африки, т. IV, кн. 1, М., 1991.

История Африки. Хрестоматия. М., 1979.

И. Ю. Крачковский. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.

Л. А. Липин. Аккадский язык. М., 1964.

А. Г. Лундин. Южная Аравия в IV в. — в : Палестинский сборник, вып. 8/71, М.-Л., 1961.

М. Б. Пиотровский. Южная Аравия в раннее средневековье. М., 1985.

Ст. Сегерт. Угаритский язык. М., 1965.

В. П. Старинин. Эфиопский язык. — в : Языки Азии и Африки, т. IV, кн. 1, М., 1991.

Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 1, М., 1978.

Al-Anṣārī 'Abdurrahmān al-Tayyib. 'aḍwā' ḡadīda 'alā dawlat Kinda min ḥilāli 'aṭār wa nuqūṣ Qaryati-l-Fāw.-j. Ad-Dāra, 3-9, 1977 (ar-Riyāḍ).

A. Avanzini. Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud 1950-1973; vol.I-II, Univ. di Firenze, 1977.

A. F. L. Beeston. Nemāra and Fāw. — in : BSOAS, 1979, vol. VLII, pt. 1.

A. F. L. Beeston. Sabaic Grammar. Manchester, 1984.

P. Behnstedt. Die nordjemenitischen Dialekte. Teil 2 : Glossar. Wiesbaden, 1992.

A. G. Belova. Position of ḥimyaritic within the South Semitic Group of Semitic Languages (Yemenit-Ethiopian Isoglosses) — in : Proceedings of the IX-th Intern. Congr. of Ethiopian Studies. Moscow, 26-29 August 1986. T. V, M., 1988.

J. C. Biella. Dictionary of Old South Arabic. Chico, 1982.

Deutsche-Aksum-Expedition. Bd. IV, Berlin, 1913.

I. M. Diakonoff. The Importance of Ebla for History and Linguistics — in : Eblaitica : Essays on the Ebla Archives and Eblaite Language. Vol. 2, Indiana, 1990.

A. Dillmann. Ethiopic Grammar. 2-ed. by C. Bezold, London, 1907.

al-Hamdānī — Kitāb al-'Ikliḥ li-lisāni-l-yaman li-'abī muḥammad al-ḥasan ibn 'aḥmad ibn ya'qūb al-hamdānī. Al-ḡuz' aṭ-ṭāmin. ḥaqqāqa-hu wa 'allaqa-hu 'alay-hi 'al-'ab 'nastās

al-karmalī. Baġdād, 1931; al-ġuz' al-ʿāšir. Taḥqīqu-hu muḥi d-dīn al-ḥātib. al-qāhira, 1368 h.; al-ġuz' 'at-tānī. ḥaqqāqa-hu wa ʿallaqa-hu ʿalay-hi muḥammad ibn ʿalī al-'akwa'. Baġdād, 1980.

M. Kropp. Blut- oder Dauerregen im Alten Arabien? Zu den frühnordarabischen Inschriften aus Qaryat al-Fāw. — in : Die Akten des 5. Intern. Kongress für Hamito-Semitistik. Wien, 1987.

M. Kropp. «... nur zum Abschluss planmässiger Bauarbeiten keinesfalls als Kataklysmenhilfe». — in : Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift W. W. Müller zum 60. Geburtstag. Wiesbaden, 1994.

W. Leslau. Comparative Dictionary of Ge'ez. Wiesbaden, 1987.

E. Littmann. Äthiopische Inschriften (ÄI) = «Miscellanea academica berolinensia», II/2, B., 1950.

E. Littmann. Vorbericht der deutschen Aksum-Expedition von E. Littmann in Strassburg und D. Krencker in Berlin., Berlin, 1906.

W. W. Müller. Äthiopische Marginalglossen zum sabäischen Wörterbuch [ohne Jahressangaben].

Našwān ibn Saʿd al-Khimyarī. Qaṣīdatu mulūki Khimyar wa 'aqyāli-l-yaman... al-Qāhira, 1958.

Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumites. T. I. Les documents. Paris, 1991; E. Bernard, A. J. Drewes, R. Schneider. Intr. de Fr. Anfray.

K. Riemschneider. Lehrbuch des Akkadischen. 2. Aufl., Lpz., 1973.

S. D. Ricks. A Lexicon of Epigraphic Qatabanian. Berkeley, Cal., Ann-Arbor, 1982.

Chr. Robin. La première intervention abyssine en Arabie Méridionale (de 200 à 270 de l'ère chrétienne environ) — in : Proceedings of the Eighth Intern. Confer. of Ethiopian Studies. Addis-Ababa, 1989, vol. 2.

R. Schneider. Quelques remarques linguistiques sur l'inscription de W'ZB, fils de Kaleb. — in : Comptes rendus du Groupe Linguistique d'études chamito-sémitiques, N° 18-23, 1973-1979.

R. Schneider. Trois nouvelles inscriptions royales d'Axoum. — in : IV Congr. Intern. di studi Etiopici. T. I, Roma, 1974.

St. Segert. Altaramäische Grammatik. Lpz., 1975.

BK — A. Kazimirski de Biberstein. Dictionnaire arabe-français. T. 1-2, Paris, 1860 (répr.—Beyrouth)

Dozy — R. Dozy. Supplement aux dictionnaires arabes. T. I-II, Leyden, 1881; 3-e éd., vol. 1-2, Paris, 1967.

Lane — E. W. Lane. Maddu-l-Kamoos. An Arabic-English Lexicon. Book I, pt. I-VIII, L., 1863 (Beirut, 1968).

РЕЗЮМЕ
ЭЛЕМЕНТЫ ХИМЬЯРИТСКОГО ЯЗЫКА В НАДПИСЯХ
АКСУМА

Химьяритский язык известен нам из сочинений средневековых арабских авторов Йемена.

Некоторые слова и формы, характерные для химьяритского языка, передаются в этих сочинениях арабской графикой.

Среди особенностей этого языка можно отметить обильную «мимацию» в одном из химьяритских текстов и отрицание d/dw в других химьяритских фразах.

Сходные особенности можно найти в некоторых аксумских текстах царя Эзаны (IV в. н.э.), выполненных в «химьяритском стиле», который также характеризуется избыточной «мимацией».

Некоторые другие, более поздние (около VI в. н.э.) надписи Аксума характеризуются употреблением отрицания d (перед глаголами), которое не свойственно языку геэз.

Химьяритские элементы в древнеэфиопских текстах могут пояснить нам прошлое химьяритского языка, который не был зафиксирован в эпиграфике Южной Аравии.

Д. Я. ИЛЬЯСОВ, С. Р. ИЛЬЯСОВА

(Ташкент)

АРАБСКИЕ НАДПИСИ НА ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ МАВЕРАННАХРА IX-X ВВ.

В «Эпиграфике Востока» в конце 50-х и в 60-х годах была опубликована серия из пяти статей О. Г. Большакова, посвященных арабским надписям на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв.¹ Автор учел практически все известные на тот период материалы и дал их блестящий анализ. Кажется, с тех пор этим вопросом никто из исследователей (имеются ввиду страны СНГ) не занимался специально, во всяком случае, нам такие работы не известны². Между тем, за прошедший период в Средней Азии накоплен довольно значительный материал, требующий осмысления и введения в научный оборот. Задачу чтения и перевода надписей на керамике IX-X вв. в значительной степени облегчило появление замечательно информативной работы иранского исследователя А. Кучани³. На материалах из Нишапура он выявил 54 афоризма, в том числе 3 хадиса и 11 высказываний, приписываемых имаму Али. Это намного превышает количество афоризмов, выявленных О. Г. Большаковым на

¹ЭВ, 1958, 12, с.23-38; ЭВ, 1963, 15, с.73-87; ЭВ, 1963, 16, с.35-55; ЭВ, 1966, 17, с.54-62; ЭВ, 1969, 19, с.42-50.

²Не считая малоуспешные попытки чтения и перевода арабских надписей на афрасиабской керамике, предпринятые Ш. С. Ташходжаевым (*Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв. Ташкент, 1967, с. 39-44*). Кроме того, некоторые образцы эпиграфики, характерной для посуды Чача и Ферганы саманидского времени опубликованы в следующих работах: Ю. Ф. Буряков. Надписи на глазурованных сосудах Тункета. — в: МИУ, 1963, с. 123-130; он же. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. — в: МИУ, 1966, с. 76-151; И. Ахраров. Дж. Мирваахмедов. Керамика и стекло Ахсикета. — в: Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983, с. 161-168; Л. Г. Брусенко. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986, с. 54-58; Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990, с. 47, рис. 19.

³A. Chouchani. Inscriptions on Nishabur pottery. Tehran, 1986.

среднеазиатской керамике, но ряд надписей, аналогичных нишапурским, прочитаны нами на посуде из Саганиана, Чача и Ферганы, что позволяет дополнить общую картину развития эпиграфического декора глазурованной керамики Мавераннахра⁴.

При археологическом наблюдении на территории строительства Крытого рынка «Чорсу» в старгородской части Ташкента (средневековый Бинкет), а также в других частях города, был найден ряд сосудов с эпиграфическим декором. Начнем с их описания.

- I. Чашечка конической формы с чуть выделенным, слегка вогнутым поддоном (табл. 1/1). Место хранения — коллекция Ташкентской археологической экспедиции Института археологии АН Республики Узбекистан, шифр: ТАЭ-83, Р-17, Б-4. Диаметр венчика (Д) — 13,7 см, диаметр дна (д) — 6 см, высота (В) — 4 см. Целиком покрыта белым ангобом, бесцветной глазурью — изнутри и снаружи до поддона. На дне, в центре, крупная точка темно-коричневого цвета. Этой же краской по бортику почерком строгого куфи сделана надпись:

الحرير

Ал-Хурру Баррун.

Перевод: «Свободный человек — благонравен» или «Благородный человек — благонравен (варианты: набожен, честен, добр)». Надпись повторена дважды (часть чашечки со словом «баррун» отбита), слова симметрично распределены на внутренней поверхности сосуда. По-видимому, для ритма начальный «алиф» оторван от слова «ал-хурру» и написан после «баррун». Аналогию и чтение надписи мы нашли в книге А. Кучани, где опубликована чаша из тегеранского Музея Реза Аббаси⁵. Датируется она IX-X вв., по размерам и декору почти абсолютно идентична нашей. А. Кучани указывает, что эта поговорка относится к высказываниям Абу 'л-Фараджа Ал-Махзуми. Другая очень близкая аналогия происходит с городища Отрар, размеры сосуда и чтение надписи не приведены⁶. Наконец, нам известен еще один сосуд — коническая чаша с двумя concentрическими надписями, найденная в 1984 г. там же, т.е. на территории строительства рынка «Чорсу» в Ташкенте (табл. 1/2). Внешняя надпись — один из самых популярных на керамике саманидского времени афоризмов «Щедрость — свойство праведников», внутренняя «Свободный че-

⁴Предварительные публикации см.: Дж. Я. Ильясов. Арабские надписи на саманидской керамике. — в: Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: История и современность. Душанбе, 1992, с. 31-33; С. Р. Ильясова. Дж. Я. Ильясов. Новые данные о надписях на саманидской керамике. — в: Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Тезисы докладов. Самарканд, 1994, с. 32-33. См. также: Дж. Я. Ильясов. Об одной надписи на сосуде из Самарканда. — в: Сангятунон. Сб. статей. Ташкент, 1998, с. 101-104; Дж. Я. Ильясов. Глазурованный сосуд Ахмада из Окаяма Ориент Музеум. — в: Культурное наследие Средней Азии. Сб. статей. Ташкент, 2000, с. 50-51; С. Р. Ильясова. Дж. Я. Ильясов. Новые данные по эпиграфике Чача и Ферганы. Там же, с. 52-56. 2002, с. 106-111;

⁵A. Chouhchani. Inscription..., p. 142, pl. 61.

⁶К. Байпаков, Л. Ерзакович. Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991, с. 105.

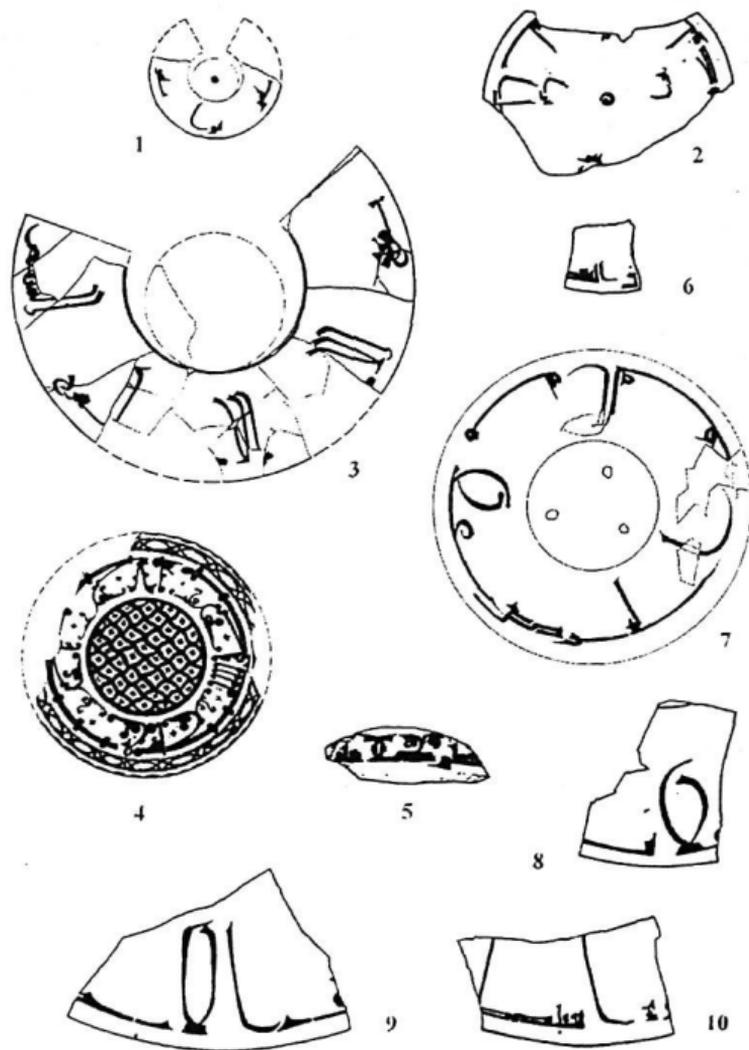

Таблица 1. Надписи на керамике Маграннахра IX-X вв.

ловека — благонаравен»⁷. Таким образом, в настоящее время нам известно четыре сосуда с данной сентенцией, два из которых происходят из Бинкета. Все они по форме и стилю почерка датируются IX — началом X вв.⁸

- II. Крупная чаша конической формы, целиком покрыта белым ангобом и бесцветной глазурью снаружи до поддона (табл. 1/3). Место хранения — коллекция Ташкентской археологической экспедиции, шифр: Крытый рынок — 89, Б — 32. Размеры: Д — 34, д — 12, В — 12 см. Переход от дна к стенкам выделен темно-коричневой линией. Надпись выполнена темно-коричневой краской почерком керамического курсива, состоит из пяти слов, второе и третье сохранились не полностью, но чтение их сомнения не вызывает:

يفرح الاد[يب] بالاد[يب] كفرح المريض

Йуфараху ʿл-Адйби Биʿл-Адйби Кафарахи ʿл-Марйди.

Перевод: «Радуется просвещенный просвещенному, как радуется больной. . .» «Йā» и «фā» в первом слове снабжены диакритическими точками. Очевидна незавершенность фразы, в чем, по-видимому, отразилось желание разместить на блюде именно пять слов. Это свидетельствует о том, что для писца элемент декоративности был, возможно, более важен, чем содержание написанного⁹. Смысл фразы не совсем ясен, можно было бы предположить, что окончание предложения звучало примерно так: «. . . как радуется больной исцелению (или врачу)». Однако, единственная аналогия этой надписи, найденная нами также в книге А. Кучани¹⁰, позволяет уточнить ее содержание. На табл. 55 помещено изображение крупной чаши (диаметром 44 см) с двумя круговыми надписями почерком цветущего куфи. Во внутреннем круге А. Кучани прочитано выражение: Лафараху ʿл-Адйби Биʿл-Адйби Кафарахи ʿл-Муриди Биʿл-Муриди.

Перевод: «Удовольствие (общения, встречи) просвещенного с другим просвещенным, подобно удовольствию (общения, встречи) ученика с другим учеником». Ошибка писца, заменившего на бинкетском сосуде букву «дал» на «дад», превратила «ученика» в «больного». Казалось бы, смысл прояснился, однако нам представляется, что возможен еще один вариант перевода, который полностью раскрывает суть афоризма, известного нам пока по двум сосудам. Дело в том, что на нишапурской чаше последнее слово, читаемое А. Кучани как «би ʿл-муриди» — «с учеником», написано с искажением. Четко читается лишь «би ʿл-мур. . .», конец же слова не читается. Мы полагаем, что здесь должно было

⁷С. Р. Ильясова, Дж. Я. Ильясов. Новые материалы. . . , с. 55, рис. 3.

⁸Г. В. Шишкина Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент, 1979, с. 53.

⁹См., например, у А. Кучани афоризм из пяти слов, в котором последнее слово не написано полностью, несмотря на избыток места (А. Chouchani. Inscription. . . , p. 58, pl. 19).

¹⁰А. Chouchani. Inscription. . . , p. 130, pl. 55. Возможно, в нишапурской надписи первое слово следует читать не «Лафараху», а «Йуфараху», как в надписи бинкетской, поскольку в последней проставлены диакритические точки.

быть слово «би ʔ-муршиди» — «с учителем». Такая интерпретация расставляет все по своим местам и делает фразу логичной и завершённой по смыслу, что характерно для многочисленных арабских афоризмов, известных по надписям на керамике саманидского стиля и сборникам арабских пословиц. Таким образом, предлагаемый нами перевод первоначального варианта афоризма гласит: «Радуетя просвещенный просвещенному, как ученик радуется наставнику». Окончательное решение вопроса зависит от новых находок и публикации посуды с аналогичной надписью. Чаша из Нишапура датируется IX–X вв., чашу из Бинкета можно датировать X в., возможно, второй половиной X в., ибо, как пишет Г. В. Шишкина, «Курсивный почерк на керамике достоверно известен только с X в.»¹¹

- III. 1. Чаша с перегибом стенок, на кольцевом поддоне, полностью покрыта белым ангобом, бесцветная глазурь покрывает сосуд до дна (табл. 1/4). Место хранения — коллекция Ташкентской археологической экспедиции, шифр: Крытый рынок — 89, Б — 27. Д — 33, д — 12,5, В — 4,3 см. Внутренняя поверхность расписана темно-коричневой краской — в центре круг диаметром около 16 см, разбитый неровными пересекающимися линиями на неправильные квадраты, заполненные четырехлепестковыми розетками. По венчику — зубчатая полоса, на вертикальной части бортика полоса узора из переплетающихся линий. Между этой полосой и центральной плетенкой круговая надпись почерком цветущего куфи:

من كثر كلامه كثر سقطه

Ман Касура Калāмуху Касура Сақтуху.

Перевод: «Тот, кто много говорит, часто ошибается». Горизонтальные линии «каф» и «та» переплетены и украшены узлами, вертикальные раздваиваются на полупальметки, выполненные темно-коричневой и красной краской. «Нун» также украшен полупальметтой. У «каф» сильно поднята вертикальная линия вровень со стволами «сийн», что довольно необычно. Верхние части «сийн» и «каф» загнуты вниз. Над буквами «каф» и «нун» проставлены диакритические точки. Фон надписи украшен четырехлепестковыми розетками темно-коричневого и красного цвета. Детали букв в надписи и плетенки по борту выполнены при помощи техники процарапывания по росписи. Чаша датируется X в., поскольку, например, для афрасиабской керамики «к середине X в. стволы букв сблизились, усложнились узлы, пышней стали пальметты»¹².

2. Фрагмент сосуда закрытой формы (кувшин или горшок), изнутри и снаружи покрыт белым ангобом (табл. 1/5), снаружи бесцветная глазурь, покрывающая узор в виде двух полос (верхняя едва видна) оливково-

¹¹ Г. В. Шишкина. Глазурованная керамика... с. 53.

¹² Г. В. Шишкина. Глазурованная керамика... с. 54.

го цвета, между которыми темно-коричневой краской нанесена надпись почерком цветущего куфи: كثر كلامه «... много говорит...». Это, без сомнений, часть той же фразы, что и на предыдущем сосуде. Над «каф» две пышные полупальметты, верхушка «са» расщеплена. Над ней две из трех полагающихся диакритических точек. Две декоративные точки помещены под конечной «ха». Использована техника процарапывания. Сосуд датируется X в. Место хранения — коллекция Ташкентской археологической экспедиции, шифр: Крытый рынок-89, Б-27.

Фраза «Кто много говорит, часто ошибается» имеется на двух нишапурских чашах, опубликованных А. Кучани¹³ (одна хранится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, другая — в Национальном музее восточного искусства в Риме), а также на чаше из коллекции ас-Сабах, хранящейся в Кувейте¹⁴. По А. Кучани, этот афоризм приписывается пророку Мухаммаду, а также «праведным» халифам Умару ибн Ал-Хаттабу и Али ибн Аби-Талибу. До сих пор этого афоризма не было среди находок (во всяком случае, опубликованных в полном виде¹⁵) с территории Мавераннахра, в материалах же Бинкета он представлен двумя экземплярами. Таким образом, это второй по счету хадис, прочитанный на керамике Мавераннахра, первый («Скромность — ветвь веры») был опубликован О. Г. Большаковым¹⁶. Надпись на иранской чаше из Кувейта выполнена почерком строгого куфи, на чашах из публикации А. Кучани — керамическим курсивом, а обе надписи из Бинкета представляют собой куфи цветущее.

IV. Фрагмент чаши, диаметр венчика которой около 40 см (табл. 1/6), изнутри и снаружи покрытый белым ангобом и бесцветной глазурью. Место хранения — коллекция Ташкентской археологической экспедиции. У края венчика несколько слов надписи, выполненной темно-коричневой краской почерком строгого куфи: ان التفك Инна ʿл-Тафак... Это часть фразы, известной нам по единственному экземпляру чаши из Музея стекла и керамики в Тегеране¹⁷:

ان التفكير في المقال، الحكمة و القول من بعد التفكير اجمل

Инна ʿл-Тафаккура Фй ʿл-Мақāли, Ал-Ҳикмату Ва ʿл-Қавлу Мин Бағди ʿл-Тафаккури Аджмалу.

Перевод: «Верна обдуманность в речах; изречения и высказывания, (сделанные) после размышления — еще прекрасней». Первая часть фразы выделяется, она может быть написана отдельно, но очень мелкий, по сравнению с обычным

¹³ A. Chouchani. *Inscription...*, pp. 84, 250, p.132, 115.

¹⁴ Искусство ислама. Каталог выставки. Ленинград, 1990, № 10.

¹⁵ Начальная часть данного афоризма имеется на сосуде, опубликованном В. Л. Вяткиным («Афрасиаб — городище бывшего Самарканда»). Ташкент, 1926, рис. 50).

¹⁶ О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. V. — в: ЭВ, 1969, 19, с. 42-47.

¹⁷ A. Chouchani. *Inscription...*, p. 96, pl. 38.

размер букв в надписи на нашей чаше заставляет предположить, что она была довольно пространной и, по-видимому, в точности соответствовала надписи на нишапурском сосуде, имеющем диаметр 43 см. Публикуемый сосуд можно датировать концом IX–X вв.

- V. Чаша конической формы, найдена в 1982 г. на городище Эски-Ахси в Ферганской долине (табл. 1/7), шифр: Ахси II-82, Б-6. Д — 22, д — 8,5, В — 7 см. Белый ангоб, роспись темно-коричневой краской под бесцветной глазурью. Внутри чаши почерком простого куфи концентрическая надпись:

الحرص علامة الفقر

Ал-Хирсу 'Аламату 'л-Фақри.

Перевод: «Жадность — признак бедности». Над буквами «фā» и «қāф» поставлены диакритические точки.

- VI. Фрагмент чаши конической формы, белый ангоб, надпись выполнена темно-коричневой краской под бесцветной глазурью (табл. 1/8). Место находки — Бинкет, шифр: ТАЭ-84, Крытый рынок, котлован 2, Б-9. Почерк — простой куфи. Сохранились часть буквы «айн», «лям-алиф» и «нун» с диакритической точкой. Очевидно, что это слово «Алāниййату», а вся надпись представляет собой вариант предыдущей надписи из Ахсикета:

الحرص علانيه الفقر

Ал-Хирсу 'Алāниййату 'л-Фақри.

Перевод: «Жадность — проявление бедности». Этот афоризм приписывается имаму Али ибн Аби Талибу и оба варианта встречаются на нишапурской керамике. А. Кучани опубликовал четыре сосуда¹⁸. На мавераннахрских находках фраза «Жадность — проявление бедности» впервые прочитана на сосуде из Саганиана (городище Будрач)¹⁹. Фрагменты с этой же надписью встречались среди любительских сборов бинкетской керамики, есть подобный фрагмент в экспозиции Ферганского областного краеведческого музея. Кроме того, два сосуда из Бинкета с аналогичной надписью опубликованы Л. Г. Брусенко, один найден в Худжанда и один в Самарканде²⁰. Еще один экземпляр, место происхождения которого точно неизвестно (Хорасан или Мавераннахр), имелся в коллекции галереи И. Мумтаз в Лондоне²¹.

- VII. 1. Фрагмент конической чаши, изнутри и снаружи покрытый белым ангобом и бесцветной глазурью, диаметр венчика 44 см (табл. 1/9). Надпись по борту темно-коричневой краской почерком строгого куфи: ...ف الاح

¹⁸Ibid., pp. 22, 56, 162, 264, pl. 1, 18, 71, 122.

¹⁹Дж. Я. Ильясов. Арабские надписи... с.32.

²⁰Л. Г. Брусенко. Глазурованная керамика... , рис. 23: 5, рис. 35: 2; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985, с. 327, 838; О. Г. Большаков, ЭВ, 1963, 16, с. 45, табл. 4: и. Надпись на кувшине из Самарканда О. Г. Большаков ошибочно принял за неграмотную копию надписи «Шедрость — свойство праведников».

²¹A Perspective of Unity, London, 1995, № 8.

... Место хранения — коллекция Ташкентской археологической экспедиции, шифр: Т-79, Беш-Агач, Бад. 1, XVI/243.

2. Фрагмент конической чаши, с диаметром венчика около 48 см (табл. 1/10). Надпись по краю темно-коричневой краской по белому ангобу почерком строгого куфи: ... *وَة اشبِك* ... Почерк менее уверенный, чем на предыдущем сосуде, краска местами расплылась. Над «шин» и под «ба» поставлены диакритические точки, горизонтальные линии «каф» переплетены (эффект достигнут процарапыванием). Место хранения — коллекция ТАЭ, шифр: Ташкент, 1981, Бинкет, П.

Обе чаши, судя по всему, были украшены одной и той же надписью:

العالم اشرف الاحساب و المروه اشبِك الانساب

Ал-Илму Ашрафу 'л-Ахсāб Ва 'л-Муру'ату Ашбаку 'л-Ансаб.

Перевод: «Знание — благороднейшее из достоинств и мужество — сложнейшая из генеалогий». О. Г. Большаковым опубликована часть белоангобной чаши из Самарканда с аналогичной надписью²². Это, как он пишет, единственный известный ему на среднеазиатской керамике экземпляр надписи, которая переведена им так: «Знание (ученье) благороднейшее из происхождений и мужество — славнейшая из генеалогий». Надпись на самаркандской чаше сохранилась не полностью, поэтому для расшифровки О. Г. Большаков привлекает две чаши из Нишапура. У А. Кучани, кроме тех сосудов, что упомянуты О. Г. Большаковым²³, опубликованы еще четыре чаши с аналогичной надписью²⁴. Почерки: простое куфи (1 экз.), цветущее куфи (3 экз.), керамический курсив (2 экз.). Почерк на самаркандской чаше — керамический курсив. На обеих бинкетских чашах, как уже было отмечено, надпись выполнена почерком строгого куфи. По фотографии нишапурского сосуда из Музея Метрополитен О. Г. Большаков слово *اشبِك* «сложный, запутанный» прочел как *اشيد*, что не верно. Написание этого слова на бинкетской чаше не оставляет сомнений в его чтении, и более правильным является перевод А. Кучани: «сложнейшая из генеалогий». Надо полагать, что под сложностью подразумевается древность и разветвленность генеалогического древа.

Недавно мы ознакомились с фрагментами чаш с куфическими надписями из одной частной коллекции, собранными на территории Ташкента. Удалось разобрать отдельные слова и части слов, в которых можно опознать части еще двух афоризмов, известных нам по нишапурским материалам, но до сих пор не встречавшихся среди мавераннахрских находок.

VIII. Один из них следует читать так:

[А]л-Хамду Йабк[ā Зухруху Ли'л-Фатā Ва'л-Мāлу Лā Йабк]ā Ли-Арбāби.

²²ЭВ, 1966, 17, с. 56, табл. II: а.

²³A. Chouchani. Inscription..., pls. 49, 108.

²⁴Ibid., pp. 34, 50, 154, 184, pls. 7, 15, 67, 82.

Перевод: «Похвала остается спасительной для щедрого (великодушного) юноши, хотя богатство не сохранит никакой владыцей». А. Кучани опубликовал три нишапурских сосуда с аналогичной надписью, два из коллекции Музея Метрополитен (один из них с подписью мастера Ахмада) и один из коллекции Давида (Копенгаген)²⁵.

IX. Второй афоризм:

Ва Калу: Инна ʿЛ-Саламāта [М]ā [Самита Ва Иннамā Йʿубдī Баṭāната Зй ʿЛ-ʿУйуби Калāmун].

Перевод: «И сказано: Безопасность заключена в молчании и только речь показывает (обнаруживает) нутро (изнанку) человека с недостатками». А. Кучани опубликовал два сосуда с аналогичной надписью²⁶.

X. Еще одна великолепная по качеству декора коническая чаша из той же частной коллекции, состоящей из ташкентских находок, содержит большую круговую надпись, пока нами не прочитанную. Большой интерес представляет дополнительная надпись, выполненная мелкими буквами:

بركة لابي جعفر بن عزيز

Баракатун Ли-Аби Джа'фар Бин А'зйз.

Перевод: «Благословение Абу Джафару Ибн Азизу». Насколько нам известно, это первый в Мавераннахре пример именного благопожелания конкретному человеку на глазурованной посуде саманидского периода²⁷. До этого нам удалось опубликовать заметку о сосуде конца IX — начала X в. из Самарканда с надписью «Баракатун ли'л-амйри» — «Благословение эмиру»²⁸. Учитывая прекрасное качество оформления бинкетской чаши, можно предположить, что здесь названо имя заказчика или потребителя, имевшего определенное положение в столице Чача в X в. Не исключено, что это мог быть саманидский наместник, представитель правящей верхушки либо богатый и влиятельный горожанин. Нам пока не удалось этого сделать, но было бы чрезвычайно интересно найти какое-либо упоминание имени Абу Джафара б. Азиза в письменных источниках.

Таким образом, публикуемые надписи из Бинкета дополняют список афоризмов, использовавшихся в декоре глазурованной керамики Мавераннахра в последней четверти IX и в X вв. Большая и интересная работа, проделанная О. Г. Большаковым и, к сожалению, не имевшая своего продолжения, дополняется благодаря новым археологическим находкам, позволяющим расширить круг представлений о репертуаре керамистов Мавераннахра саманидского периода. О. Г. Большаков упоминает более

²⁵ А. Chouhiani. Inscription. . . , pp. 248, 256, 290, pls. 114, 118, 135.

²⁶ Ibid., pp. 140, 164, pls. 60, 72.

²⁷ Каламдан X в. с именем Мухаммада Фадала (см.: В. А. Крачковская. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX–XI вв. — в: ЭВ, 1955, 10, с. 50, рис. 5) посудой назвать нельзя.

²⁸ Дж. Я. Ильясов. Об одной надписи. . . , с. 101–104.

двух десятков различных текстов²⁹. Хотя подробно в статьях им разобраны полностью 12 афоризмов из Средней Азии³⁰. К этому количеству можно добавить еще семь афоризмов (а именно, надписи I-VI, VIII и IX, публикуемые здесь), встречающихся, как теперь стало известно, помимо нишапурской, также на керамике Ташкента, Отрара, Ахсикета, Саганиана, Самарканда. Думается, что с появлением новых находок количество их будет возрастать, приближаясь к находкам из Нишапура, где афоризмов выявлено, напомним, более полусотни.

Отметим, что решение различных вопросов, таких как вопросы бытования арабского языка и письменности у населения Мавераннахра и Хорасана в IX-X вв., среди производителей и потребителей глазурованной посуды, их социального и образовательного уровня и т. п., требует анализа как смысла каждой фразы, так и особенностей их написания. Интересно было бы поискать параллели афоризмам на керамике в литературе IX-XI вв. Так, например, в «Йатимат ад-дахр» Ас-Са'алиби приводится любопытный эпизод из жизни арабоязычного поэта Абу 'л-Хасана б. Али б. Ал-Хасана Ал-Лаххама Ал-Харрани, жившего в Бухаре в 945-975 гг. Прозванный за свои острые сатиры «шайтаном среди людей», Ал-Лаххам как-то раз, сочиняя каламбур о некоем Абу Ахмаде б. Мансуре, пользовался как раз теми словами, которые составляют афоризм о благородном человеке (надпись № I)³¹. Экспромт и импровизация высоко ценились любителями острого слова, и можно представить, как язвительный поэт упражнялся в каллиграфии, меняя на потеху присутствующим огласовки и диакритические знаки. Поскольку подобного рода «выступления» обычно происходили во время пирушек, нет ничего невозможного в том, что перед поэтом стояла глазурованная чаша с надписью «ал-хурру баррун»... Во всяком случае, по нашему мнению, этот пример показывает, что данный афоризм был популярен в литературной, а точнее, интеллектуальной среде того времени, которая влияла, несомненно, и на репертуар мастеров-керамистов.

Публикуемые материалы показывают, что на обширной территории саманидского государства, от Хорасана на юго-западе до Ферганы и Чача на северо-востоке гончары изготавливали посуду в одном стиле, иногда совпадающем в самых мелких деталях. Это свидетельствует о мощных интеграционных процессах, происходивших в этот пе-

²⁹ А. М. Беленцкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973, с. 279.

³⁰ ЭВ, 1963, 16, с. 35-55; ЭВ, 1966, 17, с. 54-62; ЭВ, 1969, 19, с. 42-50.

³¹ Позволим себе процитировать этот рассказ: «Однажды некий Абу-Ахмад ибн Мансур сказал ал-Лаххаму: „Ты поносил меня в сатирах?“. Он ответил: „Нет“. Сказал Абу-Ахмад: „Тогда ругай меня в сатирах и пусть тебя не коснется порицание“, и подал поэту бумагу и чернила, и ал-Лаххам написал: „Говорят, что Абу-Ахмад благородный (хуррун); я сказал им: он благородный, клянусь моей жизнью, но только читайте „ха“ с кесрой (хирун, т.е. женское лоно). Если вы желаете этим (сказать) нелепость или глупость, то замените эту букву буквой „ба“ и поставьте точку над „ра“ (т.е. получится слово „бизуун“ — грудь женщины)». Цит. по: И. Абдуллаев. Абу-л-Хасан ал-Лаххам — бухарский поэт-сатирик при Саманидах. — в: Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент, 1961, с. 436-447.

риод, а керамику с эпиграфикой можно смело назвать изделиями «общемперского» стиля.

Дополнение

После написания статьи нам удалось предложить чтение и перевод афоризма, украшающего чашу с именем Абу Джафара ибн Азиза: Иза л-Мукариму фи А[хлих]а Фама Аш[ра]ка (?) Фима Йадрибу л-Масалу; перевод: «Когда некто восхваляет щедрых (в своем имуществе), он прав (поступает правильно)»³². Из-за неполной сохранности чаши правильность чтения и перевода вызывают некоторые сомнения, которые могут снять лишь новые находки.

Еще один афоризм, впервые встреченный нами на керамике рассматриваемого типа, также прочтен на белофонной чаше, найденной на территории Ташкента. Чтение: Ла Хайри фи л-Мали Иза Лам Йакун Инда Хауа За Ликаффи Ваххабу, Бил-Йумни [Ва] л-Баракату; перевод: «Нет блага в богатстве (деньгах), если не принадлежит оно рукам дающего (щедрого человека). Со счастьем и благосло^вением»³³. Подтвердить чтение помогла надпись на сосуде, опубликованном в каталоге аукциона Сотби, в котором предлагается вариант: Ла Хайр фи л-Мал Иза Лам Йакун Инда Джавад ал-Кафф Ваххаб; перевод: «Нет блага в богатстве, если оно не с щедро дающей рукой»³⁴. Надпись выполнена почерком куфи без диакритических знаков на сосуде, относящемся к совершенно иному типу глазурованной керамики IX в. с рельефным декором, которую изготовляли, судя по местам находок, в Ираке и в юго-западном Иране. В пользу нашего варианта говорит то обстоятельство, что, в отличие от иракской чаши, на бинкетской проставлены диакритические точки (за исключением «ба» в слове «барака»), и в этом случае мы имеем букву «ха», а не «джим», и «зал», а не «дал». Следовательно, чтение «джавад» не подходит.

Таким образом, на двух бинкетских сосудах выявлены новые надписи, пока не встреченные нами в опубликованных материалах по глазурованной керамике саманидского периода из Хорасана и Мавераннахра. Это позволяет довести число афоризмов, входивших в репертуар мавераннахрских мастеров, до 21, а кроме того, дополнить новыми данными материалы сводной работы А. Кучани.

³² Д. Я. Ильясов, Р. Имамбердыев. Новые арабские надписи на глазурованной керамике Бинкета — в: ЗВО РАО. Вып. 26. СПб. (в печати).

³³ Там же.

³⁴ Sotheby's Islamic and Indian Art. London, 25th April 1996, pp. 24–25, lot 38.

SUMMARY
**ARABIC INSCRIPTIONS ON GLAZED CERAMICS
FROM MAWARANNAHR, IX-X CENTURIES**

The new inscriptions from Binkath, published here, expand the existing repertoire of aphorisms which were used in the decor of glazed ceramics of Mawarannahr in IX-X centuries. These new materials are important in the context of scientific research pertaining to spreading of Arabic language and writing among the population of Mawarannahr and Khurasan in IX-X centuries. The new materials show that on the whole vast territory of the Samanidian state ceramics was manufactured in one style, which may be called the "general imperial" style. This fact testifies to powerful integrative processes which took place in the above mentioned period.

К. А. КИТЧЕН

(Ливерпуль)

ТРИ НЕБОЛЬШИЕ ПРЕДМЕТА ИЗ ДРЕВНЕЙ ЮЖНОЙ АРАВИИ*

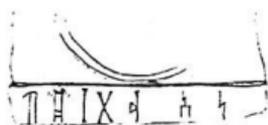
Вступление. Приношу благодарность моему другу господину Салиму Хасбани за то, что он некоторое время тому назад любезно обратил мое внимание на эти объекты. Значение всех трех скромно, но каждый вносит свою лепту в дело составления мозаики нашего знания о древней Южно-аравийской цивилизации.

Оазис-Лондон 1. Илл. 1. Максимальная высота: 27,8 см; максимальная ширина: 26,5 см. Обычный алебастр кремового цвета. Намогильная стела катабианского типа. Изображает голову и торс женской фигуры; правая рука поднята в приветствии, а левая простерта вдоль груди и держит стилизованные виноградные гроздья. См. замечания М. Хёфнера, в: *E. Haberland et al., eds, Festschrift für Ad. E. Jensen, I, Munich, 1964, S. 218–219 (& pl. 3b)*. По основанию проходит строка текста (см. илл. 1):

N'dt / Dġ «Na'dat, Dhagh».

По всей видимости, это является именем женщины и (племенным?) прозвищем. Весьма схожие объекты были опубликованы Пиренном в: *Syria 37 (1960), pp. 326–347, pls. 14–15; Syria 39 (1962), pp. 257–262, pl. 15*, а также в *Corpus des Inscriptions et Antiquités Sud-arabes, I/2, 1977, p. 415ff*, происходящие из знаменитого кладбища в Хайд бин Акил, которое обслуживало город Тимну (ныне Хаджар Кахлан), столицу царства Катабан. См. также айвардский предмет, изображение которого было опубликовано в Лондонском каталоге Сотби от 23 мая 1960 г. (лот 98, фото на с. 21). Эти объекты (а также и наш) могут быть датированы I или II веками до н.э.

*Перевод с англ. Д. В. Минульского.

Илл. 1. Оазис-Лондон 1.

Илл. 2. Оазис-Лондон 2.

Илл. 3. Оазис-Лондон 3.

Имя *na'dat* также известно (но как племенное название) по граффити в ал-‘ула (RES 3367); прозвищу же я все еще не могу обнаружить параллели.

Оазис-Лондон 2. Илл. 2. Максимальная высота: 26,1 см, максимальная ширина: 16,25 см. Прямоугольная известняковая плита кремового цвета с бычьей головой, выполненной в виде слабо выраженного рельефа (фас), со слегка выдающимся вперед основанием, по которому проходит одна строка текста:

'l-n'd / 'myd «Il-na'ad, 'Ammiyada<'>».

Снова, здесь имеются личные имена — имя мужчины и прозвание. Другой мужчина, которого зовут Ил-на'ад, известен по еще одной стеле с изображением бычьей головы, но принадлежит к (семейству) 'Абйад[а:] — нельзя установить, был ли 'айн утерян по причине повреждения или пропущен ошибочно (как в нашем случае). См. RES 3902:119 (RES, VI 360, из коллекции Кайки Мунчерджи, Аден). Имя Ил-на'ад также известно по RES 454:1 (= CIAS 1052 [= CIAS, I:1, 231-233, и CIAS, I:2, 461-462]), типичному аусанитскому посвящению; по RES 3902:44 (RES, VI, 352), еще одной стеле с бычьей головой (Ил-на'ад из (клана) Лахайум); возможно, по печати RES 3926 (RES, VI, 386) и по катабанианской строительной надписи RES 3965 (RES, VII ,19-20; CIAS, I:1,117-123), сделанной при царе Варавиле Гайлане Йуханчуме, ок. 70 г. н.э. С другой стороны, 'Аммиада' является распространенным личным именем, которое также известно в качестве кланового наименования (как здесь), также как в RES 3896:11,15 (статуэтки); 3902:11,14,81 (основания?), 137/1 (посвящение аусанитскому царю).

Оазис-Лондон 3. Илл. 3. Максимальная высота: 28,4 см; максимальная ширина: 20,5 см. Плита, подобная предыдущему объекту, однако бычья голова занимает

гораздо меньше места. Слегка выступающее вперед основание также несет строку текста:

𐩦𐩣𐩪 / Dġ— / 𐩪b «*Am̄m-ʿalay, Dagh ʿAsib*».

Имя собственное имеет распространенный характер, однако первая часть разделенного прозвания неясна. Касательно второй части см. RES 3566, I, 34 (в указе Шахра Йагула Йахархиба (III), царя Катабана, ок. 50 г. н.э.; RES, VI, 220) и RES 4741 (стела с изображением лица, RES, VII, 346) — в обоих случаях как личное имя. Оба рассмотренных объекта принадлежат к хорошо известной категории древних южно-аравийских предметов, которые датируются начиная с первых двух веков нашей эры (или, возможно, более ранним временем). Некоторые из них определенно происходят из некрополя Тимны (подобно предмету 1), другие же имеют неопределенное происхождение. Эти два предмета сохраняют личные и возможно также клановые имена. Другие примеры см. в: *Pirenne, Corpus*, II/2, 1986, pp. 367f., 377f.; *M. Höfner, Festschrift A. J. Jensen*, I, 1964, plate 3:2.

SUMMARY

THREE MINOR OLD-SOUTH-ARABIAN PIECES

In the article are published the inscriptions of three South-Arabian stelae from a private collection in London. The first inscription is from Timna, the capital of ancient Qataban, it dates from the 2nd or the 1st century B. C. It includes the personal name of a woman and a (tribal?) surname. The second and the third inscriptions date from the first two centuries A. D. onwards (and perhaps earlier). They are of uncertain provenance. These too preserve personal and probably clan names.

Б. Д. КОЧНЕВ

(Самарканд)

МОНЕТЫ МУСЫ ЙАБГУ, СЫНА СЕЛЬДЖУКА (О РАННИХ ЭТАПАХ СЕЛЬДЖУКИДСКОГО ЧЕКАНА)

Как известно, создателями государства Сельджукидов явились братья Тогрыл-бек Мухаммад и Чагры-бек Давуд (сыновья Микаила б. Сельджука) и их дядя Муса Йабгу¹ б. Сельджук. Уже первые их успехи в борьбе с Газневидами ознаменовались, в частности, выпуском монет в Хорасане. Как писал В. В. Бартольд, еще до решающей победы над Масудом Газневи при Данданакане (431/1040), в 428/1037 г., монеты были выпущены в Нишапуре, столице Хорасана, от имени Тогрыл-бека, в Мерве — от имени Чагры-бека². Т. Ходжаниязов, который свою нумизматическую деятельность посвятил преимущественно изучению монет Великих

¹ Данное «имя» передается в рукописных источниках *يَبغو* и *يَبغو*, а специалистами транскрибируется еще более многообразно: Йабгу (Ябгу), Бигу, Байгу (Бейгу), Пайгу. С. Г. Агаджанов различает титулы йабгу и байгу, считая первый более высоким (С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 139–140). Не будучи специалистом в области титулатуры и ономастики огузов и туркмен, я обратился за консультацией к тюркологу С. Г. Кляшторному, который любезно сообщил, что более предпочтительной ему представляется форма *йабгу*. Такой титул хорошо известен у тюрков, в том числе у огузов (туркмен), у которых он нередко бывает персонифицирован, т.е. выступает в роли своего рода имени. В этой связи стоит напомнить удачную формулировку С. Г. Кляшторного о тюркском «титуле... неотделимом, а часто и неотличимом от имени» (С. Г. Кляшторный. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. — I тысячелетие н.э.) — в: Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986, с. 324). В рукописных источниках дядя Тогрыл-бека и Чагры-бека упоминается в подавляющем большинстве случаев не как Муса, а как Йабгу, т.е. титул почти вытеснил его мусульманское имя и сам фактически превратился в имя, под которым его носитель и вошел в историю.

² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа — в: Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963, с. 573; Он же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — в: Соч. Т. V. М., 1968, с. 93. При этом В. В. Бартольд ссылается на Ибн ал-Асира, но этот автор ничего не сообщает о монетном чекане (сикка), а говорит только о хутбе на имя Тогрыл-бека и Чагры-бека (Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. Извлеч. в пер. И. Н. Леманова и С. Волина. — в: Материалы по истории туркмен и

Сельджуков, в специальной статье о начале сельджукидского чекана указал, что самые ранние известные сельджукидские монеты — это битые Тогрыл-беком динары Нишапура 433/1041–42 г., а значит, выпуск Сельджукидами собственной монеты начался, очевидно, после Данданаканской битвы, да и то не сразу³. Впоследствии к тому же вопросу обратился Г. Г. Берадзе, из чьей статьи явствует, что Т. Ходжаниязову осталось неизвестной вышедшая еще раньше его работы статья Дж. Смита и Ф. Планкетта с упоминанием (но без описания) более ранней сельджукидской монеты — динара Тогрыл-бека, битого в Нишапуре в 428/1036–37 г.⁴ Однако и это не самая древняя монета с упоминанием кого-либо из Сельджукидов — есть еще более ранние. Ниже приводятся описания как этих фельсов, так и более поздних динаров, надписи которых важны для правильной атрибуции фельсов.

Туркмении (далее: МИТТ). Т. I. М. — Л., 1939, с. 369). Скорее всего, В. В. Бартольд исходил из традиционного (и, в принципе, справедливого) представления о неразрывности пары хутба/сикка: есть монеты — значит, была и хутба, прочитана хутба — значит, должны были быть и монеты. Как почти всегда, великий российский востоковед оказался прав, и сельджукидские динары Нишапура 428/1037 г. в конце концов были выявлены (об этом ниже).

³Т. Ходжаниязов. К вопросу о начале монетного чекана в государстве Великих Сельджуков. — в: Нумизматика и эпиграфика, X. М., 1972, с. 155–159.

⁴J. M. Smith, F. Plunkett. Gold money in Mongol Iran. — in: Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. II Leiden, 1968, p. 297; Г. Г. Берадзе. О начале монетного чекана в государстве Сельджукидов. — в: Эпиграфика Востока. XXIII. Л., 1985, с. 48–49. Г. Г. Берадзе подчеркнул, что у Ибн ал-Асира приведены две разные даты первой хутбы на имя Тогрыл-бека в Нишапуре: в одном месте — 429 г.х., в другом — шабан 428 г.х. Монетные данные убеждают в достоверности ранней даты (Г. Г. Берадзе. О начале... , с. 48–49). По поводу года сомнений действительно нет. Что же касается месяца, то, как отметил Г. Г. Берадзе, в рукописных источниках назван то шабан, то рамадан, то зу-л-када 429 г.х. (там же, с. 49, примеч. 9). Есть и более точные указания: по словам Абу-л-Хасана Байхаки, хутба на имя Тогрыл-бека была впервые оглашена в Нишапуре в первую пятницу рамадана 428 г.х., т.е. 7 рамадана 428/24 июня 1037 г. (С. Г. Багирова. Сочинение «Татимма „Сиван ал-хикма“» ал-Байхаки как образец средневекового энциклопедического справочника, Ташкент, 1987, с. 53). Согласно Абу-л-Фаэлу Байхаки, Сельджукид Ибрахим Йинал подошел к Нишапуру через 20 дней после разгрома газневидского войска под командованием Субаши близ Серакса (Абу-л-Фаэл Байхаки. История Масуда (1030–1041). Пер. с перс., введ., комм. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное. М., 1969, с. 673), последнее же событие имело место, по данным Садр ад-Дина Хусайни, 6 шабана 428/25 мая 1037 г. (Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукийя (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулк ас-селджукийя) = (Сообщения о Сельджукском государстве: Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях. Изд. текста, пер., введ., примеч. и прил. З. М. Буниятова. М., 1980, с. 29). Судя по сведениям Абу-л-Фаэла Байхаки, Ибрахим Йинал, подойдя к Нишапуру, вступил в город не сразу, а после совещаний нишапурской знати (Абу-л-Фаэл Байхаки. История... , с. 673 сл.). Таким образом, дата Абу-л-Хасана Байхаки вполне выдерживает проверку показаниями других авторов. Возможно, разные месяцы, указанные в разных источниках, фиксируют разные события: в шабне сельджукидское войско подступило к Нишапуру, в самом конце шабана или начале рамадана вошло в город, после чего (7 рамадана) была прочитана хутба на имя Тогрыл-бека, а в зу-л-када отчеканили первые монеты с его упоминанием. Как бы там ни было, и сведения рукописных источников, и особенно монетные данные убеждают в том, что отсчет истории существования государства Сельджукидов правильнее начинать не с 429/1038 г., как принято, а с 428/1037 г.

Илл. 1. Фельс. Кермине 415/1024–25 г.

1 а. Кермине 415/1024–25 г. Фельс⁵.

Л. ст.: Муизз ад-Даула; об. ст.: Йабу.

Л. ст. В поле:

معز
الدوله

Вверху, между рожками крупного полумесяца (так передан «айн» в слове Муизз), колечко, внизу сабля острием влево. Кругом, между внутренним двойным (внутри точечный, снаружи линейный) и внешним однолинейным ободками:

لا اله الا الله وهذه لا شريك له محمد
رسول الله

Об. ст. В поле: *يغزو* (между двумя колечками). Вверху полукружие с подтреугольным навершием, внизу натянутый лук со стрелой вниз. Кругом, между внутренним тройным (точечный между линейными) и внешним однолинейным ободками:

بسم الله صر بهذا الفلس بكرمينة سنة
خمس عشر واربعمئة

1 б. Кермине 415/1024–25 г. Фельс⁶.

Л. ст. Как № 1 а, но внутренний ободок тройной (точечный между линейными).

Об. ст. Как № 1 а, но круг. лег. уместилась не полностью (последнее слово *عشر*).

⁵Из частной коллекции В. Ф. Цапина (г. Самарканд).

⁶Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (далее ГЭ) инв. № 3017, 6239; Институт археологии АН Узбекистана (Самарканд), инв. № 1746; первый экземпляр опубликован: *Ch.M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum. . .*, Petropoli, 1826, p. 133, № 44.

1 в. Кермине 415/1024–25 г. Фельс⁷.

Л. ст. В поле: *معز الدولة*; сверху сабля острием влево, внизу палица (?) влево. Кругом, между внутренним двойным (или одинарным) и внешним однолинейным ободками:

لا اله الا / الله وحده / لا شريك له
نصر من الله

(легенда разделена тремя дифферентами в виде растительных завитков).

2. Кермине 417/1026–27 г. Фельс⁸.

Л. ст.: падша; об. ст.: Инанч Кокуз (?)⁹.

Л. ст. В поле:

لا اله الا الله
وحده لا شريك له
پادشا

Вверху украшение, кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками, как № 1 а, но дата иная: ... سبع و ع.

Об. ст. В поле: *يغزو*; сверху полукругие с подтреугольным навершием (внутри — полумесяц с колечком между рожками), справа и слева по стреле наконечником вниз, внизу натянутый лук со стрелой вниз. Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками, как № 1 б, но в конце еще два неопределенных знака.

Об. ст. В поле:

الله
اينا نجح كوكو
ر (ن)

Верхнее слово и нижний знак — между двумя колечками. Кругом, между внутренним тройным (из колечек между двумя линейными) и внешним однолинейным ободками, Коран XXX, 3–4:

لله الامر من قبل وبعد (!) ويومئذ
يفرح المؤمنون بنصر الله

⁷Один экземпляр найден в 1985 г. на городище Кум-Совтан в Бухарской области, хранится в Гос. музее искусства народов Востока (г. Москва), другой оказался в составе клада, обнаруженного в 1989 г. на городище Койчили-тепа в Самаркандской области и хранящегося в Институте археологии АН Узбекистана; краткую информацию о кладе см. Б. Д. Кочнев. Клад фельсов X–XI вв. из Самаркандской области. — в: Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1990, с. 56–57; А. Х. Атаходжаев, Б. Д. Кочнев. Два клада куфических монет из Узбекистана. — в: Бартольдские чтения. Год десятилетия. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993, с. 62–63.

⁸ГЭ инв. № 3097; публикация: Ch. M. Fraehn. Nova supplementa ad Recensionem numorum muhammedanorum. . . , Petropoli; 1855, p. 57, № 90.

⁹Имя Кёкүз засвидетельствовано в уйгурском документе XIII в. (Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 313), но возможны, конечно, и другие чтения, например, Коктуз; ср. имя Байтуз, X в. (Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда, с. 282).

3. Кермине 419/1028 г. Фельс¹⁰.

Л. ст.: Сайф. Об. ст.: Йабу Сайф ад-Даула¹¹.

Л. ст. В поле:

محمد
رسول
الله
سيف

Об. ст. В поле:

يغزو
سيف
الدولة

Вверху скобка с точкой внутри. Кругом, между внутренним тройным (точечный между линейными) и внешним однолинейным ободками, как № 1 а.

Вверху полукружие с точкой внутри, внизу меч острием влево. Кругом, в обрамлении как на л. ст., как № 1 а, но дата иная:

... تسع عشر وار ...

4. Кермине 420/1029 г. Фельс¹².

Л. ст.: Баха (?) ад-Даула Джабраил б. Мухаммад.

Л. ст. В центре поля двойная концентрическая окружность с точкой в середине, выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر / بهذا الفللس / بكرمينه
سنة / عشرين اربع ...

В этот квадрат, под углом к нему, вписан другой квадрат:

بها (?) الد / ولة / جبرئيل / بن محمد
Все в однолинейном ободке.

Об. ст. В поле:

الله
محمد
رسول الله

Между второй и третьей строкой — зигзагообразное украшение. Кругом, между внутренним тройным (точечный между линейными) и внешним однолинейным ободками, неразборчивые фрагменты надписи.

5. Кермине 420/1029 г. Фельс¹³.

Л. ст.: илек; об. ст.: падша.

Л. ст. В поле, в жгутообразном ободке: ايلك. Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками, как № 1 а.

Об. ст. В поле, в жгутообразном ободке: پادشا. Кругом, в обрамлении как на л. ст., как № 1 а, но дата иная:

عشرين اربع (!)

¹⁰ Один экземпляр хранится в Институте археологии АН РУз (инв. № 1472), другой — в ГЭ (инв. № 3021); последний опубликован: *Ch.M. Frachn. Recensio...*, p. 137, № 59.

¹¹ Лицевой стороной традиционно принято считать ту, в поле которой помещена первая часть символа веры (калимы, или шахады), оборотной — ту, в поле которой стоит вторая часть шахады. На фельсах этого типа поле одной из сторон отведено для второй части калимы, но все же эту сторону пришлось обозначить как лицевую, т.к. здесь же, хотя и в круг. лег., проставлена и первая часть символа веры.

¹² ГЭ, инв. № 3091. Фельс издан (*Ch.M. Frachn. Recensio...*, p. 136, № 54), но упоминание эмитента публикатор не разобрал.

¹³ ГЭ, инв. № 19248.

6. Герат 435/1043–44 г. Динар¹⁴.

Об. ст.: ал-малик ал-адил Йабгу.

Л. ст. В поле, в линейном ободке:

قتع
لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Кругом:

بسم الله ضربهذا الدينار بهراة سنة خمس
وثلاثين (!) واربعمئة

Кругом, в линейном ободке, фрагменты коранической легенды (Кор. XXX, 3–4).

Об. ст. В поле:

له
محمد رسول الله
القائم بامر الله
الملك العادل

ييعو

Кругом, между двумя однолинейными ободками, Коран IX, 33:

محمد رسول الله ارسله بالهدى ودين
الحق ليظهره على الدين كله ولو كرهه اله
شركون

7. Герат 439/1047–48 г. Динар¹⁵.

Об. ст.: ал-малик ал-адил Абу Али ал-Хасан б. Муса Йабгу.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
القائم بامر الله

Вверху полукружие с колечком в середине, справа и слева по сабле острiem вниз.

Кругом как № 6, но дата иная:

تسع و ثلاثين واربعمئة

Кругом, в линейном ободке, Коран XXX, 3–4.

Об. ст. В поле:

محمد
رسول الله صلى
الله عليه الملك
العا دل ابو على
الحسن بن موسى

ييعو

Верхнее слово — между двумя точками. Кругом, между внутренним двойным (с колечками?) и внешним одинарным линейными ободками, Коран IX, 33.

¹⁴Монета из частной коллекции А. Г. Гаева (г. Москва). Гератский динар 435 г.х. из собрания ГЭ, изданный Т. Ходжаниязовым (Т. Ходжаниязов. Каталог монет государства Великих Сельджуков. Ашхабад, 1979, с. 20, № 73), вероятно, аналогичен публикуемому, но, судя по описанию, имеет худшую сохранность.

Илл. 2. Динар, Герат 435/1043-44 г.

8. Герат 443/1051-52 г. Динар¹⁶.

Об. ст.: ал-малик ал-адиал Йабгу.

Л. ст. В поле как № 7, но сверху одно украшение, внизу (вместо упоминания халифа) — другое, а по сторонам — нет. Кругом как № 6, но дата иная: *ثلث واربعين واربعمائة*. Кругом Коран XXX, 3-4.

Об. ст. В поле:

الله
محمد
رسول الله
القائم بامر الله
الملك العادل

يبغو
Кругом как № 7.

9. Герат 446/1054-55 г. Динар¹⁷.

Об. ст.: ал-малик ал-музаффар Муизз ад-Даула Йабгу.

Л. ст. В поле как № 7, но сверху *عدل*, справа шестилепестковая розетка, а слева не сохранилось. Кругом как № 6, но дата иная: *ست واربعين واربعمائة*. Кругом Коран XXX, 3-4.

Об. ст. В поле:

الله
محمد رسول الله
الملك المظفر
معز الدولة
يبغو

Верхнее слово — между пятиконечными звездочками, нижнее — между трилистниками. Кругом, между однолинейными ободками, Коран IX, 33.

¹⁷ Там же. с. 149, № 3.

Первым, кто предложил историческую интерпретацию некоторых из описанных выше фельсов Кермине, был М. Н. Федоров, который посвятил им специальный «историко-нумизматический экскурс». Тогда ему были известны фельсы 415/1024–25 г. с лакабом (почетным прозвищем) Муизз ад-Даула и именем Йабгу и фельсы 419/1028 г. с тем же именем и лакабом Сайф ад-Даула. Оба лакаба и имя («или почетное прозвище») М. Н. Федоров приписал Йусуфу б. Мусе б. Сельджуку, о котором есть некоторые сведения в рукописных источниках, в частности у Ибн ал-Асира, Мирхонда и Мунеджим-баши. По их рассказам, тогдашний караханидский владетель центрального Мавераннахра Али-тегин сперва предлагал союз сыновьям Микаила б. Сельджука, Тогрыл-беку и Чагры-беку, но все предложения Али-тегина были отвергнуты, что вызвало его враждебность к братьям. Затем Али сумел привлечь на свою сторону их двоюродного брата Йусуфа б. Мусу, поставил под его начало всех находившихся у него на службе тюркских воинов, пожаловал ему многие надель (икта) и дал титул Инанч Ябгу. Когда Али попытался направить Йусуфа против Тогрыл-бека и Чагры-бека, тот не подчинился и по приказанию Али-тегина был убит. В самом начале 420/1029 г. сыновья Микаила б. Сельджука, собрав большое войско для отмщения за гибель своего кузена, нанесли поражение Али-тегину¹⁸.

При написании своего «экскурса» М. Н. Федоров не учел еще один фельс Кермине — битый в 417/1026–27 г. Позднее он ознакомился и с этой монетой, и с осуществленной Х. М. Френом ее публикацией, обнаружил на ней имя Инанч, связал с тем же Йусуфом и приписал ему также кермининскую эмиссию 417/1026–27 гг.¹⁹

Ни в одной из двух статей, касающихся фельсов Кермине 415–419/1024–28 гг., М. Н. Федоров не сомневался в принадлежности их чекану Йусуфа б. Мусы. Наоборот, он убежден, что сведения Ибн ал-Асира «помогли раскрыть тайну» этих монет, «а они в свою очередь дополнили сведения древнего историка»²⁰. Между тем и «древний историк», и его более поздние собратья по перу, Мирхонд и Мунеджим-баши, едины в одном: сближение Йусуфа и Али-тегина произошло уже после того, как Али, временно вытесненный из центрального Мавераннахра Махмудом Газневи, вновь вернулся в свои владения. Однако поход Махмуда абсолютно надежно датируется 416/1025 г.²¹, ранние же кермининские фельсы с упоминанием Йабгу относятся к 415/1024–25 г. М. Н. Федоров по существу обошел молчанием это явное противоречие, ограничившись замечанием, что, судя по монетам, сближение между

¹⁸ М. Н. Федоров. Из истории взаимоотношений караханидов и сельджукидов до образования сельджукского государства (Историко-нумизматический экскурс). — в: *Общественные науки в Узбекистане*, 1966, № 3, с. 53–55; *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил фи-т-тарих, с. 366–367; *Мирхонд*. Раузат ас-сафа. Извлеч. в пер. под ред. А. А. Ромаскевича. — в: МИТТ, т. I. М.-Л., 1939, с. 455.

¹⁹ М. Н. Федоров. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. — в: *Нумизматика и эпиграфика*. X, М., 1972, с. 173–174.

²⁰ М. Н. Федоров. Из истории взаимоотношений... с. 54.

²¹ *Абу Саид Гардизи*. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана. Пер. с перс. А. К. Арендса. Ташкент, 1991, с. 102–104; В. В. Бартольд. Али-тегин. — в: *Соч.* Т. II. Ч. 2. М., 1964, с. 491.

Али-тегином и Йусуфом имело место еще в 415/1024–25 г.²² Слов нет, у всех трех названных авторов, писавших много позже всех этих событий, в их рассказах о ранней истории Сельджукидов обнаруживается немало неточностей и даже явных ошибок. В такой ситуации можно было бы и принять поправку М. Н. Федорова, но лишь в том случае, если б ему удалось неоспоримо доказать принадлежность кермининских монет 415–419/1024–28 гг. именно Йусуфу б. Мусе. Однако его точка зрения базируется на очень шаткой основе — имени (или «почетном прозвище») Йабгу, однозначно и безоговорочно приписанном Йусуфу.

Нельзя не согласиться с М. Н. Федоровым, когда он связывает фельсы Кермине 415–419/1024–28 гг. именно с Сельджукидами. Как известно, тугрой, или тамгой, этого рода было схематическое изображение лука и помещенной рядом стрелы. На монетах, битых Сельджукидами уже после создания Сельджукидского государства, эта тугра воспроизводилась неоднократно, иногда упрощаясь почти до неузнаваемости, а иной раз даже лишалась стрелы, когда редуцированная тугра приобретает вид полукружия, скобки и т.д.²³; по крайней мере в одном случае, наоборот, число стрел достигает двух²⁴. На фельсах Кермине 415/1024–25 г. помимо реалистического изображения натянутого лука со стрелой (вполне обычного и для караханидского чекана) есть полукружие с двумя стрелами, полукруг с подтреугольным навершием (напоминающий стремя), а на фельсах 419/1028 г. — полукруг и скобка. Помещенная на фельсах 415/1024–25 г. стремявидная фигура с колечком и полумесяцем внутри почти буквально повторена на гератском динаре 439/1047–48 г. Если же учесть к тому же, что имя или титул *سعو* (как бы его ни читать) ни разу не засвидетельствовано в караханидском чекане и вполне обычно для сельджукидского, то не остается никаких сомнений в сельджукидском происхождении эмитента кермининских фельсов 415/1024–25 и 419/1028 гг. Но среди потомков Сельджука, живших в XI в., был не один носитель имени *سعو*, почему выбор М. Н. Федорова в пользу Йусуфа б. Мусы нельзя не признать произвольным.

Очевидно, для более надежной идентификации лица, фигурирующего на монетах Кермине как Йабгу, необходимы какие-то дополнительные данные. Единственное, что дают в этом плане сами монеты, это наличие на фельсах 415/1024–25 г. лакаба Муизз ад-Даула. М. Н. Федоров уверенно (и без всякой аргументации) приписал данное почетное прозвание носителю имени Йабгу и не рассмотрел иные возможности, хотя лакаб и имя расположены на разных сторонах монетного кружка и, следовательно, могут относиться как к одному лицу, так и к разным персонам. Поскольку центральный Мавераннахр принадлежал тогда Караханиду Али б. ал-Хасану (Али-

²²М. Н. Федоров. Из истории взаимоотношений... с. 54.

²³Т. Ходжаниязов. Каталог... с. 168, табл. 1, № 2–4, 6–13, 15, 17, 18, 20–24, 26, 27, 29, 36–38, 42, 49–51, 53–56, 58, 60–62, 66; с. 169, табл. II, № 79; с. 170, табл. III, № 140, 147, 172; с. 171, табл. IV, № 256, 257; с. 172, табл. V, № 283.

²⁴Там же. с. 170, табл. III, № 148.

тегину), в качестве сюзерена Йабгу мог выступать либо сам Али, либо (что менее вероятно) его сын Йусуф, упоминания которого появляются на монетах несколько позднее. Однако в обильном и многообразном чекане Али и Йусуфа засвидетельствованы лакабы Баха ад-Даула и Кутб ад-Даула у первого и Шамс ад-Даула у второго, но не отмечено почетное прозвание Муизз ад-Даула²⁵. Последний лакаб на раннекараханидских монетах все же встречается. Есть он, в частности, на дирхемах Испиджаба и Шаша начала XI в.²⁶ М. Н. Федоров приписал его Мухаммаду б. Али²⁷, чей чекан доходит как раз до 415/1024–25 г. и чей удел одно время включал долину Зарафшана, но на самом деле носителем лакаба Муизз ад-Даула был тогда член старинной испиджабской династии Матт, который после 404/1013–14 г. ни в какой форме на монетах не упоминается²⁸. После 415/1024–25 г. то же почетное прозвание вновь появляется в монетных надписях, однако относится к другому правителю — Караханиду Аббасу б. Мухаммаду б. Насру, известному исключительно по монетам Ферганы²⁹. Таким образом, наличные материалы, достаточно обильные, не дают оснований соотносить с кем-либо из Караханидов лакаб Муизз ад-Даула, помещенный на фельсах Кермине 415/1024–25 г. Стало быть, М. Н. Федоров был, очевидно, прав, когда имя Йабгу и лакаб Муизз ад-Даула приписал одному правителю.

Среди Сельджукидов, звавшихся Йабгу, известен и носитель лакаба Муизз ад-Даула. В анонимной «Истории Систана» под 432/1040, 443/1051, 444/1053 и 448/1056 гг. упоминается эмир Йабгу (в переводе Бигу), власть которого распространялась на Герат и Систан, и сын которого под 443/1052 г. назван Бури б. Муизз ад-Даула³⁰. Эмитентом гератских динаров 446/1054–55 г. выступает Муизз ад-Даула Йабгу. Как совершенно очевидно, во всех этих случаях имеется в виду один и тот же Йабгу, но переводчик «Истории Систана» Л. П. Смирнова видит в нем Мусу б. Сельджука³¹, публикатор гератских монет Т. Ходжаниязов — сына Мусы, Хасана³².

²⁵В. Кочнев. Histoire de Ali Tegin, souverain qarakhanid de Boukhara (Xe siècle), vue à travers les monnaies. — en: Cahiers d'Asie centrale, N° 5-6. Tachkent — Aix-en-Provence, 1997, p. 19-32.

²⁶Б. Д. Кочнев. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 1). — в: Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 4. М., 1995, с. 219, 221, 223, 224, 227.

²⁷М. Н. Федоров. Политическая история... с. 146.

²⁸Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 8. — в: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент, 1987, с. 159–160.

²⁹Б. Д. Кочнев. Заметки... Ч. 2. — в: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 15. Ташкент, 1979, с. 120–121.

³⁰Тарих-и Систан («История Систана»). Пер., введ. и комм. Л. П. Смирновой. М., 1974, с. 343, 344, 349, 357.

³¹Там же. с. 466, примеч. 985. Такова же точка зрения К. Э. Босворта, на которого, в частности, ссылается Л. П. Смирнова и который опирался преимущественно на «Историю Систана» (С. Е. Boswort. The Political and Dynastic History of the Iranian World (A. D. 1000-1217) — in: The Cambridge History of Iran. Vol. 5. Cambridge, 1968, p. 51).

³²Т. Ходжаниязов. Каталог... с. 148, примеч. 1.

В рукописных источниках имеются основания для обеих точек зрения. После данданаканской победы 431/1040 г., окончательно отдавшей в руки Сельджукидов Хорасан, они произвели раздел владений, в том числе и еще не завоеванных. По данным Мухаммада Раванди, Йабгу Муса б. Сельджук получил по этому разделу Герат, Систан и Буст³³, согласно же Имад ад-Дину Исфакхани³⁴ и Садр ад-Дину Хусайни³⁵ Герат, Бушандж, Сиджистан (т.е. Систан) и Гур достались Хасану б. Мусе б. Сельджуку. У Фахр ад-Дина Рази в рассказе о разделе фигурирует Йабгу Хасан б. Муса, получивший Герат³⁶. По Мирхонду, Чагры-бек Давуд б. Микаил б. Сельджук передал Герат своему дяде³⁷, т.е. сыну, а не внуку Сельджука. Все названные относительно поздние авторы не были современниками событий и пользовались материалами из вторых-третьих рук, чем и объясняется разнобой. Проверить их сведения можно только путем сопоставления с рассказами свидетелей возвышения Сельджукидов — Абу-л-фазла Байхаки и неизвестного автора основной части «Истории Систана». У Байхаки постоянно фигурируют вместе Йабгу, Тогрыл-бек и Чагры-бек, которые явились из Мавераннахра в Хорасан и положили начало Сельджукидскому государству, причем в одном месте первый из них прямо назван дядей второго³⁸. А из «Истории Систана» совершенно очевидно, что упомянутый под 448/1056 г. Йабгу возглавлял вместе с Тогрыл-беком и Чагры-беком движение туркмен в Хорасан и завоевание газневидских владений³⁹. Следовательно, достоверной необходимо признать версию Раванди, а носителем лакаба Муизз ад-Даула следует считать Йабгу Мусу б. Сельджука, а не Хасана б. Мусу.

Вместе с тем и версия Исфакхани/Бундари и Хусайни содержит зерно истины — в том плане, что непосредственным владельцем Герата был именно Хасан. В этом убеждают легенды гератских динаров 439/1047–48 г., эмитентом которых назван ал-Хасан б. Муса Йабгу. Как показало изучение обильного раннекараханидского чекана конца X — начала XI в., разные монеты одного и того же денежного двора могут отражать разные уровни иерархии⁴⁰. Аналогичное явление имеет место и в разбираемом случае: на гератских динарах 435/1043–44; 443/1051–52, 446/1054–55 гг. фигурирует сам Муса Йабгу, на монетах 439/1047–48 г. — его сын и вассал Хасан. Сходным образом, в Сиджистане дирхемы чеканились то от имени самого Йабгу, то с упоминанием Йабгу и его саффаридских вассалов Са'да б. Ахмада и Насра б. Ахмада, то

³³ *Ар-Раванди*. Рахат ас-судур. Извлеч. в пер. А. А. Ромаскевича, — в: МИТТ, т. I, с. 354.

³⁴ *Имад ад-Дин Исфакхани*. Нусрат ал-фатра ва усрат ал-фитра (в сокращении ал-Бундари). Извлеч. в пер. С. Волина. — в: МИТТ, т. I, с. 322.

³⁵ *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни*. Ахбар... с. 35.

³⁶ *Фахр (ал-Дин) Рази*. Джамии ал-улум. Извлеч. в пер. С. Волина. — в: МИТТ, т. I, с. 349.

³⁷ *Мирхонд*. Раузат ас-сафа, с. 460–461.

³⁸ *Абу-л-Фазл Байхаки*. История Масуда, с. 676.

³⁹ *Тарих-и Систан*, с. 356.

⁴⁰ *Б. Д. Кочнев*. К методике исследования раннекараханидских монет как исторического источника. — в: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока (Бартольдские чтения — 1981). М., 1984, с. 112–115, 120–121.

от имени одного Насра⁴¹. Словом, Мусе принадлежал весь обширный удел, непосредственными же владельцами отдельных областей были его вассалы, правители менее высокого ранга: в Систане — представители старинной местной династии Саффаридов, а одно время также сын Мусы, Бури; в Герате — другой его сын, Хасан. Во многих же рукописных источниках тот несомненный факт, что Хасан б. Муса владел Гератом, преломился таким образом, что Хасан заместил Мусу и сам превратился в участника раздела. Так родилась вторая версия, кстати, более распространенная, чем первая.

Как бы там ни было, во главе туркмен, явившихся из Мавераннахра в Хорасан, стояли Муса Йабу, Тогрыл-бек Мухаммад и Чагры-бек Давуд. Согласно Фахр ад-Дину Рази, при Али-тегине эти туркмены обитали в пустыне Кеша и Нахшеба. Правда, вождями их Рази называет Давуда, Абу Талиба (т.е. Мухаммада) и Хасана б. Мусу⁴², но здесь, очевидно, опять имеет место обычное смешение Хасана б. Мусы и Мусы б. Сельджука. В этом, похоже, не сомневался и С. Г. Агаджанов, по авторитетному заключению которого одна из двух ранних туркменских группировок Мавераннахра возглавлялась Мухаммадом, Давудом и Мусой⁴³. Как известно, район Кермине, лежащий в среднем течении Зарафшана, между Самаркандом и Бухарой, граничит со степями, переходящими в обширную Каршинскую степь, которая в домонгольское время именовалась, очевидно, пустыней Кеша и Нахшеба (область Нахшеб соответствует современному Каршинскому оазису). Вся предшествующая цепь рассуждений подводит к единственно возможному выводу о тождестве Муизз ад-Даула Йабу, упомянутого на фельсах Кермине 415/1024–25 г., и Муизз ад-Даула Йабу Мусы б. Сельджука, фигурирующего в рукописных источниках и на динарах Герата 446/1054–55 г.

В ходе этих рассуждений приводились преимущественно аргументы «за». Имеются ли аргументы «против»? Если принять предлагаемое тождество, то, выходит, Муса, еще в 415/1024–25 г. владевший Кермине, дожил по крайней мере до 448/1056–57 или даже 450/1058–59 г.⁴⁴, тогда как его племянники, Давуд и Мухаммад, сконча-

⁴¹St. Album. A Checklist of Islamic Coins. Second ed. Santa Rosa, 1998, p. 69, № A 1425, B 1425; p. 85, № 1669 A.

⁴²Фахр (ад-Дин) Рази. Джамии ал-улуум, с. 348.

⁴³С. Г. Агаджанов. Очерки... с. 186.

⁴⁴По данным автора XIV в. Йафни, Йабу был вытеснен из Герата своим внучатым племянником Алп-Арсланом б. Давудом на исходе года, предшествовавшего смерти Газневида Фаррухзада (умер в 451 г.х.), т.е. в конце 450 / на рубеже 1058–59 гг. (Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties... By the Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-Umar-i-Uzman. Transl... by H. G. Raverty. Vol. II. London, 1881, p. 102, note 2). На этикетке хранящегося в Британском музее (инв. № R 1536/01) гератского динара 446/1054–55 г. для его эмитента указаны даты 432–456 г.х., но трудно сказать, где Н. Лавик (?) обнаружил последнюю дату. Во всяком случае, у Ибн ал-асира под 456/1064 г. упоминается в Герате Фахр ал-Мулк Йабу б. Микаил, который поднял восстание против своего племянника Алп-Арслана (Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих, с. 374). С. Г. Агаджанов предположил, что предпринятая в 1056 г. попытка Чагры-бека перевести на свое имя хутбу в Систане связана с кончиной Мусы (С. Г. Агаджанов. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв.

лись соответственно в 451/1059 и 455/1063 гг. Но на самом деле никакого противоречия здесь нет: Муса был младшим сыном Сельджука, а Микаил, отец Мухаммада и Давуда, вторым его сыном⁴⁵; сам Сельджук отличался редким долголетием и умер в возрасте 100 или 109 лет⁴⁶.

На основании рукописных источников С. Г. Агаджанов пришел к выводу, что Караханид Али-тегин (Али б. ал-Хасан) сперва опирался на туркменскую группировку во главе с Исраилом (Арсланом) б. Сельджуком и лишь после того, как последний в 416/1025 г. попал в плен к Махмуду Газневи, привлек на свою сторону другую группировку, возглавлявшуюся Мусой, Мухаммадом и Давудом⁴⁷. Судя по фельсам Кермине 415/1024–25 г., сближение Али-тегина с ними произошло раньше, причем старшему из них, Мусе, был пожалован город Кермине с округой. Как показывает уже сам факт выпуска данных монет, это пожалование предусматривало предоставление важных прав и привилегий, в том числе очень престижной привилегии выпускать монеты только от своего имени и доходного права оставлять себе частично или, скорее, полностью поступления от их чеканки. К пониманию того, что означало тогда пожалование, позволяет приблизиться рассказ Абу-л-фазла Байхаки о несколько более поздних событиях. Когда в 426/1035 г. Йабгу, Тогрыл и Чагры явились в Северный Хорасан, в пределы государства Газневидов, они обратились к газневидскому двору с просьбой пожаловать им области Нисы и Фаравы, за что обязывались нести «любую службу, которую повелит государь». Несколько позже газневидское правительство было вынуждено пойти им навстречу, были составлены жалованные грамоты, в том числе на имя Йабгу, получившего Фараву. В 428/1036 г. Сельджукиды попросили уступить им также Мерв, Серахс и Баверд с условием передачи им налогов с этих территорий «в виде жалованья» за службу в качестве «государева войска», готового «на самое трудное дело»⁴⁸. Можно думать, и в разбираемом случае Муса б. Сельджук имел право на получение всех (или значительной части) доходов с Кермине и его округи. Но даже если Йабгу пользовался здесь налоговым иммунитетом, не следует преувеличивать степень его самостоятельности, а тем более определять его статус как полностью независимый, исходя из того факта, что в 415/1024–25 г. он

М., 1991, с. 242, примеч. 40), однако «История Систана», на которую, в частности, ссылается этот исследователь, не дает оснований для такого предположения. Как явствует из данного сочинения, хутба на имя Чагры-бека была оглашена 25 раби II 448 / 12 июля 1056 г., после чего Йабгу обратился с жалобой на его действия к верховному государю, Тогрыл-беку, получил от него подтверждение своих прав и направил в Систан (во второй раз) своего сына Бури, который вступил в столицу области 14 джумада II 448 / 29 августа 1056 г. (История Систана, с. 355–357). Вероятно, с какой-то путаницей связано также содержащееся в том же примечании утверждение, будто лакаб Муизз ад-Даула принадлежал сыну Мусы, Фахр ал-Мулку, а Бури был сыном последнего, т.е. приходился Мусе внуком (С. Г. Агаджанов. Государство... , с. 242, примеч. 40).

⁴⁵ *Ар-Раванди. Рахат ас-судур...*, с. 350.

⁴⁶ *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар...*, с. 24, 172, примеч. 9.

⁴⁷ С. Г. Агаджанов. *Очерки...*, с. 189; он же. *Государство...*, с. 27.

⁴⁸ *Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда*, с. 576–577, 602, 617–618.

выпускал фельсы только от своего имени, не упоминая Али б. ал-Хасана: в раннекараханидском медном чекане нередки случаи, когда вассал никак не упоминает сюзерена, даже признавая его власть⁴⁹.

Будучи жалованным владельцем, вассалом, Муса б. Сельджук был обязан нести военную службу своему сюзерену, Али б. ал-Хасану. Между тем из сообщений рукописных источников о событиях 416/1025 г. видно, что Махмуд Газневи вел военные действия против Али-тегина и его союзника Исраила б. Сельджука, но ничего не говорится о Мусе и его племянниках. Трудно сказать, объясняется ли это молчание недостаточной осведомленностью средневековых авторов или тем, что Муса оказался ненадежным вассалом и уклонился от исполнения вассальных обязанностей.

Как бы там ни было, и после 416/1025 г., т.е. после ухода газневидских войск и возвращения в центральный Мавераннахр Али б. ал-Хасана, Муса сохранил свои позиции в долине Зарафшана. Об этом свидетельствует наличие имени Йабгу на фельсах Кермине 419/1028 г. Разумеется, при достаточно широкой распространенности этого имени теоретически его можно было бы отнести и к какому-то другому Сельджукиду. Однако, поскольку оно не могло не напоминать о Мусе, памятном по фельсам 415/1024–25 г., маловероятно, чтобы им теперь воспользовался какой-либо иной потомок Сельджука: даже будучи носителем такого же имени, он бы предпочел, очевидно, какую-то другую форму упоминания. На фельсах 419/1028 г. ниже имени Йабгу помещен лакаб Сайф ад-Даула; то и другое М. Н. Федоров приписал тому правителю, который в 415/1024–25 г. проставлял на монетах лакаб Муизз ад-Даула⁵⁰. Сама по себе подобная перемена почетного прозвания отнюдь не исключена. Настораживает, однако, порядок слов. На сельджукидских монетах, начиная с самых ранних, лакаб стоит, как и положено, перед именем, в том числе на динарах Герата 446/1054–55 г. с упоминанием Муизз ад-Даула Йабгу. Такой же порядок слов в подавляющем большинстве случаев соблюдался в караханидском чекане⁵¹, в традициях которого выполнены и керминские фельсы 415–19 гг. х. Стало быть, имя Йабгу и следующий за ним лакаб Сайф ад-Даула, скорее всего, относятся не к одному, а к двум разным лицам. Э. Цамбаур, у которого разбираемые фельсы датированы (по Б. Дорну) не 419/1028, а 409/1018–19 г., предположил, что Сайф ад-Даула — это Чагра-тегин⁵², очевидно, имея в виду того Сайф ад-Даула Чагры-тегина ал-Хусайна б. Мансура, чье имя и/или титулатура помещались на бухарских монетах 406–07/1015–17 гг.⁵³ Однако монетные упоминания этого караханидского князя после 407/1016–17 г. не известны. Лакаб Сайф ал-Даула проставлялся также на монетах Караханида Мухаммада б. Насра, в частности на дирхемах Илака 415/1024–25 г., но владения Мухаммада всегда

⁴⁹ Б. Д. Кочнев. К методике исследования... с. 112–113.

⁵⁰ М. Н. Федоров. Из истории взаимоотношений... с. 54.

⁵¹ Б. Д. Кочнев. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени доктора ист. наук. М., 1993, с. 15.

⁵² E. Zambaur. Die Münzprägungen des Islams. Bd. I. Wiesbaden, 1968, S. 207, Anm. 1.

⁵³ Б. Д. Кочнев. Свод... с. 232–233, № 412–417; с. 235, № 444, 445.

ограничивались северо-восточными областями Мавераннахра⁵⁴. Впрочем, главное не в этом, а в том, что караханидский правитель, будь то ал-Хусайн б. Мансур, Мухаммад б. Наср или кто-то еще, не стал бы признавать своим сюзереном Сельджукида Йабгу. Носителя лакаба Сайф ад-Даула логичнее искать среди потомков Сельджука. По данным «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» Ибн ал-Ибри (Барэбрея)⁵⁵, и Сибта ибн ал-Джаузи⁵⁶ такой лакаб был у Ибрахима Йинала, двоюродного брата Тогрылбека и Чагры-бека. Он играл важную роль в сельджукидских завоеваниях, как один из главных туркменских вождей участвовал в разделе земель, получив Кухистан и Джурджан, а в ходе рокового для него восстания 450/1059 г. даже претендовал на верховный султанский престол⁵⁷. О судьбе Ибрахима Йинала до появления его в Хорасане достоверных известий нет, но он, очевидно, сопутствовал Йабгу, Тогрылу и Чагры еще в Мавераннахре: когда возглавлявшиеся ими туркмены ушли оттуда в Хорезм, среди них была большая группа «йналовцев», «йнальцев» (йналийан), получивших свое название, по мнению С. Г. Агаджанова, от имени Ибрахима Йинала⁵⁸. Правда, в «Истории Масуда» Ибрахим назван молодым в рассказе о событиях 429/1038 г.⁵⁹, но доверять такой аттестации особенно не приходится: сам Байхаки в 45 лет еще считался молодым⁶⁰, а сын Али-тегина именуется «неопытным юнцом» и «слабосильным мальчиком» под 426/1035 г.⁶¹, хотя уже в 417/1026–27 г. упомянут на монетах⁶². Таким образом, ничто не мешает предположить, что на фельсах Кермине 419/1028 г. в качестве вассала Йабгу Мусы б. Сельджука фигурирует Сайф ад-Даула Ибрахим Йинал, племянник Мусы⁶³.

Непросто определить принадлежность фельса Кермине 417/1026–27 г. с упоминанием Инанч Кёкүза (?). Эту монету М. Н. Федоров приписал Иусуфу б. Мусе, но, как показано выше, следов пребывания Йусуфа в Кермине на монетах не обнаруживается. Мирхонд, который пользовался не дошедшим до нас ранним (XI в.) сочинением по истории Сельджукидов «Малик-наме», называет соратника Тогрылбека и Чагры-бека, третьего предводителя туркмен (т.е. Мусу б. Сельджука), Инанч-

⁵⁴Б. Д. Кочнев. Заметки... ч. 2, с. 120–123.

⁵⁵С. Г. Агаджанов. Очерки... с. 200–201, примеч. 1; с. 219, примеч. 1.

⁵⁶Sibt ibnū' l-Cevzi Şemsuddin Ebu' l-Muzaffer Yusuf b. Kizoglu. Mir'atü' z-zeman fi Tarihi' l-Ayan. Yayinlayn Ali Sevim. Ankara, 1968, p. 16.

⁵⁷С. Г. Агаджанов. Очерки... с. 213–219.

⁵⁸Там же. С. 200, примеч. 1.

⁵⁹Абу-л-фавл Байхаки. История Масуда, с. 675.

⁶⁰Там же. С. 35.

⁶¹Там же С. 548, 577.

⁶²В. Kochnev. Histoire de Ali Tegin... p. 31, tabl. 2, N° 7.

⁶³Ибн ал-Асир называет Ибрахима Йинала сыном дяди Тогрылбека (Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих, с. 372), а Барэбрей — сыном Йусуфа (С. Г. Агаджанов. Очерки... с. 200–201, примеч. 1). По Рашид ад-Дину, одного из сыновей Сельджука действительно звали Йусуфом (Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар... с. 172, примеч. 10).

беком⁶⁴. А поскольку Муса Йабгу упомянут на кермининских фельсах 415/1024–25 и 419/1028 г., вполне вероятно, что он же назван и на монете Кермине 417/1026–27 г., но в иной форме — как Инанч Кōкүз (?). На другой стороне того же фельса стоит титул падша. Насколько позволяет судить «Каталог» Т. Ходжаниязова и составленная им сводка сельджукидской монетной титулатуры⁶⁵, для Сельджукидов этот титул не характерен. Зато он вполне обычен для Караханидов, которые первыми и включили его в монетные надписи⁶⁶. Нередко встречается титул падша и на монетах Али б. ал-Хасана⁶⁷, в том числе на фельсах Кермине 420/1029 г. Следовательно, сюзереном Инанч Кōкүза (?) выступает именно Али, что и естественно.

Еще труднее разобраться с другим кермининским фельсом 420/1029 г., на котором назван Баха (?) ад-Даула Джабраил б. Мухаммад. На монетах, битых в ту пору в долине Зарафшана, в Бухаре, Самарканде, Иштихане и Согде, фигурируют совсем другие лица — Караханиды Али б. ал-Хасан и его сын Йусуф⁶⁸. Среди их караханидских современников не известно никого, кто носил бы имя Джабраил б. Мухаммад. А поскольку в 415–19/1024–28 гг. Кермине был пожалован Сельджукидам, не исключено, что и Джабраил принадлежал к их числу. Джабраил (Джабрил, Джибрил) — арабизированная форма библейского имени Гавриил. Все известные по рукописным источникам сыновья Сельджука носили библейские по происхождению имена, хотя разные авторы приводят разное их число. Так, Рашид ад-Дин называет пятерых его сыновей (Исраила, Микаила, Мусу, Йусуфа и Йунуса), Раванди — четырех (Исраила, Микаила, Йунуса и Мусу), Барэбрей — трех (Микаила, Мусу и Арслана, т.е. Исраила)⁶⁹. Сам Сельджук был новообращенным мусульманином, и вполне возможно, что, приняв ислам, он получил очень популярное в мусульманской среде вообще и среди неопитов в частности имя пророка Мухаммада. Если так, то Джабраил б. Мухаммад мог быть еще одним сыном Сельджука, не упомянутым в известных рукописных источниках. В этом нет ничего невозможного: на первых порах у Сельджукидов не было (да и не могло быть) собственной исторической традиции, почему сведения о ранних этапах их истории скудны, противоречивы, а то и неверны. Предлагаемая версия происхождения Джабраила тем более допустима, что на службе у Али б. ал-Хасана определенно находились как минимум двое сыновей Сельджука — Исраил⁷⁰ и, как теперь выясняется, Муса Йабгу.

Само собой разумеется, настаивать на этой версии не приходится, так что неясно, завершается ли серия кермининских фельсов с упоминанием Сельджукидов мо-

⁶⁴ Мирхонд. Раузат ас-сафа, с. 457.

⁶⁵ Т. Ходжаниязов. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков. Ашхабад, 1977, с. 110–117.

⁶⁶ А. Гафуров. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М., 1987, с. 74.

⁶⁷ Б. Д. Кочнев. Свод. . . , с. 251, № 704; с. 252, № 710, 713, 723–725.

⁶⁸ В. Кочнев. Histoire de Ali Tegin. . . , р. 31–32, tabl. 2.

⁶⁹ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар. . . , с. 172, примеч. 10.

⁷⁰ С. Г. Агаджанов. Очерки. . . , с. 187–190.

нетами 419/1028 или 420/1029 г. Во всяком случае, один из типов кермининских фельсов 420/1029 г. (№ 5) уже никак не связан с Сельджукидами. Из помещенных на нем титулов, илек (л. ст.) и падша (об. ст.), первый определенно принадлежал Али б. ал-Хасану⁷¹, принадлежность второго на самой монете ничем не уточнена, но именно эта неуточненность подсказывает, что и он относится к Али. До 415/1024–25 г. в Кермине вообще не было денежного двора⁷², после 420/1029 г. производство монет здесь не возобновлялось в течение нескольких веков⁷³. Надо полагать, появление сравнительно небольшой и непродолжительной серии кермининских фельсов было вызвано не недолгой экономической потребностью и не кратковременным возвышением или расцветом Кермине, причины их чеканки, скорее, следует искать в иной сфере — прокламативно-политической: их выпуск продолжался, пока длился срок пожалования, когда же Сельджукиды были лишены прав на Кермине, здесь отчеканили чисто караханидские фельсы. Иначе говоря, эти последние подвели черту под эпизодом с пожалованием Кермине и вообще под деятельностью кермининского монетного двора при Караханидах.

Все сказанное можно резюмировать следующим образом. Как показывают рассмотренные монеты, в 415/1024–25 и 419/1028 гг., а также, возможно, в 417/1026–27 г. район Кермине принадлежал Сельджукиду Муизз ад-Даула Йабу Мусе б. Сельджуку. Эта часть бассейна Зарафшана была пожалована ему караханидским владельцем центрального Мавераннахра Али б. ал-Хасаном. Здесь Муса обладал столь значительными правами и привилегиями, что мог чеканить монету (правда, лишь медную) только от своего имени, без упоминания караханидского сюзерена. В 419/1028 г. Муса делил эти права с другим правителем — носителем лакаба Сайф ад-Даула, т.е., возможно, со своим племянником Ибрахимом Йиналом. В 420/1029 г. район Кермине владел Джабраил б. Мухаммад — быть может, брат Мусы. Не позже 420/1029 г. Сельджукиды были лишены прав на Кермине. Небольшая группа кермининских фельсов открывает, следовательно, неизвестные прежде страницы взаимоотношений Караханидов и Сельджукидов и совершенно не освещенные в рукописных

⁷¹В. Kochnev. Histoire de Ali Tegin... , p. 22.

⁷²Правда, у Цамбаура (со ссылкой на Х. М. Френа) фигурирует газневидский дирхем Кермине 389/999 г. (E. Zambaur. Die Münzprägungen des Islams, S. 207), однако здесь явно какое-то недоразумение: достоверный газневидский чекан центрального Мавераннахра вообще не известен, а для 389/999 г. невозможен и исторически, ибо тогда Махмуд Газневи был занят чем угодно, но только не распространением своей власти на долину Зарафшана.

⁷³Самой поздней монетой Кермине Э. Цамбаур называет фельс 424/1032–33 г. (E. Zambaur. Die Münzprägungen des Islams, S. 207), но на самом деле он бит в Дабусии (Б. Д. Кочнев. Свод... , с. 274, примеч. к № 766). Поэтому следующие после фельсов 420/1029 г. изданные монеты Кермине — это шейбанидские тагта 955/1548–49 г. (E. А. Давидович. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов (XVI в.) М., 1992, с. 316. № 1433–1436). Мне известна неопубликованная медная монета Кермине 91. или 92. г.х.

источниках моменты ранней политической карьеры одного из основателей Сельджукидской империи, Мусы б. Сельджука⁷⁴

SUMMARY
THE COINS OF MUSA YABGHU, SON OF SELJUK
(ABOUT THE EARLY STAGES OF SELJUKID COINING)

The analysis of the inscriptions on Kermine coins of 1024–1029 allows to reconstruct the early history of relations between Karahanids and Seljukids and to elucidate some aspects of the political career of Musa ben Seljuke, one of the founders of the Seljukid empire. The inscriptions show that between 1024 and 1028 the Kermine region belonged to Musa ben Seljuke, to whom it had been previously granted by Ali ben al-Hasan, the Karahanide ruler of the central Mawerannahr. Musa possessed so important rights and privileges that could emiss copper coins on behalf of himself, without even mentioning his Karahanide seigneur. Such situation lasted until ca. 1029 when Seljukids were dispossessed of their rights on Kermine.

⁷⁴Фельсам Кермине 415–20/1024–29 гг. был посвящен мой доклад 1992 г. (Б. Д. Кочнев. Древнейшие монеты с упоминанием сельджукидов. — в: Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. СПб., 1992, с. 31–32). На его основе была написана статья, предназначавшаяся для одного издания, но увидевшая свет в другом (Б. Д. Кочнев. Начальный этап сельджукидской чеканки. — в: Монета: Международный нумизматический альманах. Вып. 5. Вологда, 1998, с. 5–15). Специфика этой статьи, рассчитанной на относительно широкий круг читателей, определила ее характер (в частности, отсутствие описаний монет), объем и многое другое. Поэтому я и счел возможным вновь обратиться к тому же сюжету, но уже с необходимой полнотой.

M. KROPP

(Mainz)

**LETTER TO THE EDITORIAL BOARD.
ABOUT TRANSLITERATION OF THE ETHIOPIAN
LANGUAGE**

Dear Colleagues,

Please allow me to inform you about the recent stage of development of the research project *Thesaurus linguae aethiopiae* which was started at the University of Mainz some years ago. A working group at Mainz University is involved now in the practical work on this project funded by the German Research Council. The project is part in a larger number of research projects on historical and linguistic themes (see homepage of *Sonderforschungsbereich 295*). Named (provisionally) *Thesaurus linguae aethiopiae*, the project aims at creating machine-readable and SGML-encoded (according to the guidelines of TEI P 3) Ethiopic texts and collecting them in a corpus for further research.

Encoding should take into account the needs of philology, history and linguistics. The working group, which is based on an initiative started in 1991, is already investigating a number of texts.

The texts have been pragmatically chosen according to the specific demands of current research. Thus, within the framework of research on typological change in Ethio-Semitic the following texts are under preparation:

- the Axumite inscriptions
- new editions of Imperial songs in old Amharic
- the chronicle of Zār'a-Ya'qob
- the Sər'atā māngəst and related texts
- the Haymanotā abaw (Amharic Text) etc.

In the present stage document headers and writing system declarations (DTD, WSD etc.) to serve as models are in preparation.

Interested colleagues are invited to ask for further information and to contribute texts. These could be in any format at present since the Mainz working group has ample experience and a number of instruments for conversion at its disposal.

It should be said that transliteration, encoding and further elaboration of texts is intended to be totally independent of hard- or software configurations.

Information on stored Ethiopic texts, accessibility and on-going work would be most welcome in order to come to a kind of coordination and cooperation.

The homepage under construction (URL) will continuously give information on new developments, lists of available texts, projects, etc.

Dear colleague, attached to this letter you will find a previous description of the mentioned project and the first pages of the *Səratā gəbər*, translated according to our system of encoding the Ethiopic script.

With best regards Manfred Kropp

Ethiopian transliteration

The transliteration of the Ethiopian alphabet used at the Seminar for Oriental Studies at the University of Mainz:

From the beginning it was clear that one should choose an uncomplicated ASCII-file. Besides, one was to confine oneself to the Anglo-Saxon font (ANSI), that is to say, not to rely on the *umlauts* or other nation-specific extra signs for codification. Furthermore, the principle "one sound — one character" was to be followed which would preclude control characters with diacritics — with the exception of specific double articulation (labialization, for instance). Another obvious premise was the differentiation of the syllable signs in consonants and vowels and realization of a two-sign-codification for an Ethiopic syllable sign.

The bigger stock of vowels and especially consonants made the use of lower case and capital letters necessary for the codification. This kind of differentiation is well suited from an optical point of view, is easy to keep in mind and has proved its worth in the "Amharic Basic Course", for instance. Another condition was that the non-converted code-file of the data-base be easy to read and understand.

From this followed that the common stock of both languages and alphabets should be rendered with common signs. Roughly half of the codifications was thereby established. This is of great initial assistance for Europeans not only for reading but also for entering data into the computer. In this connection, keep in mind the "transliteration keyboard" of the multi-lingual Arabis-Roman computer with which a European will always write Arabis faster than with the Arabis standard-keyboard (in Mainz the *munfaridi* keyboard has been used with success for several years, for example when training student assistants).

The vowels were the basis for further categorization: two vowels were still to be encoded.

It seemed to make sense to render the long $\bar{a}$ with a capital A. For the 6th order (vowelless or e) only j of the semi-vowels, liquids was available, because w and y are too practical not to be used for the labialization, also in the capital forms for w/W and y as consonants.

The next memotechnical step, consequently, was to work from the achieved codifications and pairs, and to assign regular alterations of the Ethiopian basic forms (i.e. phonetic relationships) as far as possible to the Roman pair of lower case and capital letters. This resulted in a series of s-S, etc. (for the palatalization and spirantization which are regularly expressed in Ethiopian with a circumflex on the basic form). d-D, t-T, k-K, b-B, q-Q, n-N, etc. were thereby assigned. The next bigger group, the emphatic letters, were therefore not able to be encoded according to their sound because the corresponding pairs has already been used for other letters (with the exception of H which was still available). Before, though, the problem of *Alef-Ain* was to be solved. Since these are frequent pure consonants which are conspicuous in writing but are likely to be viewed as vowels by untrained Europeans, the choosing of big vowels as a combination of these characteristics was convenient.

This resulted in selecting E for *Alef* (since A was already occupied) and O for *Ain*. In the latter case this has the advantage of looking similar to the original; this is, to a lesser extent, also the case with E and *Alef*. In any case, the distinct disadvantage of the usual transliteration ('etc.') which is easy to overlook and does not optically do justice to the weight of these sounds, is thereby avoided.

According to the last mentioned principle, š, which could not be grouped with the other sibilants, was rendered by M, its upside-down "equivalent", because of its exceptional transliteration it may be rendered especially well. The p-P series had a phonetic derivation.

Similar considerations were entertained for the use of x-X. x for š might be explained by its similarity in shape and sound: X for Ḥ is in accordance with some traditional transcriptions. This leaves t-č which is a pair in Ethiopian. Besides v only c was vacant as a pair. It was chosen because at least in the palatal form it was nearly the same as in transcription usage and did not offer any advantage/disadvantage as far as rememberable phonetic of form similarity went. It was decided to render the remaining Ḍ with Ć because, out of the still vacant stock (v F G L R V), it was the closest to the Ethiopian form.

This, all in all, resulted in a codification which was dependant on many — if not consistently applied — criteria. The main intention and hope, i.e. to create a codification that is easy to comprehend and remember for those who are accustomed to the Roman alphabet and European languages, was thereby fulfilled.

Transliteration

Vowels:

a = a	i = i	e = e	o = o
u = u	ä = A	ə = j	

Labialization:

k^w etc. with W, having a three-sign-sequence

Consonants:

ሀ	H = h	ቆ	q = q	ከ	k = k	ገ	g = g
ለ	l = l	በ	b = b	ኸ	ḳ = K	ጠ	ṭ = t
ሐ	ḥ = H	ሸ	ḅ = B	ወ	w = w	ጫ	ç = C
መ	m = m	ተ	t = t	ዐ	' = O	ጸ	ɸ = P
ሠ	ʃ = M	ቸ	ç = T	ከ	z = z	ጸ	ʃ = x
ረ	r = r	ኀ	ḥ = X	ኸ	ž = z	ፀ	ḍ = G
ሰ	s = s	ነ	n = n	የ	y = y	ፈ	f = f
ሸ	ʃ = S	ኻ	ṇ = N	ደ	d = d	ፐ	p = p
ቀ	q = q	አ	ʔ = E	ጆ	ḡ = D		

РЕЗЮМЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. О ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЭФИОПСКОГО ЯЗЫКА

В статье содержится информация о ходе работ в рамках исследовательского проекта «Тезаурус эфиопского языка» (Университет Майнца). Проект осуществляется с 1991 г. и имеет целью создание компьютерной базы данных по эфиопским текстам, рассчитанной на профессиональные потребности филологов, историков и лингвистов.

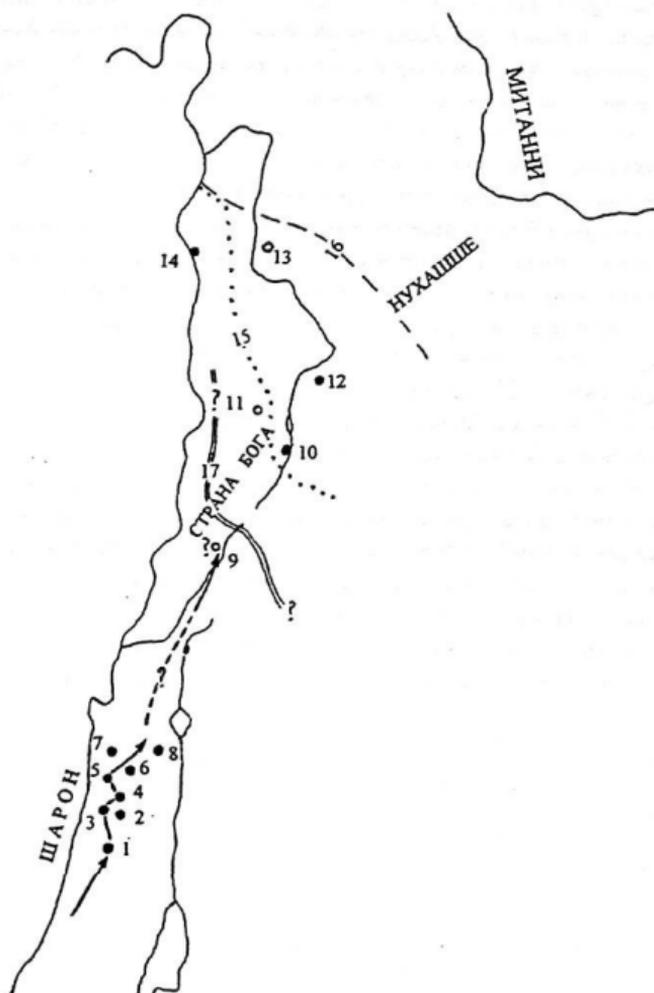
Автор статьи описывает принципы уже разработанной системы транслитерации эфиопских текстов и приглашает всех заинтересованных лиц к сотрудничеству.

И. А. ЛАДЫНИН, А. А. НЕМИРОВСКИЙ
(Москва)

МЕМФИССКАЯ СТЕЛА АМЕНХОТЕПА II О ЕГО «ВТОРОМ ПОБЕДОНОСНОМ ПОХОДЕ»

«Второй победоносный поход» Аменхотепа II в Азию играет особую роль в истории древнего Ближнего Востока Позднебронзового периода. Продолжительные дискуссии по проблемам азиатской политики XVIII династии¹, на наш взгляд, показали, что по завершении двадцатилетних войн Тутмоса III с Митанни на 42-м году правления этого фараона, положение в Сирии-Палестине не менялось вплоть до начала

¹Азиатские войны Аменхотепа вызвали к жизни обширную литературу, полную непрекращающейся полемики. Здесь мы не можем подробно обсуждать проблемы, выходящие за рамки нашей узкой темы, хотя бы и связанные с ней (характер и охват войн 3-го и 7-го годов Аменхотепа, проблемы их соотношения, нумерации и хронологии и т.д.). По всем этим вопросам, включая сам поход 9-го года, см.: *B. И. Авдиев*. Военная история древнего Египта. Т.2. М.-Л., 1954; *A. Badawi*. Die neue historische Stele Amenophis II. — en : ASAÉ, 1943, t. 42, p. 1-23; *E. Edel*. Die Stelen Amenophis II aus Karnak und Memphis mit dem Bericht über die asiatischen Feldzüge des Königs. — in: ZDPV, 1953, Bd. 69, S. 97-176; ZDPV, 1954, Bd. 70, S.87; *A. Alt*. Neue Berichte über Feldzüge von Pharaonen des Neuen Reiches nach Palästina. — in: ZDPV, 1954, Bd. 70, S. 34-35; *Y. Aharoni*. Some Geographical Remarks concerning the Campaigns of Amenhotep II. — in: JNES, 1960, Bd. 19, p. 177-183; *A. Malamat*. Campaigns of Amenhotep II and Thutmose IV to Canaan. — in: Scripta Hierosolymitana, vol. 8, Jerusalem, 1961, p. 218-231; *W. Helck*. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962; *J. J. Janssen*. Eine Beuteliste von Amenophis II. und das Problem der Sklaverei im alten Ägypten. — in: JEOL, 1963, vol. 17, S. 141-147; *Sh. Yeivin*. Amenophis II's Asiatic Campaigns. — in: JARCE, 1967, vol. 6, p. 119-128; *A. F. Rainey*. Amenhotep II's Campaign to Takhsi. — in: JARCE, 1973, vol. 10, p. 71-75; *W. J. Murnane*. Ancient Egyptian Coregencies. Chicago, 1977; *Y. Aharoni*. The Land of the Bible. L., 1979; *A. Spalinger*. The Historical Implications of the Year 9 Campaign of Amenophis II. — in: JSSEA, 1983, vol. 13, p. 89-101; *P. Der Manuelian*. Studies in the Reign of Amenophis II. Hildesheim, 1987 (HdB, 27); *Goedicke H.* Amenophis II in Samaria. — in: SAK, 1992, Bd. 19, S. 134-160; *B. Manley*. The Penguin Historical Atlas of Ancient Egypt. L., 1996. P.72-73.

Илл. 1. Маршрут похода Аменхотепа II (9-ый год правления) в Палестину. 1 — Апек; 2 — Сохо; 3 — Мопасин — Хатичан; 4 — Ихем; 5 — Итурин — Мигдолайн; 6 — Мегиддо; 7 — Габа-Сумин; 8 — Анахарат; 9 — примерная локализация Анухарту перечня Тутмоса III; 10 — Кадеш; 11 — Тунип; 12 — Катна; 13 — Ний; 14 — Угарит; 15 — примерное разграничение Египетской и Митаннийской Азии в 42/43 г. Тутмоса III — 6 г. Аменхотепа II; 16 — примерное разграничение Египетской и Митаннийской Азии после 7 г. Аменхотепа II; 17 — примерное разграничение Египетской и Митаннийской Азии после 9/10 г. Аменхотепа II;

самостоятельного правления Аменхотепа II². Правда, смерть Тутмоса вызвала немедленное возмущение в Египетской Азии, но оно было тут же подавлено Аменхотепом (на 3 году правления $\approx 1/2$ -м году единоличной власти). Эта чисто карательная акция получила название «первого победоносного похода». Затем, на 7-м году правления Аменхотеп впервые вышел за пределы Египта, вторгшись в Митаннийскую Сирию и существенно расширив свои владения. Поскольку только теперь он начал внешнюю, завоевательную войну, нумерация походов была начата заново, и теперь уже кампания 7-го года была определена как «первый победоносный поход». По той же системе счисления была определена как «второй победоносный поход»³ следующая азиатская кампания Аменхотепа, состоявшаяся через 28 месяцев, на исходе 9-го года его правления⁴, протекавшая гораздо южнее, в давно присоединенных египтянами землях, и затронувшая исключительно (или почти исключительно) долины Шарона и Изреела в Центральной Палестине.

О походах 7–9-го годов Аменхотепа сообщают две триумфальные стелы этого фараона, Карнакская и Мемфисская (несколько более подробная вообще и гораздо более подробная применительно к походу 9-го года). Каждая из них объединяет эти два похода (и только их) в рамках единого законченного повествования, обозначая поход 7-го года как «первый», а 9-го — как «второй»; при этом Мемфисская надпись завершает описание похода 9-го года картиной внешнеполитического апофеоза Египта — своеобразного «ближневосточного конгресса», когда послы уstraшенных боевыми свершениями фараона царей Хатти, Касситской Вавилонии и, главное, Митанни — главного врага Аменхотепа — одновременно испрашивают у него мира и дружбы. Та-

²Знаменитые карнакские анналы Тутмоса III завершают описание его кампаний 23–42-го годов фразой: «Вот приказал его Величество записать победы, что он одержал с 23-го года по 42-й год, когда была сделана эта надпись» (Urk.IV. 734). Итак, сам Тутмос после похода 42-м года считал войну в Азии окончательно завершенной и подлежащей увековечению как единое законченное целое. Если бы все же его ожидания не оправдались и военные действия возобновились после какого-то перерыва (уже после высечения анналов и процитированной записи), что помешало бы внести в карнакские анналы фараона, и без того представляющие собой совокупность отдельных отрывков, соответствующие дополнительные фрагменты? Далее, эпоха Тутмоса III весьма богато освещена историческими памятниками, и было бы странно, если бы такое возобновление войны никак не отразилось бы в них (ср.: надпись Аменемхаба, подробно описывающего свою боевую карьеру при Тутмосе III — Аменхотепе II, не содержит ни намека на что-либо выходящее за рамки фактов, известных нам по анналам). Наконец, поход своего 7-го года Аменхотеп II начинает от того самого рубежа, на котором завершилась кампания 42-го года Тутмоса. Таким образом, следует считать, что в 42-м — 54-м годах Тутмоса и, видимо, дальше, вплоть до 7-го года Аменхотепа, военные действия на севере не возобновлялись и между Египтом и Митанни существовали отношения холодной войны (первый митаннио-египетский мир был во всяком случае только при Аменхотепе, см. ниже сноску 62).

³Urk.IV. 1305.14 (Мемфисская надпись), Urk.IV. 1314.15 (Карнакская надпись, вероятное восстановление).

⁴Такой временной разрыв исключает точку зрения Й. Ахарони, согласно которой второй поход явился реакцией на предполагаемую этим автором неудачу первого (The Macmillan Bible Atlas. N. Y. 1968. Map 36, Comm.).

ким образом, поход 9-го года мыслится египтянами как заключительный аккорд в многолетних азиатских войнах ранней XVIII династии. Этим и определяется общий интерес к нему. За десятилетия дискуссий по этой теме исследователями были высказаны многие, в том числе взаимоисключающие точки зрения на основное содержание и отдельные детали Мемфисской надписи — нашего главного источника по походу 9-го года; кроме того, ряд мест текста, по нашему мнению, допускает уточнения и интерпретации, до сих пор не предлагавшиеся в литературе. Все это делает, как представляется, актуальным новое специальное обращение к сообщению Мемфисской надписи о «втором победоносном походе» Аменхотепа II.

Текст Мемфисской надписи составлен на среднеегипетском языке, к XVIII династии уже вышедшем из разговорного употребления, но сохранявшемся в торжественных текстах, требующих их намеренной архаизации, и в более позднее время. В то же время в некоторых фрагментах данной надписи очевидно проявляется черты самого конца среднеегипетской фазы развития языка и ее перехода в новоегипетскую фазу; к ним, на наш взгляд, следует отнести частое употребление указательного местоимения ρ^3 , по сути дела, уже в значении артикля (стк. 1305.16, 1305.18–1306.3, 1307.2, 1307.10, 1308.7, 1308.17, 1309.13; как известно, это явление наблюдается уже в среднеегипетских текстах сер. II тыс. до н. э., к примеру в папирусе Весткар), употребление в собирательном значении не женского, а мужского рода, проявляющееся, в частности, в согласовании с соответствующими формами артикля ρ^3 (стк. 1305.16: $\rho^3 \text{ nh}t$ — см. комм. 3; 1307.10, 1308.17: $\rho^3 \text{ h}^3 \text{ h}^3$ — см. комм. 24) использование конструкции $\rho^3 y +$ местоимение-суффикс для выражения притяжательности (стк. 1308.15: $\rho^3 y.f \text{ ikhw}$ — см. комм. 29), а также, по-видимому, отмирание форм двойственного числа, если не на письме, то по крайней мере в их восприятии (см. стк. 1307.13 и комм. 27 — возможное согласование зависимого местоимения женского рода в значении множественного числа с собирательным оттенком с двойственным числом šdy в стк. 1307.12). Содержащиеся в исследуемом фрагменте иероглифические написания не обнаруживают каких-либо «неправильностей», затрудняющих их понимание, за одним исключением (стк. 1306.10), которое специально оговаривается в соответствующем комментарии. В целом нельзя сказать, что рассматриваемый нами фрагмент надписи Аменхотепа II оказывается сколько-нибудь нетривиальным с точки зрения его филологического и эпиграфического анализа.

В то же время именно этот фрагмент оказывается весьма интересен не только как источник по политической и военной истории Египта и Ближнего Востока в XV в. до н.э., но и как пример необходимости тщательного учета филологических характеристик текста при поиске его интерпретации, максимально адекватной отразившимся в нем реалиям. С этой методической точки зрения наиболее показательны его строки 1307.10–14, содержащие рассказ об обращении в статус личной зависимости пленных, захваченных войском Аменхотепа II при Итурине и Мигдолайне, и их охране. Не предваряя детальный анализ этих строк, отметим, что в литературе присутствовали

альтернативные точки зрения по поводу их интерпретации, во многом строившиеся на филологических натяжках или ошибках их авторов. Правильный подход к пониманию этих строк и, соответственно, к оценке уже существующих вариантов их истолкования виделся нам в том, чтобы возможно более детально разобраться в системе согласования личных местоимений и в семантике выражений, присутствующих в них. Наиболее трудным и дискуссионным оказывается филологический анализ словосочетания *m kḏ.sn nb* в стк. 1307.12 — прежде всего потому, что спектр примеров его употребления, на которые можно было бы ориентироваться, весьма ограничен. Серьезнейшей методической ошибкой интерпретаторов этого словосочетания (П. Дер-Мануэляна и консультировавшего его в этой связи У. Дж. Мернейна) была ориентация на его чисто внешнее, при более внимательном взгляде на его грамматику оказывающееся фантомным сходство с некоторыми более частотными выражениями. На наш взгляд, единственным возможным подходом к преодолению подобного рода трудностей оказывается не столько привлечение аналогов соответствующего словосочетания (если они столь малочастотны, как в рассматриваемом нами случае, понятно, что они и сами вызовут определенные неясности в их понимании), сколько внимательный анализ его структуры, определение спектра значений составляющих его компонентов и выяснение лишь на основе их сопоставления возможных вариантов интерпретации данного словосочетания в целом. Заметим, что при выборе окончательного варианта интерпретации анализируемого таким образом фрагмента едва ли не решающая роль будет принадлежать его чисто смысловому контексту, т. е. тому, насколько каждый из филологически возможных вариантов его понимания укладывается в общую логику повествования.

При работе над текстом надписи нами были учтены ее переводы, выполненные Э. Эделем (*E. Edel. Die Stelen Amenophis'II aus Karnak und Memphis mit dem Bericht über die asiatischen Feldzüge des Königs. — in: ZDPV, 1953, Bd. 69*), В. Хельком (*W. Helck. Urkunden der 18. Dynastie: Übersetzung zu den Heften 17–22. B., 1961, S. 38–40*), И. С. Кацнельсоном (*Хрестоматия по истории древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузицина. М., 1980. Ч. I. С. 73–74*) и П. Дер-Мануэляном (*P. Der Manuelian. Studies in the Reign of Amenophis II. Hildesheim, 1987, p. 223–227*). При подготовке нового варианта перевода интересовавшего нас фрагмента надписи мы постарались в максимальной степени отразить в нем структуру подлинного египетского текста, а там, где это было невозможно по стилистическим соображениям, дополнить перевод вариантами буквального прочтения соответствующих выражений или конструкций. В приводимых транслитерации и переводе текста цифры в круглых скобках указывают страницы использовавшегося нами его издания: *W. Helck. Urkunden der 18. Dynastie. B., 1958*; цифры у левого поля страницы — строки данного издания, цифры в квадратных скобках, разбивающие текст транслитерации и набранные жирным шрифтом, — строки подлинного текста. Подчеркиванием в транслитерации отмечены разрушенные фрагменты надписи, еще в древности подвергшиеся реставрации.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ И ПЕРЕВОД

(1305)

- XIII. [17]. . . h̄ʒt-sp 9 ʒbd 3 ʒht h̄rʒʒʒw 25
 ... Год 9-й, месяц 3-й Половодья, день 25-й.
- XIV. wdʒ h̄m.f r Rtnw m wdyl.f sn-nw nt nh̄t
 Отправился Величество его к Ретену в качестве похода его второго победы
- XV. r dmt̄ n 'I-p-k̄
 к городу I-p-k̄¹.
- XVI. iw.f h̄r [18] prt m h̄tp n pʒ nh̄t ʒ n pr ʒ ʒ w. s.
 [Был] он [город] на выхождении в мире² ради мощи³ великой «Великого дома»,
 да будет он ж[ив], б[лагополучен], з[доров].
- XVII. prt h̄m.f h̄r h̄try s̄ʒw m h̄ʒw n rd̄t nh̄t r dmt̄ n Y-h-tʒ
 Выступил Величество (букв. «выступление Величества...»)⁴ его на упряжке
 коней⁵, оснащенный оружием, приносящим победу (букв. «оружием принесения
 победы»), к городу Y-h-tʒ⁶.
- XVIII. ʒst̄ h̄ʒk̄.n h̄m.f nʒ w̄hy[w]t n Mʒ-pʒ-sy-n
 Воистину, захватил Величество его селение⁷ Mʒ-pʒ-sy-n

(1306)

- I. h̄n̄ [19] nʒ n w̄hy[w]t Hʒ-t̄-tʒ-n
 с селением Hʒ-t̄-tʒ-n⁸,
- II. dmt̄wy h̄r ʒmnty sʒw-kʒ
 два города к западу от sʒw-kʒ⁹.
- III. ʒst̄ pʒ h̄k̄ʒ n̄ʒny m̄t̄ b̄tk̄ n̄try
 Воистину, [был] этот владыка ярости подобен соколу божественному,
- IV. h̄try.f h̄r ʒ̄ m̄t̄ sbʒ n pt
 упряжка коней его в полете, подобно звезде неба.
- V. ʒ̄ n h̄m.f
 [Когда] вступил Величество его [в Ихем].
- VI. ʒn̄.tw [20] wnw.f h̄rdw.f h̄mwt.f m skr-ʒnh̄w h̄r[yw].f nb
 [были] приведены (захвачены) правители его [Ихема]¹⁰, дети его, жены его в
 качестве «живых-убитых», слуги его все
- VII. r m̄tt̄ ʒry
 также¹¹;
- VIII. ht.f nn dr.f
 [были принесены] (захвачены) вещи его, нет предела им,
- IX. m̄m̄n̄.f h̄tryw.f
 скот его, упряжки коней его,

- X. $\text{t}^3\omega[\text{t}] \text{nb} \text{n} \text{m-h}^3\text{t.f}$
 скот¹² весь из находившегося впереди его [Ихема]¹³ (букв. «[нахождения] во главе его»).
- XI. $\text{ndm} \text{pw} \text{[21]} \text{ir.n} \text{hm.f}$
 Отдохновение это, сделанное Величеством его¹⁴.
- XII. $\text{tt} \text{hm} \text{n} \text{ntr} \text{pn} \text{šps} \text{Imn} \text{nb} \text{pswt} \text{t}^3\omega\text{y} \text{tp-m} \text{hm.f} \text{m} \text{rswt}$
 Пришел Величество (букв. «пришествие Величества. . .») бога этого почтенного Амона владыки престолов Обейх Земель пред Величеством его во сне,
- (1307)
- I. $\text{r} \text{rdi} \text{kn} \text{n} \text{s}^3.\text{f} \text{š-hrgw-R}^c$
 чтобы дать доблесть сыну его Аахеперу¹⁵.
- II. $\text{it[f.f]} \text{Imn-R}^c \text{m} \text{s}^3 \text{h}^c\omega.\text{f} \text{hr} \text{hw}^3 \text{p}^3 \text{hk}^3$
 Отец его Амон-Ра в качестве защиты тела его, на ограждении от ущерба¹⁶ правителя этого.
- III. $\text{prt} \text{hm.f} \text{[22]} \text{hr} \text{htry} \text{tp-dw}^3\text{yt} \text{r} \text{dm}^3 \text{I-tw-gy-n}$
 Выступил Величество (букв. «выступление Величества. . .») его на упряжке коней утром к городу I-tw-gy-n¹⁷.
- IV. $\text{hn}^c \text{Mk-ti-r-y-nt}$
 а также Mk-ti-r-y-nt¹⁸.
- V. $\text{h}^c.\text{n} \text{shm} \text{hm.f} \text{c.} \omega. \text{s.} \text{m}^3 \text{shm} \text{Shmt} \text{m}^3 \text{Mntw} \text{hr} \text{W}^c\text{s}[t]$
 Стал мощен Величество его, да будет он ж[ив], б[лагополучен], з[доров], подобно мощи Сохмет¹⁹, подобно Монту в Фивах²⁰
- VI. $\text{in.n.f} \text{w}^3\omega.\text{sn} \text{34} \text{mrwt-in} \text{57} \text{[23]} \text{styw} \text{c}^3\text{nh} \text{31}$
 Принес он (захватил) правителей их 34, марйанне²¹ (?) 57, азиатов живых 31.
- VII. $\text{drt} \text{372} \text{ssmt} \text{54} \text{wrr[y]t} \text{54} \text{r-mn} \text{h}^c\omega \text{nb} \text{n} \text{h}^3$
 [отрубленных] рук 372, конных упряжек (досл. «лошадей»)²² 54, колесниц 54, в дополнение к (букв. «к дополнению. . .») оружию всякому боевому (букв. «оружию всякому сражения»),
- VIII. $\text{nhwt}^c \text{nb} \text{nw} \text{Rtnw} \text{hrdw.sn} \text{hmwt.sn} \text{ht.sn} \text{nb}[t]$
 богатырей (букв. «сильных рукой») Речену, детей их, жен их, вещи их всякие²³.
- IX. $\text{m-h}^3 \text{m}^3.\text{n} \text{[24]} \text{hm.f} \text{p}^3 \text{h}^3\text{k} \text{c}^3 \text{wt}$
 После того как осмотрел Величество его эту добычу²⁴ многочисленную весьма
- X. $\text{tw.tw} \text{hr} \text{ir} \text{st} \text{m} \text{skr}^c\text{nh}$
 [тогда] обратили их²⁵ в «убитых-живых»
- XI. $\text{tw.tw} \text{hr} \text{irt} \text{šdy} \text{m} \text{kd.sn} \text{nb}$
 [u] сделали два рва в объем их весь²⁶
- XII. $\text{mk} \text{mh} \text{st} \text{m} \text{ht}$
 И вот, [были] наполнены они (или: наполнено это)²⁷ огнем.

XIII. *iw hm.f m rsw hr.s r hđ t3*

Вот. [был] Величество его в бодрствовании над ними/рядом с ними (или: над этим/рядом с этим)²⁸, пока не рассвело («пока не осветилась земля»),

XIV. *iw p3y.f [25] ikhw hr imnty.f*

причем его²⁹ боевой топор [был] на правой руке его³⁰,

XV. *šmsw nn w^c hnc.f*

«спутники», не [было] ни одного с ним,

XVI. *ist p3 mš^c w3 r.f hgw sđmw-š p pr-š*

[у] воистину, это войско было далеко (букв. «будучи далеким») от него, кроме «слышающих призыв Великого дома»³¹.

(1308)

II. *ir m-hł t3 hđw n sn-nw hgw*

Что до [того, что.]³² после того как рассвело (букв. «земля осветилась») на другой день³³,

III. *prt hm.f hr htry tp-dw3yt s3bw m hkrw [26] Mntw*

Выступил Величество (букв. «выступление Величества...») его на упряжке коней утром, оснащенный оружием Монту.

IV. *hgw n hb hcy-nsu n hm.f*

[В] день царского воссияния³⁴ Величества его

V. *iw.tw hr h3k I-in-ıw-hr-ıł*

захватили I-in-ıw-hr-ıł³⁵.

VI. *rht kf^c n hm.f w3w n hgw rp*

Исчисление добычи Величества его одного (букв. «будучи одним») в день этот (букв. «дня этого»):

VII. *m-r-y-n3 chı 17 msu wr 6 styw chı [27] 68*

марйанне живых 17, детей правителей 6, лучников живых 68

VIII. *đrt 23 htry 7 wr[y]t n hđ nbw 7 r mn h^cw.sn nb n ch3*

[отрубленных] рук 123, упряжек коней 7, колесниц из золота [и] серебра 7, в дополнение к (букв. «к дополнению...») оружию их всякому боевому (букв. «сражения»)

IX. *k3 443 hmt 370 mpmnt nb nn đr-š.sn*

быков 443, коров 370, скота всякого, нет предела их³⁶.

X. *wn.in mš3 r-đr.f hr ms [28] h3kt š3 wrt nn đr-š.sn*

Стало тогда все войско уносить³⁷ (букв. «было тогда войско до пределов его на унесении») добычу (букв. «захваченное»)³⁸ многочисленную весьма, нет пределов ее (букв. «их»).

XI. *spr hm.f h3w Mkty*

Достиг Величество его окрестности Mkty (Мегиддо)³⁹.

XII. *iw.tw hr int wr n Kb-3-sw-mın K3-k3 m.f*

[Тогда] принесли [захватили] правителя Kb-3-sw-mın⁴⁰, K3-k3 имя его,

- XIII. hmt.f hrw.f hr[yw].f nb[w] r mltt ity
 жену его, детей его, подвластных его всех также⁴¹.
- XIV. dhnw [29] k[y] wr m st.f
 Был назначен другой правитель на место его.
- XV. srh hmt.f r dmt n Mn-nfr
 Достиг Величество его города Мемфиса,
- XVI. tb.f t' m h's[w]t nb[w]t i'w nbw hr tby.f[y]
 [причем] сердце его довольно (букв. «будучи омыто») чужеземными странами
 всеми, землями всеми[, находящимися] под сандалиями его.
- XVII. rh p' h'k' int hm.f
 Исчисление добычи⁴² из принесенного (букв. «принесения»; захваченного) Ве-
 личеством его:
- XVIII. wr n Rtnw 127 sn-nw n wnw [30] 179
 правителей Ретену 127, братьев правителей 179,
 (1309)
- I. rw-r 3600 s'sw ch 15200
 [людей] rw-r ([x]апиру) 3600, [людей] s'sw (шасу) живых 15200
- II. h'z-rw 36300
 [людей] h'z-rw («хурритов») 36300.
- III. n'z-g'z-sw ch 15070
 [людей] n'z-g'z-sw (Нухашше) живых 15070.
- IV. z'bw t'rw [31] 30652
 членов семей (букв. «семьи») ⁴³ их⁴⁴ (i'rw=.sn; cf. supra et Gr. § 113.2) 30652;
- V. dmq.s 89600 m mltt ht.sn nn r-c.sn
 общее число их⁴⁵ 89600, а также вещи их, нет предела их,
- VI. i'w.tw i'zwt nb[t] n.sn-i'my[w] mnmt [32] nb[t] nn dr-c.sn
 стада все, находившиеся у них, [мелкий] скот весь, нет предела его (букв.
 «их»),
- VII. wr[y]t n hq nbw 60 wr[y]t sst 1032 r-mn h'w.sn nb n ch'
 колесниц из серебра и золота 60, колесниц расписных 1032, в дополнение к
 (букв. «к дополнению...») оружию их всякому боевому (букв. «сражения»),
- VIII. m 13500
 в [числе] 13500
- IX. m phty Imn-R' t[if].f šps mrr.tw.f nty m-s'k. . .
 посредством мощи Амона-Ра, отца его почтенного, которого любят⁴⁶, кото-
 рый в качестве защиты твоей⁴⁷,
- X. wq n.f hnt
 приказавшего ему (царю) доблесть [его] ⁴⁸.

- XI. $\dot{t}st \dot{s}dm.n \rho^3 wr n N-hr-y-n^3 \rho^3 wr n H\dot{t}^3 \rho^3 wr n S^3-n-gr$
 [Когда⁴⁹,] воистину, слышали правитель⁵⁰ $N-hr-y-n^3$ («Нахарина», Митани-
 ни), правитель $H\dot{t}^3$ (Хатти), правитель S^3-n-gr («Сангар», Касситская Вави-
 лония)
- XII. $\rho^3 nht.tw \text{ } \text{ } \text{ } \dot{i}r.n [hm.f]$
 об одержании побед⁵¹ великом, совершенном [Величеством его],
- XIII. $w\text{ } \text{ } nb hr stwt r sn-nw.f m hknw \dot{i}n[w] nb h^3st nb[t]$
 [тогда] каждый [из них] (букв. «один каждый») стал соревноваться с дру-
 гим (букв. «на совершении подобного [более], чем другой его») в хвалах [и]
 приношениях всяких чужеземной страны каждой.
- XIV. $\dot{i}w.sn hr dd m h^3tyw.sn n [34] \dot{i}tf \dot{i}tfw.sn$
 Обращаются (букв. «говорят») они в сердцах их к отцу отцов их.
- XV. $r dbh \dot{h}r hr hm.f$
 чтобы вымолить благоволение от Величества его.
- XVI. $r st-tw rdit n.sn \dot{i}^3w n \text{ } \text{ } \dot{c}h$
 чтобы было даровано им дыхание жизни (букв. «к поиску дарования им дыха-
 ния жизни»):
- XVII. $\dot{i}w.n gr b^3kw n r \text{ } \text{ } \dot{c}h.k$
 «Вот мы, воистину, рабы мы для двора твоего.
- XVIII. $s^3 R\text{ } \text{ } \dot{I}mn-\dot{h}r ntr h\dot{k}^3 \dot{I}wnw h\dot{k}^3 h\dot{k}^3w m^3y n\dot{s}ny tw m h^3st nb[t] m \dot{i}^3 \rho n \dot{d}t$
 сын Ра Аменхотеп, бог-властитель Гелиополя, ты властитель властителей;
 лев ярости в чужеземной стране каждой⁵², в земле этой (в Египте) вечно»⁵³.

КОММЕНТАРИЙ

- I. Апек (совр. Рас-эль-Айн к северо-востоку от Яффы) — первая после Яффы стоянка на т.н. *via maris*, ведущей из Египта в Мегиддо и далее на север. Поведение Апека описывается обычно как капитуляция перед фараоном, однако текст скорее описывает обычное изъявление преданности при приближении царя. Во всяком случае, ни репрессиям, ни уводу правителей Апек не подвергся (о всех прочих названных в надписи центрах это сообщается, об Апеке — нет). Учитывая, что подобный увод был, как увидим, неизменным образом действия Аменхотепа по отношению к мятежникам в походе 9-го года, независимо от того, оказывали они сопротивление или нет (ср. ниже судьбу Ихема), такая участь Апека свидетельствует о том, что он сохранил верность фараону. Поскольку Апек приветствует Аменхотепа, а упомянутые следом поселения в районе Сохо он уже захватывает силой, можно точно установить, что накануне кампании линия египетского контроля проходила примерно в 30–50 км к северу от Яффы.
- II. Не сразу становится ясно, кто именно оказывается субъектом данной фразы — фараон или город Апек. По-видимому, правы те, кто придерживается последней

точки зрения⁵: если бы речь шла о фараоне, скорее всего, по отношению к нему было бы употреблено не излишне «прямолинейное» личное местоимение *f*, а, как обычно, иносказательное *hm.f* («Его Величество»). Заметим, что перевод И. С. Кацнельсона: «Он [жители города] вышел с предложением мира ради великих побед фараона...» — излишне усложняет понимание рассматриваемой фразы: на наш взгляд, вполне очевидно, что речь в ней идет не о каких-то мирных предложениях Апека фараону, а просто об отсутствии какого бы то ни было сопротивления с его стороны.

- III. Как правило, употребленное в данной строке слово *nh.t* понимается как «победа, победы»⁶. На наш взгляд, интерпретировать его как форму множественного числа в целом некорректно, по причине его введения артиклем единственного числа мужского рода ρ^3 . В то же время некоторый оттенок собирательного значения придается этому слову употреблением в его написании детерминатива множественности (как легко заметить, сравнив с альтернативным написанием слова *nh.t* «победа» в стк. 1305.14 без такого детерминатива). Оптимальным соответствием этому слову с точки зрения как его написания и грамматической формы, так, кстати говоря, и смысла данной фразы будет значение «мощь, сила». Заметим, что «выражение среднего рода (т. е. собирательного значения — И. Л., А. Н.) посредством форм мужского, а не женского рода»⁷ является общей тенденцией новоегипетского языка, как представляется, отчасти проявившейся в данном словосочетании.
- IV. В связи с глагольными формами *prt* в данной строке и стк. 1307.4 и 1308.3 и *it* в 1306.12 встает вопрос, являются они инфинитивами (в таком случае открываемые ими предложения оказываются назывными; cf. EG § 306.2) или формами *sdmt.f* в повествовательном значении (cf. id. § 406). К первому предположению заставляет склониться то обстоятельство, что ни в одном случае указанные формы не передают свойственное *sdmt.f* значение предела действия⁸.
- V. В переводе В. Хелька предлогу *hr*+знаку Е6 (изображение лошади) в данной строке соответствует zu Pferde, в переводе П. Дер-Мануэляна — by horse⁹, что предполагает транслитерацию ими этого знака как *ssmt* («лошадь»). Х. Гедике посвящает данному фрагменту специальный комментарий, высказывая мнение,

⁵W. Helck. Urkunden der 18. Dynastie: Übersetzung zu den Heften 17-22. B., 1961. S. 39. P. Der Manuelian, op. cit., p. 223-227; Стела Аменхотеп II из Мит-Рахине (пер. и. комм. И. С. Кацнельсона). — в: М. А. Коростовцев, И. С. Кацнельсон, В. И. Кузищин, ред., Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1980, ч. I, с. 73.

⁶Helck. Urkunden der 18. Dynastie: übersetzung... S. 39:... wegen des grossen Sieges Pharaos...; P. Der Manuelian, op. cit., p. 225:... because of the great victories of Pharaoh...; Стела Аменхотеп II из Мит-Рахине... Там же: «... ради великих побед фараона...»

⁷М. А. Коростовцев. Введение в египетскую филологию. М., 1963, с. 209.

⁸Н. С. Петровский. Египетский язык. Л., 1958. § 145.

⁹Helck, idem., S. 39; Der Manuelian, op. cit., p. 225.

что путешествие на колеснице на большое расстояние было бы трудно и утомительно; поэтому в этом случае следует предположить, что фараон просто ехал верхом и транслитерировать данный фрагмент *hr ssmt* («на лошади») ¹⁰. Даже не вдаваясь в вопрос о том, насколько верховая езда, при отсутствии седел и стремян, была распространена у египтян эпохи XVIII династии, заметим, что решающим аргументом для интерпретации знака Е6 в данной строке нам кажется ее большое сходство со стк. 1307.4, содержащей не вызывающую сомнений фонетическую расшифровку чтения этого знака (*prt hm.f hr htry...*). Соответственно, знак Е6 в рассматриваемом фрагменте с высокой степенью вероятности следует понять как *htry* («упряжка лошадей»), и речь здесь идет о езде на колеснице.

VI. Ихем, к югу от Мегиддо. Поскольку Ихем указан как цель выступления Аменхотепа из Апека, именно Ихем следует считать первым крупным центром противников Аменхотепа по пути с юга.

VII. Обратим внимание на то, что слово *wḥyt* может, в зависимости от детерминатива, переводиться и как «селение, деревня» (cf. Wb. I. 346. 12–14; FCD 66; АЕО II. 205*), и как «племя» (Wb. I. 346. 9, 11; FCD id.). В данном случае первый вариант интерпретации подсказывает служащий детерминативом знак N21, обозначающий участок территории (Дер-Мануэлян уверенно переводит это слово как *village*¹¹). В то же время, на наш взгляд, нельзя исключить, что данное слово для обозначения селения избрано намеренно и отражает его восприятие именно как общности его обитателей¹².

Следует также заметить, что согласование данного слова в стк. 1305.18 и 1306.1 с артиклем множественного числа (*n³...; n³ n...*), а также, хотя и в меньшей степени, наличие при нем детерминатива множественности указывает на его употребление в форме множественного числа (*wḥy[w]t*; в частности, это нашло отражение в переводе В. Хелька: ... *die Dürfer von Mpsn... die Dürfer von Httn...* ¹³). Как представляется, само наличие в рассматриваемом фрагменте текста лишь двух топонимов, а также пояснение к нему, содержащееся в стк. 1306.2, убеждает, что речь в нем идет все же о двух населенных пунктах, а не о неких двух их конгломератах; поэтому принятый Дер-Мануэляном и нами перевод слова *wḥy[w]t* формой единственного числа можно считать корректным. Вместе с тем употребление в данном случае формы множественного числа *wḥy[w]t* может быть связано с отмеченным нами свойственным этому слову значением общности людей, живущих в поселении.

¹⁰Goedicke, op. cit., S. 134, Anm. 9.

¹¹Der Manuelian, op. cit., p. 225.

¹²Ср. с отмеченным И. А. Стучевским оттенком употребления однокоренного с рассматриваемым словом *wḥy*: И. А. Стучевский. Новые данные древнеегипетских источников о сельской общине. — в: Древний Египет и древняя Африка, М., 1967, с. 134–135.

¹³Helck, Urkunden der 18. Dynastie: übersetzung... S. 39.

VIII. Мопасин и Хатичан «к западу от Сохо» ближе неизвестны. Интересно, что, как и упомянутые ниже Итурин и Мигдолайн, Мопасин и Хатичан подчеркнута описываются как единый парный объект действия фараона. А. Альт предположительно размещает их в долине Вади эль-Хаворет¹⁴. П. Дер Мануэлян¹⁵ предполагает, что Мопасин и Хатичан не пережили удара Аменхотепа, так как надпись якобы подчеркивает в соответствующем месте ярость фараона, а позднейшие источники этих двух поселений уже не упоминают. Однако о ярости Аменхотепа говорится лишь после констатации захвата Мопасина и Хатичана, и соответствующим предложением, как видно из его эмфазы и построения следующих фраз («И вот разъярился властитель (...), боевая упряжка его летела» и т.д.), вводится новый пассаж, относящийся уже к движению фараона на не названный по имени «город» (Ихем, см. выше). К Мопасину и Хатичану ярость фараона, таким образом, отношения не имеет. Что касается упоминания этих поселений в позднейших источниках, то о них молчат и все более ранние: это просто не особенно значительные центры.

IX. Античное Сохо, совр. Рас эс-Сувеке. Ихем и Сохо лежат на пути к Мегиддо, однако туда Аменхотеп так и не пошел. Очевидно, Мегиддо не являлось самостоятельным центром восставших, главную силу которых составляли, как видно, не крупные города, а деревенская округа и мелкие поселения; на них-то и обрушивается Аменхотеп (см. ниже). Ту же картину — лояльность городов и ненависть деревенской округи к Египту — обнаружит затем Амарнская эпоха с ее движением хапиру.

X. Очевидно, что здесь и ниже местоимение-суффикс *f* (как и выражение «вступил», требующее по смыслу соответствующего дополнения) подразумевает некий не названный прямо город. В самом деле, в соответствующем месте Карнакской надписи прямо говорится о каком-то «городе/крепости», *dmi*, Urk.IV. 1315.4. Что это за город? Предшествующий текст говорит сначала о выступлении фараона «на (л) город Ихем» (1305.17–18), затем, без всякого перерыва, — о разграблении Мопасина и Хатичана, «двух городов к западу от Сохо» (1305.18 — 1306.2), а затем — о продолжении движения фараона и захвате нашего неизвестного города. Поскольку здесь этот город не называют, очевидно, что он был поименован ранее. Тогда это либо Сохо, либо Ихем (Мопасин и Хатичан выступают в тексте вместе, как «два города», и на них указывало бы притяжательное местоимение мн. числа «их» (*sn*), а не «его» (*f*); к тому же повествование окончательно рассталось с ними, прямо оговорив дальнейшее движение фараона и его «приход» в неназванный город). Упоминание Сохо прямо предшествует разбираемому пассажи, однако текст называет его лишь в качестве географического ориентира при локализации Мопасина и Хатичана. Ихем же,

¹⁴Alt, op. cit., S. 47.

¹⁵Der Manuelian, op. cit., p. 70

упомянутый еще одной фразой ранее, был введен в текст именно в качестве цели движения фараона. Было бы странно, если бы это заявление не получило ожидаемого развития, т.е., если бы достижение этой цели так и не было бы оговорено. Наш «безымянный» город надо тем самым отождествлять именно с Ихемом. Географически это вполне оправданно, так как Ихем располагается на незначительном расстоянии к северо-западу от Сохо; таким образом, продвигаясь в общем направлении своего похода (с юга на север) от Мопасина и Хатичана, лежащих «к западу от Сохо», Аменхотеп должен был попасть именно в Ихем. Слова «из страха перед Его Величеством» (Urk.IV.1315.4), стоящие в Карнакской надписи сразу после упоминания безымянного «города», в пассаже, точно соответствующем пассажи о разграблении нашего «безымянного» города в Мемфисской надписи, показывают, что этот «город», т.е. Ихем, сдался без боя.

Соответственно сказанному, отпадает принятая Хельком и последующими исследователями¹⁶ хронология, по которой Мопасин и Хатичан были заняты после Ихема (что маловероятно и географически, так как Ихем расположен в общем направлении к северу от Сохо).

- XI. Нисба *iry* выступает в качестве эквивалента местоимения-суффикса 3 лица (EG § 113.2), в данном случае, судя по контексту предшествующих строк — 3 лица множественного числа. Соответственно, *r mltt iry=r mltt.sn*, т. е. букв. «к подобию их», подобно им (правителям, женам и детям Ихема).
- XII. Иероглифическое написание слова *iw³t* — динственное, представляющее некоторую сложность в рассматриваемом фрагменте текста. На наш взгляд, в нем произошли выпадение показателя женского рода *-i* (что является вообще в египетском языке большой редкостью) и переход первого детерминатива — знака F27 (шкура животного с хвостом) в знак Q3 (в обычном чтении односложный *p*). Ср. со стандартным написанием этого слова в Wb. I. 29. 15–16.
- XIII. У Дер-Мануэляна — *all the goats which were before him* (т. е. перед фараоном)¹⁷. На наш взгляд, употребленное в данной строке местоимение-суффикс *.f* идентично по смыслу таким же местоимениям в стк. 1306.6–9, т. е. согласовано с Ихемом в стк. 1306.2 (см. наш комм. 10).
- XIV. Конструкция *sdm pw ir(w).n.f* (инфинитив/именное сказуемое + местоимение *pw*/фиктивное подлежащее + относительная форма глагола *iri*/определение к инфинитиву, вводящее его действующее лицо; cf. EG § 392).
- XV. *3-hrgw-R^c* — «Велики воссуществования [бога] Ра» — имя Аменхотепа II как царя Верхнего и Нижнего Египта¹⁸.

¹⁶Ср. Helck, Die Beziehungen. . . , S.160–161; Der Manuelian, op. cit., p. 71, 73.

¹⁷Der Manuelian, op. cit., p. 225.

¹⁸J. von Beckerath. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München, 1984 (MÄS, 20), S. 85, 228.

- XVI. Инфинитив от *hwī* — глагола «защищать» с оттенком «изъять из ситуаций, связанных с возможным причинением ущерба» (FCD 186).
- XVII. «Итурин». Возможная локализация — Телль эд-Друр, в 8 км к северо-западу от Ихема, на пути в Вади Ара¹⁹. И. Йейвин на основании отсутствия детерминатива чужеземной страны (знак N25) при названии «Итурин» делает вывод, что речь идет о неоседлом народе, вероятно, итуреях, и считает одной из причин похода 9-го года инфильтрацию кочевников в Палестину²⁰. Однако единичное опущение детерминатива в египетских написаниях едва ли может послужить основанием для такого вывода²¹. В тексте стоит, собственно, *dmī n Itwīn*, что проще всего переводить как «город (имени) Итурин» (ср. аналогичные косвенно-генитивные написания названий заведомых городов в нашем тексте, структурно сопоставимые с английским the city of London, и т. п.: Urk.IV. 1305.15, 1305.17, 1305.18); если бы составитель хотел отсутствием детерминатива подчеркнуть, что его запись надо против ожидания читать «город (людей) итурин», то он должен был бы выразить это и более явственно (в первую очередь дополнив соответствующий этноним обязательным в таких случаях определителем общности людей — см. второй вариант знака A1 по А. Гардинеру). Кроме того при предложенном Йейвином варианте прочтения получится, что город имеет эпитет, но почему-то остается без имени. Наконец, в любом случае речь идет о городе, а не о кочевниках! При всех остальных названиях детерминатив чужеземной страны есть (кстати, Мопасин и Хатичан, объявленные Йейвином полукочевыми этническими группами, текстом прямо определены как «два города, *dmīwy*», Urk.IV. 1306.3), так что специально выделять «кочевой» фактор в событиях 9-го года нет никаких оснований.
- XVIII. Очевидное прочтение «Мигдолайн», семитск. «Две Башни». Возможное отождествление — совр. Эль-Маджал (в 5 км к северо-западу от Ихема), созвучный по названию, или, что менее удобно, тот же Телль эд-Друр²².
- XIX. Игра слов, при чтении подлинного текста, вероятно, звучащая как аллитерация: *shm* — быть мощным; мощь; *Shmī*, «Мощная»- имя богини, являющееся причастием от глагола «быть мощным»/неглагольной формой женского рода соответствующего качественного прилагательного.
- XX. В связи с заключительной частью данной строки Х. Гедике обращает внимание на необычность «двойного сравнения» фараона и с Сохмет и с Монту, написания имени Монту без соответствующего детерминатива после него, употребленного применительно к богу Монту эпитету *hr w3s[ī]* (в соответствии с обычной

¹⁹ *All, op. cit.*, S. 48.

²⁰ *Yeivin, Amenophis II's Asiatic Campaigns...*, p. 126-127. Соответственно, Мопасин и Хатичан он тоже объявляет поселениями полукочевых групп.

²¹ *Edel. Die Ortsnamenlisten aus dem Totentempel Amenophis III. Bonn, 1966, S. 90-91.*

²² Сводку мнений см.: *Der Manuelian, op. cit.*, p. 71-72.

структурой божеских эпитетов ожидалось бы *hry-ib W³st*; однако и такой эпитет по отношению к Монту был бы необычен) и отсутствия в написании названия египетской столицы показателя женского рода и детерминатива. Принимая эти моменты во внимание, он предлагает отказаться от интерпретации соответствующего фрагмента как имени бога Монту в сочетании с эпискозой и считает возможным его чтение *mt mn.tw hr w³s* — «подобно тому, как торжествуют по причине владычества» (according as one prevailed because of dominion)²³. Заметим, однако, что в стк. 1308.3, содержащей выражение «оружие Монту» (*hktw Mntw*), иное прочтение которого кажется невозможным, написание имени божества полностью совпадает с сочетанием знаков в рассматриваемой стк. 1307.6. Кроме того, чисто фонетическое, без детерминатива написание имени данного божества, хотя и в варианте *Mntw*, а не *Mntw*, хорошо известно (Wb. II. 92. 2). Иными словами, самый серьезный довод Гедике против общепринятой интерпретации рассматриваемой строки — необычность написания в ней имени божества — оказывается достаточно шатким. Характерно, что, отказавшись от традиционного прочтения этой строки и предложив ее альтернативную транслитерацию, Гедике не смог дать ее перевод, адекватный этой транслитерации и вписывающийся в общий контекст надписи (он сам открыто признает непреодолимые трудности при истолковании слова *w³s* в предлагаемом им чтении²⁴). На наш взгляд, традиционное понимание заключительной части стк. 1307.6²⁵, отразившееся и в предлагаемом нами переводе, оказывается во всех отношениях более мотивированным.

Отметим далее, что при Итурине-Мигдолайне Аменхотеп, очевидно, дал полевое сражение (единственное за всю кампанию). Специально об этом надпись не говорит, но прямо предвещающее список пленных фараона в Итурине — Мигдолайне сравнение Аменхотепа с боевыми божествами — Сохмет и Монту — может соответствовать только некоему боевому столкновению. Простое занятие городов в нашем тексте такими восхвалениями не сопровождается. Включение в список добычи при Итурине-Мигдолайне «оружия всякого сражения» только подкрепляет этот вывод.

- XXI. В «Словаре египетского языка» данное слово не зафиксировано, однако, начиная с Э. Эделя, его обоснованно переводят его как тагуапне (хурр. и зап.-сем. из хурр. «дружинник/колесничий»²⁶).
- XXII. *ssmt* (в иероглифическом тексте это слово выписано фонетически и поэтому не вызывает сомнений при прочтении; см. стк. 1307.8) дословно переводится

²³Goedicke, op. cit., p. 138–140.

²⁴Idem., p. 140

²⁵Edel, Die Stelen..., S. 134: ... wie es Month ist in Theben; Helck, Urkunden der 18. Dynastie: Übersetzung..., S. 39: ... wie Month in Theben; Der Manuelian, op. cit., p. 225: ... like Mentu in Thebes.

²⁶Edel, op. cit., S. 122; Der Manuelian, op. cit., p. 115, n. 16.

как «лошадь»; однако точное совпадение числа «лошадей» с числом колесниц (притом, что колесницы были, разумеется, двухконными) доказывает, что здесь данное слово употреблено в переносном, военно-терминологическом значении «конная упряжка к колеснице».

XXIII. Вообще говоря, надпись сообщает только о движении фараона на Итурин и Мигдолайн и о захваченной в результате добычи, не говоря прямо о падении названных городов. Однако последнее совершенно очевидно по контексту; к тому же в список указанной добычи включены женщины и дети, которых, разумеется, можно было пленить только при захвате самих поселений. Общее количество убитых и пленных в сражении и при разграблении Итурина и Мигдолайна составляет 694 боеспособных мужчин (с женщинами и детьми, очевидно, около двух тысяч человек). Эти цифры (при Мегиддо, например, войско Тутмоса III добыло всего 83 руки и 340 пленных), независимо от возможности преувеличения, указывают на ожесточенность сражения, тотальный характер угона пленных и, вероятно, на то, что против Аменхотепа здесь выступало общее ополчение мятежников, а не только жители двух названных поселений. Учитывая к тому же, что сражение при Итурине-Мигдолайне было единственным боевым столкновением за весь поход, на которое составитель надписи счел необходимым указать специальной фразой, в нем можно было бы видеть самый напряженный с собственно военной точки зрения момент кампании. Некоторые исследователи идут еще дальше, объявляя район Итурина — Мигдолайна центром всего восстания²⁷; Й. Ахарони в качестве возражения указывает на болотистый и редкозаселенный характер данной местности²⁸. Дискуссия на эту тему представляется беспредметной: центр повстанцев скорее будет располагаться как раз в менее освоенной местности; решительное сражение обороняющаяся сторона постарается дать не в собственном центре, а не доходя до него (причем, опять-таки, желательно в труднопроходимой местности); наконец, о заселенности и климате небольшого палестинского района 3000-летней давности судить трудно.

XXIV. «Словарь египетского языка» квалифицирует употребление субстантивированного причастия единственного числа мужского рода от глагола глагола h^3k — «захватывать», введенного соответствующим артиклем p^3 , в значении «добыча» применительно к пленным как специфически новоегипетскую черту (Wb. III. 33). По-видимому, употребление в данном случае в явно собирательном значении именно мужского рода следует отнести за счет влияния на текст рассматриваемой надписи новоегипетского языка, которому, как мы уже имели случай отметить (см. комм. 3) свойственна эта черта. Отметим, что высокая

²⁷ *All, op. cit.*, S. 47.

²⁸ *Aharoni, Some Geographical Remarks...*, p. 181.

степень субстантивации и единственное число данной формы отражает восприятие массы захваченных вещей и пленных как некоего единого целого.

XXV. В данном случае употреблено зависимое местоимение 3 лица единственного числа женского рода *st*, которому, как известно (EG § 46, 300), свойственно выражать и 3 лицо множественного числа безразлично к роду, в случаях если речь идет о субстантивах собирательного или неопределенного значения. Повидимому, в обозначении обращаемых в состояние зависимости пленных при помощи этого местоимения продолжает сказываться восприятие их как некоего единства, грамматическим соответствием которому опять же оказывается единственное число (ср. комм. 24).

XXVI. Данная строка, в особенности ее заключительная часть, — без сомнения, самое дискуссионное место в рассматриваемом фрагменте надписи Аменхотепа II. В связи с ее интерпретацией следует выделить следующие проблемы: (а) каким образом следует понимать употребленное в ней выражение *m ꜥd.sn nb*; (б) с каким именно лицом или предметом, явно или имплицитно присутствующим в предшествующем тексте, соотносится вошедшее в это выражение местоимение-суффикс 3 лица множественного числа *sn*.

Начнем с ответа на последний вопрос с точки зрения чисто формального грамматического анализа местоимения-суффикса *.sn* и его места в рассматриваемой фразе. П. Дер-Мануэлян делает однозначный вывод, что это местоимение обозначает пленнх; по его мнению, оно в принципе не может быть согласовано со словом *šdy*, как со стоящим в двойственном числе²⁹. Однако, как хорошо известно, местоимения-суффиксы множественного числа часто используются для передачи числа двойственного уже в среднеегипетском языке; в новоегипетском же языке двойственное число окончательно становится архаизмом и заменяется множественным³⁰. Иными словами, при интерпретации данной строки следует учитывать возможность соотнесения *.sn* и с «пленными» и со «рвами»; более точно значение этого местоимения-суффикса можно установить только при внимательном анализе его контекста и смысла содержащей его фразы в целом. В основе выражения *m ꜥd.sn nb* лежит существительное *ꜥd*. Как указывает П. Дер-Мануэлян, оно часто отождествлялось с субстантивированным инфинитивом глагола *ꜥd* — «обходить вокруг» (Wb. V. 78. 1 ff.) — со значением «окружность» (id. 78. 10; в т. ч. в выражении *m ꜥd*+прямой генетив/местоимение-суффикс: «вокруг чего-либо»³¹). Вместе с тем о неправомочности такого отождествления свидетельствует уже разница в детерминативах слова *ꜥd* в рассмат-

²⁹ *Der Manuelian, op. cit.*, p. 226, n. 17.

³⁰ Петровский, Египетский язык, § 64, с. 121; Коростовцев, ук. соч., с. 123

³¹ На подобном понимании выражения *m ꜥd.sn* основан перевод рассматриваемого фрагмента В. Хельком; cf. Helck, *Urkunden der 18. Dynastie: Übersetzung...*, S. 39: Man machte zwei Gräben um sie alle herum. . .

риваемом тексте (Y1 — запечатанный свиток) и глагола «обходить вокруг» и его производного (D54 — изображение ног)³². На самом деле существительное *ḳd*, вошедшее в рассматриваемое выражение, имеет первоначальное исконное значение «внешний вид, образ, форма» (cf. Wb. V. 75); производными от него можно считать значения «сущность, характер» (как известно, в египетском мировосприятии именно внешний вид, облик предмета или лица оказывался определяющим в плане его сущностных черт) и «общая протяженность, полнота, целокупность» (т. к. именно форма, внешние очертания предмета оказываются ограничением его протяженности в среде)³³. В то же время трудно принять и тот перевод данной фразы, который предложил сам Дер-Мануэлян со ссылкой на указания У. Дж. Мернейна: Two ditches were made with everything pertaining to them (напомним, что местоимение-суффикс *sn* при этом считается обозначающим пленных)³⁴; иными словами, выражение *m ḳd.sn nb* понимается как «со всеми ними [пленными]», «со всем, относящимся к ним, всеми их пожитками». В качестве обоснования для подобного перевода предлагается параллель между данным выражением и выражением *m ḳd wʿ* с общим значением «целиком, все вместе» (Wb. V. 77. 8; Urk. IV. 1823. 8). В действительности эта параллель оказывается весьма проблематичной: дословным переводом *m ḳd wʿ* будет «в качестве совокупности одной» (ср. *m bw wʿ* — букв. «в качестве места одного» = неча единого; Wb. I. 452. 2; FCD 56), причем значение «совместности», «единства с [чем-либо]», передаваемое этим выражением, вводится именно его заключительным компонентом *wʿ*, в *m ḳd.sn nb* отсутствующим. Кроме того, если выражение *m ḳd wʿ* имеет очевидное наречное значение, то *m ḳd* в рассматриваемом фрагменте при переводе Дер-Мануэляна — Мернейна приобретает столь же несомненное значение сложного предлога, что делает проведение параллели между ними чисто ассоциативным и грамматически совершенно некорректным. Соответственно, проблематичной оказывается и корректность приведенного перевода данного выражения в целом.

Установить значение выражения *m ḳd.sn nb* можно, на наш взгляд, лишь с помощью интерпретации отдельных его компонентов и возможных комбинаций их значений, с отбором наиболее вероятных из них по смыслу. Выше мы уже привели возможный спектр значений существительного *ḳd* и местоимения-суффикса *.sn*. Наиболее тривиально истолкование определительного местоимения *nb*, которое не может быть ничем, кроме определения «весь, все», относящегося к существительному *ḳd*. Что касается предлога *m*, его исконным значением ока-

³²Der Manuelian, *ibid.*

³³Заметим, что данное слово и практически совпадающий с ним в части фонетического написания глагол *ḳd* «обходить вокруг» с производными не являются в действительности, по-видимому, даже омонимами, т. к. в коптской фазе египетского языка переходят в существенно различающиеся фонетически слова (Wb. V. 75: *ḳd* > Ⲭⲟⲧ; id. 78: *ḳd* > ^{s.a.} ⲕⲱⲧⲉ: ^{b.f.} ⲕⲱⲧⲧ).

³⁴Der Manuelian, *ibid.*

зывается передача нахождения предмета или лица в чем-либо (в месте либо в моменте времени — EG § 162.1–2; закономерной инверсией, т. е. по сути дела вариантом данного значения оказывается «сепарационное» употребление предлога *m*, указывающее на отдаление лица или предмета от места, в котором оно находилось, либо на его отсутствие в нем; id. § 8). Развитием этого значения является указание с помощью предлога *m* на качество или состояние (EG § 162.3) либо эквивалент (т. н. «*m* эквивалентности»; id. §§ 38, 84, 96, 162.6) лица или предмета, воспринимаемые как некая «локативная» категория, «внутри» которой данное лицо или предмет находится. Определенным переосмыслением значения «*m* эквивалентности» является употребление предлога *m* для указания на некоторое предписание или модель, в соответствии с которыми совершается действие (id. § 162.9: *irt m* 'act according to'). Наконец, еще одной производной от первоначального «локативного» значения предлога *m* оказывается его «инструментальное» употребление, при котором данный предлог указывает на некое средство, с помощью которого субъектом осуществляется действие; семантически данное употребление может быть истолковано исходя из того, что субъект действия мыслился находящимся/персонифицирующимся (= *m*) том «инструменте», посредством которого это действие совершалось (EG § 162.7; i. e. *smʒ.n.ṯ mṯ ṯm.s m ḥpš.ṯ* «истреблял я людей[, бывших] в ней (стране)[,] с помощью длани своей» (Sin. B104–105) — букв. «[находясь] в длани своей»)³⁵. Различные способы управления косвенными объектами глаголов и введения глагольных форм через предлог *m* (EG § 162.9–12) оказываются, по сути дела, вариантами его употребления в том или ином из обозначенных выше значений. Из вариантов интерпретации выражения *m ḥd.sn nb* следует, по-видимому, сразу исключить возможность употребления в нем предлога *m* в «инструментальном» значении. К предположению о такой возможности можно было бы прийти, приняв местоимение-суффикс *.sn* за обозначение пленных (тогда рассматриваемая нами фраза могла бы быть переведена как: «сделали два рва с помощью всех их [пленных]» — букв. «в целокупности их [пленных]»; иными словами, пресловутые рвы рылись всеми пленными по приказу захвативших их египтян). Однако, во-первых, в известных нам примерах «инструментального» употребления *m* действие, «инструмент» которого вводится этим предлогом, имеет определенный и явно выраженный субъект, в то время как в рассматриваемом случае субъект выражен неопределенным личным местоимением *lw*. Во-вторых, вводимый через *m* «инструмент» действия должен восприниматься как естественное и абсолютно зависимое продолжение, принадлежность субъекта этого действия и, в силу этого, в принципе не может быть одушевленным

³⁵Заметим, что употребление *m* для указания на способ действия — EG § 162.4: *m mʒc* «в истине» — либо на материал, в котором воплощается действие — id. § 162.5: *m ṯnr* «в камне» — можно, на наш взгляд, считать определенным развитием его «инструментального» употребления

лицом или лицами, наделенными независимой от данного субъекта, пусть даже преодолеваемой через принуждение, способностью к действию; как представляется, это вполне естественно вытекает из того истолкования «инструментального» употребления предлога *m*, которое было приведено выше³⁶. В-третьих, исходя из смысла, а не грамматической формы текста, проблематичной выглядит сама возможность раздачи пленным необходимых для рытья рвов орудий труда, сопоставимых по своей убойной силе с боевым оружием египтян: даже при многочисленной охране пленных (которая в рассматриваемом случае как раз отсутствовала, так как при Аменхотепе находился лишь отряд личных телохранителей; см. ниже стк. 1307.14, комм. 31) подобный шаг со стороны египтян был бы весьма рискованным, а поэтому и маловероятным. Все приведенные доводы говорят, на наш взгляд, против истолкования выражения *m ḳd.sn nb* исходя из «инструментального» значения вошедшего в него предлога *m*.

Собственное «локативное» значение предлога *m* в выражении *m ḳd.sn nb* в контексте, создаваемом для него рассматриваемой фразой, возможно теоретически, но, как представляется, исключается по смыслу. Таким образом, единственным возможным вариантом оказывается интерпретация употребленного в данном выражении предлога *m* как указания на некое качество либо эквивалент. Заметим, что в этот спектр значений предлога *m* в принципе укладывается предлагаемое «Словарем египетского языка» истолкование выражения *m ḳd+*прямой генетив/местоимение-суффикс (Wb. V. 76. 11–14: «подобно чему-либо, так же как что-либо», т. е. букв. «в качестве образа чего-либо» > «в качестве чего-либо»; на наш взгляд, авторы «Словаря» не вполне правы, отождествляя это выражение с *mī ḳd+*прямой генетив/местоимение-суффикс и не учитывая при этом разницу в исходной семантике предлогов *m* и *mī*), которое почему-то отвергается Дер-Мануэляном в связи с рассматриваемым фрагментом текста³⁷. Дальнейшее истолкование интересующей нас фразы в решающей степени зависит от окончательного решения вопроса, с чем следует соотносить употребленное в ней местоимение-суффикс *.sn*. Предположив, что оно согласуется с существительным *šdy* «два рва», мы можем получить следующие варианты ее перевода: «сделали два рва в качестве формы их всей/объема их всего // соответственно форме их всей/объему их всему»; иными словами, отвлекаясь от буквального прочтения данной фразы, ее следует понять либо: «сделали два рва должным образом», — либо: «сделали два рва целиком». Специальное введение такого обстоятельства образа действия для характеристики рытья пресловутых рвов возможно только в том случае, если для составителей текста была мыслима, хотя бы чисто теоретически, ситуация, альтернативная описываемой данным

³⁶См. примеры, иллюстрирующие оба приведенные выше наблюдения, в: Н. С. Петровский. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970, с. 197, вар. I/CXXXIV, II/CXXXV.

³⁷*Der Manuelian, ibid.*

обстоятельством, — иными словами, если рвы могли быть вырыты «недолжным образом» либо «не целиком». Учитывая, что такое допущение вряд ли имело бы смысл, само выражение *m ḳd.sn nb* при согласовании *.sn* с *šdy* пришлось бы также считать лишенным смысла плеоназмом. Как кажется, это служит достаточно веским основанием для сомнений в правильности соотнесения *.sn* и *šdy*.

Таким образом, местоимение-суффикс *.sn* с наибольшей степенью вероятности обозначает пленных. Заметим, что единственным случаем обозначения в предшествующем тексте пленных более или менее явным образом оказывается употребление применительно к ним в предыдущей стк. 1307.11 зависимого местоимения 3 лица женского рода в обобщающем значении *st* (см. комм. 25). Выбор для обозначения пленных на этот раз местоимения 3 лица множественного числа если и может быть мотивирован, то только чисто стилистически — необходимостью в связи с размещением пленных дать представление о них как уже не о единой массе, а именно множестве людей. Соответствующий данному пониманию *.sn* перевод фразы будет выглядеть следующим образом: «сделали два рва в качестве формы/объема их [пленных] всего // соответственно форме/объему их [пленных] всему». Понятно, что по своему смыслу данная фраза оговаривает необходимость соответствия между размерами рвов и численностью пленных, лишней раз, хотя косвенно и ненавязчиво, напоминая, что эта численность велика (это хорошо согласуется со стилистикой и задачами царских надписей). При этом под «формой/объемом», соответствующим общей большой численности захваченных египтянами пленных, составитель надписи мог иметь ввиду только большую площадь занятой при их размещении территории, в охват которой и были вырыты рвы. Любопытный пример аналогичной ассоциации, относящейся, правда, уже к новейшей истории, можно найти в докладе подразделения британской гвардии, участвовавшего в боях при Сиди-Баррани в 1940 г.: «Участок почти в пять акров заполнили одни только пленные итальянские офицеры. . . »³⁸

Еще один вопрос, связанный уже не с филологическим, а с содержательным анализом рассматриваемой строки, касается назначения вырытых при размещении пленных рвов: были ли это оградительные рвы или в них непосредственно поместили самих пленных? По-видимому, само выкапывание *двух* рвов означает, что речь идет о концентрических ограждениях. Если бы пленных поместили во рвах, как в котлованах, то почему их понадобилось именно два? Это было бы неудобно во всех отношениях, в том числе с точки зрения охраны пленных. Напротив, концентрические рвы существенно усиливали эту охрану. Кроме того, при размещении пленных собственно во рвах отмеченная нами выше ассоци-

³⁸Цит. по: К. Хибберт. Бенито Муссолини. М., 1996, с. 179.

ация между их численностью и занимаемой ими площадью едва ли могла бы возникнуть.

- XXVII. *mḥ* — причастие страдательного залога от глагола *mḥ* «наполнять», употребленное в значении адъективного сказуемого при подлежащем-зависимом местоимении *st* и выражающее не столько действие, направленное на это подлежащее, сколько его состояние («наполненность»; cf. EG § 374). Местоимение *st* с формальной точки зрения может обозначать как пленных (передача 3 лица множественного числа зависимым местоимением женского рода единственного числа в собирательном значении; см. комм. 25, EG § 46, 300), так и рвы (переход двойственного числа в новоегипетском языке во множественное и возможность его передачи соответствующими местоимениями, в т. ч., очевидно, и *st* — см. комм. 26 и сноску 30; кроме того, вполне оправдана стилистически возможность неопределенного указания на рвы как на «это», соответствием чему в египетском языке будет как раз единственное число женского рода в собирательном значении), и, наконец, рвы вместе с содержащимися в них (или внутри них) пленными. Большинство исследователей избирает первую или третью интерпретацию, откуда следует, что захваченные пленные были помещены египтянами во рвы и там преданы огню³⁹. Однако судьба пленных, как увидим ниже, была иной. Кроме того, как отмечено в комм. 26, рвы выполняли оградительную роль, которая усиливалась с помощью разведенного внутри них огня. Соответственно, в рассматриваемой строке зависимое местоимение *st* может обозначать только рвы.

- XXVIII. Словосочетание *ḥr:s* может иметь следующие варианты истолкования: (1) «над ними» или «над этим» = рвами (о возможности обозначения рвов с помощью местоимений 3 лица единственного числа женского рода в обобщающем значении см. выше комм. 27). При этом предлог *ḥr* употребляется в своем исходном значении нахождения на поверхности чего-то или над чем-то либо вблизи чего-то (EG § 165.1); (2) «из-за этого» — по причине того, что внутри концентрических рвов были помещены пленные и их надо было охранять. В этом случае предлог *ḥr* приобретает производное от своего исходного значение причинности: «относительно чего-то», «из-за чего-то» (EG § 165.7); собирательное же значение, выраженное местоимением-суффиксом 3 лица единственного числа женского рода *.s* относится не к какому-либо конкретному лицу или предмету, а к описанной ситуации в целом. Учитывая весьма вероятное согласование местоимений *st* в стк. 1307.13 и *.s* в стк. 1307.14, первый вариант истолкования кажется наиболее правдоподобным.

- XXIX. Употребление притяжательной конструкции *ṛ3y*+местоимение суффикс фиксируется в близких к разговорной речи среднеегипетских текстах уже для времени XII династии; однако ее окончательное проникновение в письменную речь от-

³⁹Der Manuelian, *ibid.* (с библиографией).

носится уже к новоегипетскому и позднему времени (EG § 113.1)⁴⁰. В данном тексте эта конструкция представляется еще одной чертой новоегипетского языка, проявившейся в среднеегипетской в целом надписи Аменхотепа II.

XXX. Эта фраза играет ключевую роль в определении судьбы пленнх, превратившуюся в один из излюбленных сюжетов египтологических дискуссий по походу 9-го года. Ряд исследователей в разное время утверждал, что пленные были сожжены. На деле вопрос об участии пленнх полностью решается одним обстоятельством, как будто просмотренным и этими исследователями, и их оппонентами: если пленные были сожжены, то кого же фараону пришлось стеречь всю ночь до утра? Предположение о том, что он охранял рвы, содержащие останки пленнх, было бы совершенно абсурдным, тем более что упоминанием боевого топора текст подчеркнуто рисует ночной дозор фараона как некое боевое свершение. Само сожжение пленнх во рвах также не могло занимать столько времени; вдобавок сообщение об указанном дозоре помещено уже после рассказа о зажжения огня. Таким образом, смысл фразы может заключаться только в том, что фараон всю ночь лично караулил захваченных им пленнх (учитывая их количество, это в самом деле можно было изобразить как достойный описания подвиг), и пресловутый огонь был сторожевым (что, кстати, тематически согласуется с описанием караула фараона сразу после его упоминания).

Теперь, наконец, мы можем обсудить новейшее предложение Х. Гедике, интерпретирующего весь пассаж стк. 1307.12–15 совершенно по-иному, чем все прочие исследователи. С его точки зрения, *šdy* (согласно Urk.IV. 660.15 это слово в любом случае обозначает некое обводное укрепление) — это не «ров», а скорее «укрепление, ограждение, частокол» (*stockage*), и получающиеся «два частокола» — это и есть укрепление Мигдолайн (*resp.* «Две Башни»). Аменхотеп якобы решил осуществлять их восстановление (*irt*) «в их (прежней/должной) форме, *m ḥd.sn*», ибо когда-то ранее они сгорели, о чем, с точки зрения Х. Гедике, и сообщает фраза, упоминающая огонь. Стк. 1307.14 ff. Х. Гедике понимает таким образом, что фараон лично контролировал восстановление укреплений до утра, демонстрируя свою заботу о тщательности работ⁴¹.

Нам представляется, что изложенная интерпретация неприемлема от начала до конца. Основа *šd* и ее производные означают «вынимать», «извлекать», «выемка», «колодещ», «пруд» и т.д.⁴²; *šdīt*, таким образом, может быть лишь чем-то вырытым, но никоим образом не стенами укрепления. Аменхотеп II не стал бы восстанавливать сгоревшее укрепление мятежников и тем более лично надзирать за этим до утра. К тому же Х. Гедике относит пожар к какому-то былому

⁴⁰ Коростовцев, Введение в египетскую филологию, с. 208.

⁴¹ Goedicke, *op. cit.*, p. 147 ff.

⁴² FCD, p. 273 f.

правителем сакральной власти царя Верхнего и Нижнего Египта)⁴⁸. Как устанавливает стела Усирсатета (Urk.IV. 1343.10), «праздник царского воссияния» Аменхотепа II приходился на 1-й день IV-го месяца 3 $\dot{h}t$ ⁴⁹. В то же время надпись Аменемхаба сообщает о смерти Тутмоса III в 30 день III-го месяца *prt* (Urk.IV. 895.16) и об интронизации его сына Аменхотепа II на следующее же утро после смерти его отца (Urk.IV. 896.4–8)⁵⁰, т. е. 1.IV *prt*. Учитывая несовпадение этой последней датировки с днем «праздника царского воссияния» Аменхотепа II, указанным в стеле Усирсатета, можно заключить, что в последнем случае речь идет не об интронизации, а о коронации Аменхотепа II, либо последовавшей через x лет + 8 месяцев после смерти Тутмоса III (заметим, что x может быть равен и нулю), либо предшествовавшей ей и пришедшей на момент провозглашения соправления Аменхотепа II с отцом. Наш текст подкрепляет данные стелы Усирсатета, так как согласно ему празднование «царского воссияния» Аменхотепа II состоялось сразу же после нескольких боевых событий кампании, начатой 25.III 3 $\dot{h}t$. Это идеально соответствует его датировке 1.IV 3 $\dot{h}t$, но исключает любые ее варианты, близкие к дню смерти Тутмоса III (так как последние означали бы, что Аменхотеп воевал в Палестине с 25.III 3 $\dot{h}t$ по 30.III *prt* — четыре месяца подряд, — причем полностью опустил события этого промежутка и в Мемфисской, и в Карнакской надписях, несмотря на всю подробность последних). Соответственно, данные нашего источника служат аргументом против существующего в историографии мнения об ошибочности либо датировки «царского воссияния» Аменхотепа II в стеле Усирсатета, либо даты смерти Тутмоса III у Аменемхаба.

Заметим, что В. Хельк, а вслед за ним и Дер-Мануэлян относят рассматриваемую датировку «день воссияния» к предшествующей фразе о выступлении фараона из Итурина и Мигдолайна утром «на другой день»⁵¹. Однако египетская датировка, синтаксически никак не связанная с предшествующим словом, должна относиться к содержанию последующих фраз и вводить их; так и переводит И. С. Кацнельсон⁵². В самом деле, во фразе о выступлении из Мигдолайна уже есть собственное, весьма развернутое временное указание («после того, как рассвело на другой день»), идущее, как и следовало ожидать, в начале своего предложения; если бы датировка «день воссияния» относилась к рассматриваемой фразе, она, разумеется, примыкала бы к упомянутому

⁴⁸D. B. Redford. *History and Chronology of the Eighteenth Dynasty in Egypt*. Toronto, 1967, p. 1 ff. (I: *Hcy* and its Derivatives). W. Barta. *Thronbesteigung und Kronungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme*. — in: SAK, Bd. 8, 1980, S. 33–53. *Idem*. *Königskronung*. — in: LÄ, Bd. III, Sp. 531 ff. *Idem*. *Thronbesteigung*. — in: LÄ, Bd. VI, Sp. 529–532.

⁴⁹W. Helck, JNES, 1955, vol. 14, pl. 2. Redford, op. cit., p. 26 and n. 59.

⁵⁰Barta, *Thronbesteigung*, Sp. 531.

⁵¹Helck, *Urkunden der 18. Dynastie: Übersetzung...*, S. 40; *Der Manuelian*, op. cit., p. 226.

⁵²Стела Аменхотепа II из Мит-Рахине... с. 73.

временному указанию, а не дублировала его, помещаясь изолированно в конце пассажа. Наконец, выступление фараона из Итурина — Мигдолайна должно было, судя по всему, падать на утро третьего дня похода (27.III 3ht; см. ниже о подневной хронологии похода) и не может датироваться так поздно, как 1.IV 3ht.

XXXV. «Анухарта». Этот пункт предлагали отождествлять с библейским Анахаратом на территории колена Иссахара (Нав. 19:15), располагающимся в районе Назарета и отождествляющимся либо с Тель-эль-Аджул (Ajjul)⁵³, либо с Тель-эль-Мухархаш (Тель-Рекеш)⁵⁴. В пользу этого отождествления говорит как будто территориальная близость Анахарата к прочим поселениям, упомянутым в повествовании о походе 9 года (притом, что все они, как и следовало ожидать по очередности их взятия фараоном, находятся к югу от него); все они размещены, в общем, в долине Изрееля. Правда, новоегипетские источники не упоминают Анахарата. Зато хронологически прямо примыкающий к нашему тексту топонимический перечень Тутмоса III (Urk.IV.783.52.a,b,c) знает некое «Анухарту» (ꜥ-nw-ḥ-r-tw), практически идентичное графически и, вне сомнения, полностью идентичное топонимически «Анухарте» Аменхотепа. Это «Анухарту» Тутмоса упоминается рядом с пунктами, расположенными в районе от верхнего Оронта до истоков Литани (« (...) [51] Шамаш-Эдом (на Оронте в области Катны — И. Л., А. Н.). [52] Анухарту. [53] Апиру Большое. [54] Апиру Малое (повидимому, тождественны будущим хапиру Амурру на горном левобережье верхнего Оронта и истоков Литани — И. Л., А. Н.). [55] Хашабу (Тель-Хашбе у истока Литани — И. Л., А. Н.). [56] Тусульти. (...)), Urk.IV.783.51-56; предшествующие и последующие топонимы относятся к другим областям). Хотя в перечнях такого рода могут встречаться географические транспозиции (попадание топонима одной области в группу топонимов, относящихся к другой, бессистемное перечисление топонимов и др.), подавляющее большинство исследователей склоняется к тому, чтобы, судя по прочим топонимам приведенной группы, локализовать «Анухарту» Тутмоса III в области Кадеша — водораздела Оронта/Литани⁵⁵. Это «Анухарту» — единственный аутентичный топоним египетских источников, который можно сопоставлять с «Анухартой» Аменхотепа. Однако поскольку все прочие действия Аменхотепа в 9-м году осуществлялись в компактном центральнопалестинском районе не севернее Изрееля, и Анухарту Тутмоса оказывается слишком далекой и изолированной от него, в литературе это сопоставление категорически отводится⁵⁶.

⁵³ Helck, Beziehungen... S. 161; Yeivin, op. cit., p. 127-128.

⁵⁴ Aharoni, The Land of the Bible... p. 167.

⁵⁵ Helck, op. cit., S. 130-131.

⁵⁶ Helck, op. cit., S. 161-162; Aharoni, The Land of Bible, p. 168. Этот вывод стал общепринятым (см. обзор: Der Manuelian, op. cit., p. 73-74).

Тем не менее посуточная хронология похода (см. ниже) позволяет заново обратиться к вопросу о локализации Анухарты. Как увидим, все предшествующие захвату Анухарты боевые действия, описанные нашим текстом, уложились в первые два дня похода, а падение Анухарты последовало на седьмой его день (1.IV 3ht = «день воссияния», см. выше, комм. 34). При этом с утра 27.III 3ht и до взятия Анухарты никаких боевых событий, способных его задержать не происходило. Между тем Анахарат находится примерно в 50 км от Ихема⁵⁷, и неясно, на что фараон мог потратить пять-шесть дней, добираясь до него, да еще в условиях боевого затишья. Быть может, большую часть этого времени он стоял на месте? Однако вся кампания 9-го года была начата и продолжалась в исключительной спешке. Об этом свидетельствует и неурочное начало похода в конце сезона 3ht , Половодья (в сер. II тыс. до н.э. этот момент падал на конец осени — крайне неподходящее и необычное время для египетских военных предприятий в Азии, обычно приходящихся на начало предшествующего сезона, Жатвы, ср. ниже), и темпы продвижения фараона, по крайней мере первоначальные (в первый же день похода Аменхотеп прошел минимум 35–40 км от Апека до Ихема, причем успел захватить еще два поселения, лежащие в стороне от этого маршрута), и тот факт, что при Итуруине-Мигдолайне Аменхотеп вырвался вперед, не дожидаясь даже своих основных сил, и опередил их примерно на сутки. Едва ли военные действия, начатые и продолжавшиеся с такой быстротой, были вдруг внезапно остановлены на несколько дней после первого же успеха⁵⁸. Далее, у нас как будто есть и текстологические свидетельства в пользу того, что после захвата Итурина — Мигдолайна движение Аменхотепа не прерывалось. Дело в том, что последняя фраза пассажа об Итуруине — Мигдолайне (1308.2–3) сообщает, что фараон куда-то «выступил» утром (27.III 3ht), а следующая (1308.4–5) говорит уже о падении Анухарты в «день воссияния» (1.IV 3ht). Поскольку, таким образом, начало пропущенного промежутка (27–30.III 3ht) надпись характеризует тем, что фараон куда-то выступил, а конец — падением Анухарты, удобно было бы думать, что на опущенные дни и падало движение к Анухарте, так что они воспринимались как единая операция по овладению этим городом (в рамках которой специально упоминанию, естественно, и подлежало только это овладение). В противном случае, т.е., если у выступления фараона после ночи дозора была какая-то иная цель, было бы странно, что текст так и не упомянул ни ее саму, ни ее достижение.

Итак, можно думать, что после битвы при Итуруине-Мигдолайне Аменхотеп без особого промедления двигался на Анухарту. Какое расстояние он должен был

⁵⁷ Здесь и ниже все расстояния даются по прямой.

⁵⁸ Такую остановку нельзя было бы объяснять и необходимостью дать войскам отдых после полевого сражения (при Итуруине-Мигдолайне): мы видели, что основные силы Аменхотепа вообще не принимали в нем участие и настигли фараона лишь на следующее утро.

бы пройти за время марша? О собственных, исключительно высоких темпах Аменхотепа II в начале кампании 9-го года было сказано только что. Однако и армия Тутмоса III на марше через пустыню до Газы делала около 25 км в день, а нормальным, хотя и напряженным по темпу, дневным переходом даже для тяжеловооруженной пешей армии древности (римской) было 30–35 км. Как видим, даже при нормально скорых маршах продвижение Аменхотепа не могло составлять меньше 25–30 км/день.

Если считать вместе с нами, что 27–30.III/1.IV *ꜥht* фараон не стоял на месте, а продвигался к Анухарту со скоростью ≈ 30 км/день⁵⁹, то последнюю надо будет помещать примерно в 150 км от Ихема, и отождествлять ее с Анахаратом окажется невозможно. Зато крайний южный предел района локализации Анухарту Тутмоса III (область истоков Литани, не дальше линии между Кумиди и Хашабу) удовлетворяет этому требованию⁶⁰. Ход событий после ночи с 26 на 27.III *ꜥht* будет выглядеть тогда следующим образом: разгромив мятежников при Итурине-Мигдолайне одной гвардией и дождавшись подхода своих основных сил, Аменхотеп, чтобы возможно полнее реализовать победу, стремительно двинулся на север, желая занять с ходу как можно большую территорию. Это стремительное и безостановочное движение и довело его до верховьев Литани на пятый день марша (1.IV *ꜥht*)⁶¹.

XXXVI. Обращает на себя внимание богатство Анухарты: только здесь в списке добычи упоминаются предметы из драгоценных металлов, причем речь идет о целых 7 колесницах «золота и серебра». Можно думать, что имеется в виду все-таки золотой и серебряный декор.

XXXVII. В переводе П. Дер-Мануэляна: Then the entire army presented the great and abundant plunder. . . ⁶². Заметим, однако, что, помимо значения «приносить, дарить» (present) глагол *ms* в контексте захвата военной добычи» получает конкретное значение «уносить добычу» (FCD 116 со ссылкой как раз на рассматриваемый фрагмент).

⁵⁹Разумеется, четырехдневный марш такого рода достаточно тяжел. Однако девятидневный марш Тутмоса III по пустыне из Чару в Газу со скоростью 25 км/день был еще тяжелее, не говоря о первом дне самой кампании 9-го года.

⁶⁰Если считать, что в приведенной выше группе топонимов Тутмоса III, включающей Анухарту, выдерживается жесткая географическая последовательность, то она оказалась бы (по порядку упоминаний более северного Шамаш-Эдома и более южного Хашабу) ориентирована с севера на юг. «Анухарту» (второе по счету в группе) попало бы в северную часть всего покрытого названной группой ареала (т.е. в район Кадеша), и достигнуть его за 4 дня марша Аменхотеп бы не мог. Однако ожидать такой четкой географической последовательности от египетских топонимических списков нет никаких оснований (например, 30-е — 40-е топонимы списка Тутмоса III, описывающие Север Палестины, перечисляются внутри этой группы в разных, периодически меняющихся, направлениях, а иногда, по-видимому, и в случайном порядке).

⁶¹Ср. тж. ниже, сноску 90.

⁶²*Der Manuelian*, op. cit., p. 226.

XXXVIII. По-видимому, по причине того, что в данном случае имеются ввиду не только пленные, но и все захваченные материальные ценности, в значении «добыча» на этот раз употреблено слово h^3kt , а не $p^3 h^3k$ (см. комм. 24; Wb. III. 33).

XXXIX. Сочетание знаков в конце данной строки часто воспринималось как единый топоним, читающийся $hw-^skty$ ⁶³. Обоснованием предлагаемого нами перевода служит то, что варианты написания слова h^3w «окрестность» без детерминатива множественности и без «алефа» и детерминатива абстрактного понятия зафиксированы для эпохи Среднего царства, а вариант без «алефа», детерминативов абстрактного понятия и множественности, в составе сложного предлога $m-h^3w-hr$, — для греко-римского времени (cf. Wb. III. 477). Подобное сокращенное написание не кажется невозможным и в надписи Нового царства. Что касается предлагаемой транслитерации топонима как *Mkty*, а не *^skty*, заметим, что передача *m* с помощью знака D38 (рука с круглым хлебом) и переход последнего в D36 (рука) — явление хорошо известное (EG. Signlist. P. 446).

XL. Габа-Сумин, «Гава, город всадников» Иосифа Флавия, совр. Тель эль-Амер при Кармеле, в самом деле располагающийся в округе Мегиддо.

XLI. Об употреблении нисбы *^ru* в качестве эквивалента местоимения-суффикса 3 лица и в сочетании с выражением *^r mltt* см. выше комм. 11 к стк. 1306.7. Исходя из контекста (стк. 1308.12–13), эта нисба может обозначать только правителя Кака.

Подчеркнем, что никаких боевых событий и вообще никаких действий фараона в комментируемой фразе о его нахождении «в окрестностях Мегиддо», в отличие от всех предыдущих пассажей, не упоминается. Характерно, что и никакой добычи здесь не берут. Очевидно, мероприятия в «окрестностях Мегиддо» имели место уже по завершении кампании как таковой и были не особенно существенны. Действительно, наша фраза говорит о смене правителя Габа-Сумина, но даже не упоминает занятия самого этого города (так что не исключено, что фараон и вовсе не заходил туда), что резко контрастирует с прямым описанием взятия даже самых мелких населенных пунктов в предыдущих пассажах. Заметим, что Габа-Сумин, как и все остальные поселения, упомянутые в тексте (исключая Анухарту), давно получили точную или почти точную локализацию (обзор см. там же, P. 69–75). Из нее также видно, что в «окрестностях Мегиддо» / районе Габа-Сумин фараон появился, уже повернув назад, и конечным пунктом его наступления была Анухарта (при любой локализации последней, см. карту⁶⁴).

Все сказанное исключает новейшую гипотезу П. Дер-Мануэляна — А. Мэн-

⁶³ *Helck, Urkunden der 18. Dynastie: Übersetzung...*, S. 40, Anm. 3 (однако В. Хельк предлагает в качестве альтернативного варианта соответствующий нашему пониманию данного топонима перевод 'die Umgebung von Megiddo'); *Der Manuelian*, op. cit., p. 226. Стела Аменхотепа II из Мит-Рахине, с. 73.

⁶⁴ Ср. *Aharani, The Land of Bible*, p. 168.

ли⁶⁵, согласно которой Кака, замещенный правитель Габа-Сумина и был главой всего восстания, вызвавшего поход 9-го года. В качестве единственного основания этой гипотезы авторы приводят тот факт, что этот правитель был единственным азиатом, названным в надписи по имени. Однако незначительность всего эпизода в «окрестностях Мегиддо» — Габа-Сумин с точки зрения самих же египтян, явствующая из характера изложения, перечеркивает это, само по себе веское, соображение. Если бы Кака в самом деле был главой восстания, а Габа-Сумин, тем самым, его центром, его пленение было бы описано гораздо подробнее, а триумфальное описание взятия Габа-Сумина сделалось бы неизбежным. Кроме того, в этом случае Кака, разумеется, не отделался бы одним смещением с поста правителя⁶⁶.

Особому вниманию к Кака, выразившемуся в том, что надпись называет его (и только его) по имени, надо тем самым искать другое объяснение. Обратим внимание на еще одну деталь сходного характера. Ясно, что новых правителей фараону приходилось назначать и во всех предшествующих случаях, после угона или гибели старых. Однако специальное указание на смену правителя присутствует, опять-таки, лишь в пассаже о Габа-Сумине. По нашему мнению, дело здесь заключается в стилистическом контрасте описания основных военнокарательных операций и описания мирных административных мер (тот факт, что применительно к Габа-Сумину речь идет именно и только о последних, был независимо показан выше) в нашем тексте. В первом случае враги обезличены, а соответствующий пассаж завершается описанием их печальной судьбы; упоминание дальнейшего переустройства «замиренной» области лишь ослабило бы впечатление от ее подробно описанного захвата и разгрома. Во втором случае покаранный правитель называется по имени, а переустройство его области описано специально; наоборот, о приходе туда фараона ничего не говорится. Таким образом, пассаж о Кака можно определить как наделенное специфическими стилистическими свойствами «сообщение о мирной/административной деятельности», в противовес предшествующим пассажам сугубо военного содержания и, соответственно, иного стиля. По нашему мнению, рассматриваемый пассаж играет довольно важную роль в литературном построении надписи, так как и стилистически, и содержательно представляет собой «переходное звено» между военными сценами основной части надписи и сугубо мирным триумфальным возвращением Аменхотепа в Мемфис, т.е. задает последовательность перехода от войны к мирному триумфу через административное переустройство. Обозначение такой последовательности и было, очевидно, главной целью составителя

⁶⁵ *Der Manuelian*, op. cit., p. 75; *B. Manley*, loc. cit.

⁶⁶ Надпись специально говорит о смещении Кака, но не оговаривает никаких других репрессивных мер по отношению к нему. Между тем, коль скоро эти меры вообще стали предметом специального описания, ясно, что их должны были назвать полностью. Таким образом, можно с достаточной уверенностью полагать, что более суровая участь, нежели смещение и увод в Египет, Кака не постигла.

надписи, когда он включал в нее пассаж о Кака, сам по себе не имеющий, как видели, особой содержательной ценности.

- XLII. Употребление в данном случае для обозначения добычи словосочетания $p^3 hN^3k$ (Wb. III. 33; см. комм. 24) продиктовано тем, что ниже наиболее подробный перечень с цифровыми данными приводится именно для пленных.
- XLIII. В. Хельк переводит данное слово как *Angehörigen*; П. Дер-Мануэлян, с долей неуверенности, — как *adherents*, транслитерируя его *ʿdt*⁶⁷. Как нам представляется, с помощью знака W8 в данном случае передается слово *ʒbt* (Wb. I. 7. 8: «семья, подданные» — по-видимому, в значении связанного кровным родством коллектива, включающего не только ряд поколений и ветвей родственников, но и людей, находящихся в личной зависимости от него).
- XLIV. См. EG § 113.2 и комм. 11, 41.
- XLV. Местоимение-суффикс *.s*, бесспорно, обозначает пленных. По-видимому, в тексте вновь появляется восприятие их как некой единой массы, обозначаемой с помощью местоимений 3 лица единственного числа женского рода в собирательном значении (ср. стк. 1307.11 и комм. 25).
- XLVI. *mr.tw.f* — довольно необычная относительная форма, согласованная с *Imn-Ra*, действующее лицо которой выражено безличным местоимением *tw*.
- XLVII. Как указывает П. Дер-Мануэлян, «переход от 3-го ко 2-му лицу встречается нередко в контексте отношения царя к божеству» (со ссылкой на KRI I. 8.12, 12.17)⁶⁸. Заметим, однако, что появление местоимения-суффикса 2 лица *.k* в данном фрагменте надписи может быть объяснено и ошибкой в тексте либо его неправильной реставрацией (cf. Urk. IV. 1309. Anm. 'b-c').
- XLVIII. Как видим, Мемфисская надпись приводит колоссальный список добычи и картину триумфального возвращения фараона в Мемфис. Однако, как давно установлено, и этот список⁶⁹, и эта картина перенесены сюда из описания похода 7-го года, к которому они относятся в действительности⁷⁰ (то же самое имеет место в Карнакской надписи, где переносу подверглась даже датировка возвращения фараона в Мемфис, несовместимая на деле с хронологией похода 9-го

⁶⁷ Helck, op. cit., S. 40. *Der Manuelian*, op. cit., p. 226, n. 21.

⁶⁸ *Der Manuelian*, op. cit., p. P.227, n. 22.

⁶⁹ Вероятно, дополнительно преувеличенный (пригнать десятки тысяч пленных из Азии было для египтян едва ли возможно физически). См. обзор дискуссии в: *Der Manuelian*, op. cit., p. 76 f.

⁷⁰ Перечислим выявленные исследователями доказательства этого переноса: в списке пленных за 9-й год значатся люди Нухашше (в Северной Сирии), однако поход 9-го года никоим образом не затрагивал Северной Сирии, в отличие от похода 7-го года, направленного именно туда; поход 7-го года был куда масштабнее похода 9-го года, однако список пленных после первого неестественно меньше списка пленных после второго; в списке пленных после первого похода фигурируют только сыновья, дочери и наложницы «правителей», в списке пленных после второго похода — сами «правители» и их братья; ясно, что это взаимно-комплемментарные части одного общего списка пленных, искусственно разбитого на части, разнесенные по двум разным походам; наконец, аналогичные следы переноса предоставляет Карнакская надпись (см. ниже и сноску 61).

года, зато подходящая для 7-го). При этом часть добычи, все же «оставленная» фараону после описания первого похода, на два порядка уступает части, приписанной в итоге второму. Очевидно, составитель надписи стремился создать впечатление возрастания военных успехов от первой кампании ко второй⁷¹.

XLIX. О свойстве простых предложений в составе сложного, введенных неэнклитической частицей *ist*, выражать значение придаточных предложений времени см. EG § 119.2–3, 214.

L. Показательно употребление по отношению к царям «великих держав» Передней Азии термина власти *wr* (Wb. I. 329. 16), возможно, объяснимое отмеченным авторами «Словаря египетского языка» его соответствием аккадскому *šattu* (id. 18; Belegst. I. 57) — титулу, обладателями которого оказываются все перечисленные в стк. 1309.13 правители. Кроме того, нельзя исключать, что использование в данном случае титула *wr* (по сути дела, даже не «правитель», а «вождь, старейшина»), а не *ḥkꜣ* (Wb. III. 170–171: «правитель» как обозначение лица, владеющего фактической властью, применимое как к иноземным царям, так в принципе и к фараону) в определенной мере понижает статус правителей Передней Азии, делая акцент на их неравноправии по отношению к египетскому царю (см. следующие ниже строки).

LI. *nḥt.tw* — субстантивированная форма *sdm.f* (с субстантивацией, усиленной введением артиклем *pw*) с неопределенным действующим лицом (личным местоимением *tw*), выступающая в качестве прямого дополнения глагола *sdm* в предыдущей строке: букв. «услышали... одержание побед... совершенное [Величеством его]...» Употребление в этом случае неопределенной формы местоименно-суффиксного спряжения кажется необычным, т. к. более естественным было бы выражение субстантивированного действия через инфинитив (сходная с рассматриваемой строкой хорошо известная конструкция, в которой действующее лицо инфинитива так же вводится через форму глагола *ir sdm pw ir(w).n.f /iry*; см. комм. 14 и EG § 392).

⁷¹См. Edel, Die Stelen... S. 167. В Карнакской надписи переносу в итоге второго похода подверглась, однако, в точности та же (незначительная) часть добычи, что была представлена в обеих надписях как результат первого. Очевидно, это дублирование произошло из-за того же недомотра, по которому возвращению из второго похода в Карнаке приписали дату возвращения из первого.

Поскольку эпизод с иноземными посольствами следует за перенесенным из описания первого похода списком добычи, встает вопрос, не было ли и прибытие послов перенесено в результаты второго похода из результатов первого с той же целью демонстрации нарастания египетских успехов? Не говоря об опасности немотивированных эмендаций, следует учесть, что в подобном случае прибытие посольств должна была бы отразить не только Мемфисская, но и Карнакская надпись, еще более механически воспроизводящая итоги первого похода при описании второго. Поскольку эпизода прибытия послов в Карнакской надписи нет, его остается относить к событиям 9–10 годов (думать, что Карнакская надпись попросту опустила картину всеазиатского триумфа фараона как недостаточно значительную, по нашему мнению, не приходится). Кроме того, при заключении египто-митаннийского мира по итогам 7-го года восстание 9-го года в Палестине становилось бы предприятием, изначально безнадежным.

ЛII. По-видимому, в данной фразе личное зависимое местоимение *tw* оказывается подлежащим при сложном именном сказуемом $hk^3 hk^3w m^3y n^3ny$; при этом их прямое примыкание выглядит несколько необычно и, может быть, архаично (для среднеегипетского языка, как известно, типичным было бы оформление предикативной связи между личным местоимением и именным сказуемым в конструкцию «*m* предикации», cf. EG § 38, 116; т. е., в данном случае, $*tw m hk^3 hk^3w m^3y n^3ny$).

ЛIII. Итак, наша (но не Карнакская) надпись завершает повествование о походах 7-го и 9-го годов сообщением о том, что все державы Ближнего Востока, в том числе самое главное из них, Митанни, одновременно присылают к Аменхотепу послов, испрашивая у него мир и «дыхание жизни»^{72,73}. Таким образом, египтяне воспринимали походы 7–9 годов как единую законченную войну, в рамках которой именно поход 9-го года привел к миру, подытожившему 80-летнее египто-митаннийское противоборство в Сирии-Палестине⁷⁴.

⁷²Вероятно, это же (и, во всяком случае, не более позднее) событие отражает выдержка из другой надписи Аменхотепа, сообщающая о прибытии к нему первого за всю историю Египта митаннийского посольства («Вожди Митанни пришли к нему со своей данью на спинах, чтобы молить Его Величество о даровании им дыхания жизни. Необычайное событие! Никогда не было слышно подобное от времени богов! Эта страна, не знавшая Египта, умоляет благого бога». Urk.IV. 1326). Доказательство того, что еще до известного заключения прочного египто-митаннийского мира при Тутмосе IV и Артадаме между Египтом и Митанни уже устанавливались формально некие мирные и дружественные отношения, содержит и Амарнская переписка. Амарнское письмо EA 19:9–10 (Тушратта Митаннийский — Аменхотепу III) гласит: «Во время отцов твоих они были с моими отцами в большой дружбе». Поскольку речь идет об «отцах» (во множественном числе), эта «большая дружба» охватывает по меньшей мере отца и деда каждого из корреспондентов, т.е. Шуттарну II и Артадаму I с митаннийской стороны, и Тутмоса IV и Аменхотепа II — с египетской. А поскольку Тутмос III с Митанни заведомо не мирился (что видно из всего облика его правления и прямо доказывается только что процитированной египетской декларацией о том, что появление митаннийских послов при Аменхотепе не имело прецедентов), остается считать, что именно Аменхотеп II первым и установил формальный мир с Митанни. Впоследствии, как известно, Тутмос IV вновь воевал с «Нахариной»-Митанни и должен был заново мириться с ним; именно поэтому Амарнская переписка, прослеживая конкретные прецеденты митано-египетской дружбы, не поднимается далее Тутмоса IV (EA 24, EA 29 и др.), и о первоначальном заключении этой дружбы при Аменхотепе II можно судить только по общей формулировке EA 19:9–10.

⁷³Тот факт, что Карнакская надпись эпизода с посольствами великих держав не упоминает, означает, скорее всего, что она была составлена почти сразу по окончании похода, а Мемфисская — позднее, когда посольства уже прибыли в Египет и их дипломатические результаты были уже достигнуты.

⁷⁴Незначительный масштаб военных действий 9-го года, едва ли способный устроить соседей Египта, и якобы «свободное» подключение пассажа о прибытии послов к повествованию о походе 9-го года дают повод некоторым исследователям отрицать причинную и хронологическую связь между походом и посольствами (Edel, op. cit., S. 173; Kuehne, op. cit., S. 222) и преуменьшать значение самих посольств. Однако помещенная сразу после описания похода 9-го года и вводящая прибытие посольств фраза «[Когда] воистину/вот услышали (такие-то правители...) о великом одержании победы, совершенном царем» прямо выводит дипломатическую инициативу названных правителей из резонанса похода 9-го года и исключает тезис о «свободной» связи рассматриваемого пассажа с основной частью стелы. Кроме того, Мемфисская надпись посвящена именно войне 7–9-го годов, и включение в нее сразу после описания второго похода эпизода с прибытием посольств (притом, что ни о каких дальнейших событиях не

ОБЩИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ВЫВОДЫ.

Композиционно изложение событий похода 9-го года в Мемфисской надписи выглядит следующим образом. Сначала вводится датировка — 25.3 3^ht, затем следует подробное описание боевых действий фараона (прием изъявления покорности Апека, захват Мопасина и Хатичана при движении к Ихему и, наконец, овладение последним), такое же подробное описание его ночлега (хотя никаких военных событий здесь не происходит), затем, после констатации наступления утра, описана экспедиция фараона к Итуруину — Мигдолайну, данное там сражение и его трофеи; затем снова следует описание ночлега фараона и констатируется его отбытие в путь на следующее утро (куда — не указано). Затем вводится новая датировка — день коронации фараона, отстоящая от начальной на семь дней, и указывается, что в этот день была взята Анухарта. На этом описание боевых свершений фараона (т.е. поход как таковой) и заканчивается⁷⁵; к изображенным в надписи действительным итогам похода относятся лишь эпизод в окрестностях Мегиддо и прибытие посольств (помещенные здесь же описание возвращения фараона в Мемфис и перечень добычи, как мы помним, перенесены сюда из сообщения о походе 7-го года).

Здесь мы хотели бы категорически отвести практически общепринятый тезис о т.н. «селективности» нашего текста (по аналогии с анналами Тутмоса III), согласно которому кампания 9 года могла включать и другие, не представленные в нем эпизоды. В действительности на семь дней похода надпись упоминает семь пунктов, занятых фараоном, причем почти все это мелкие поселения. Таким образом, приходится говорить не о селективности, а, наоборот, о чрезвычайно детальном следовании текста событиям. Если бы на фоне столь подробного приведения даже малозначительных успехов в надписи оказались пропущены более существенные факты, речь шла бы уже не просто о селективности, но о совершенно бессистемном и неадекватном отборе материала, что противоречит самой сути парадной царской надписи. Также нельзя думать, что надпись стала бы опускать какие-либо боевые операции на том

сообщается и рассматриваемый эпизод оказывается заключительным ко всему тексту) может означать лишь, что это прибытие считалось непосредственным результатом и главным итогом самого похода. Датировать визит послов надо, таким образом, весной-летом 10-го года Аменхотепа.

Если понимать текст рассматриваемого пассажа дословно, то с данью в Египет прибывают сами правители великих держав. Поскольку такая ситуация вполне вероятна (единственный пример такого рода — визит Хаттусилиса III к Рамсесу II, но он уникален со всех точек зрения), весь пассаж иногда объявляют пропагандистским вымыслом (*Edel, Die Stelen...*, S. 173; ср. обзор дискуссии в: *Der Manuelian*, op. cit., p. 77–78). Однако прибегать к таким ухищрениям нет нужды: разумеется, правители великих держав «соревновались» друг с другом в принесении даров и т.д. через своих послов. Понимать иначе выражения Мемфисской надписи допустимо не в большей степени, чем выводить из рядовой фразы «правитель N построил крепость N» тот факт, что он построил ее собственными руками. Отрицать факт прибытия посольств не приходится и потому, что для Митанни, например, формальное заключение мира с Аменхотепом надежно документируется независимо (см. выше, сноску 62).

⁷⁵Напомним, что в окрестностях Мегиддо и Габа-Сумине никаких боевых действий не происходит, и фараон появляется здесь, по сути, на обратном пути.

основании, что они оказались неудачными для египтян. Случись такое на деле, источник, по новоегипетскому обыкновению, непременно упомянул бы соответствующее сражение, представив его как победу⁷⁶. Итак, можно с уверенностью считать, что все сколько-нибудь значительные события похода Мемфисская надпись отразила, и историческая репрезентативность ее крайне велика.

Реконструкция посуточной хронологии похода.

Каждая из пар Мопасин — Хатичан и Итурин — Мигдолайн синтаксически подчеркнуто представлена в тексте как объект одного-единственного действия фараона⁷⁷; при этом первые два поселения берутся по пути к Ихему. Таким образом, текст как будто разбивает весь поход 9 года на три отдельных операции: по овладению Ихемом (с попутным разграблением Мопасина и Хатичана), по разгрому врагов при Итурине-Мигдолайне и по взятию Анухарты. То же самое следует из распределения констатаций захвата фараоном добычи: всего в тексте их три, причем одна подытоживает взятие Ихема, вторая — Итурина и Мигдолайна и третья — Анухарты.

Как распределяются эти операции по семи дням похода? Прежде всего надо подчеркнуть, что подробное изложение событий в сткк.1305.18–1308.3, периодически прерывающееся специальным рассказом о ночевках (причем всякий раз констатируется наступление следующего утра), может создать только впечатление непрерывного посуточного описания⁷⁸. Тогда вся Ихемская операция занимает первый день похода, Итуринско-Мигдолайнская — второй⁷⁹, затем надпись вовсе пропускает четыре дня (ср. описание всего двух из шести ночевок) и вновь описывает седьмой день (падение Анухарты). Только при такой интерпретации становятся понятными и естественными все особенности изложения: и отсутствие датировок при описании ночлегов фараона и его боевых действий в первые дни похода⁸⁰, и завершающая это описание констатация выступления фараона без указания его цели⁸¹, и прямое введение новой датировки

⁷⁶Как это сделал Тутмос III со своими кампаниями 35-го и 42-го года, Харемхаб — со своей хеттской войной, Рамсес II — с битвой при Кадеше, и, как увидим, сам Аменхотеп II — с войной 7–9 годов в целом.

⁷⁷«Мопасин ꜥꜥꜥ Хатичан» (к тому же прямо сведенные воедино как «два города»), «Итурин ꜥꜥꜥ Мигдолайн».

⁷⁸Вторая ночь во всяком случае следует прямо за днем падением Мигдолайна, — поскольку в течение ее фараон должен караулить взятых там пленных, дожидаясь подхода своих войск.

⁷⁹В самом деле, в тексте, столь подробно, что даже ночлег фараона описывается несколькими фразами, упоминание захвата нескольких поселений в одной фразе с одним сказуемым должно означать, что они пали в течение одного дня. Тогда захват Мопасина — Хатичана уложился в одни сутки, как и позднейшее занятие Итурина — Мигдолайна.

⁸⁰Поскольку после введения начальной даты изложение ведется непрерывно и каждая смена дня и ночи оговаривается, датировка соответствующих событий становится очевидной и необходимость специально оговаривать ее отпадает.

⁸¹Так как именно здесь надпись перестает излагать события подряд.

перед описанием последнего дня боев^{82, 83}

Чем мог быть вызван пропуск предпоследних четырех дней похода? Учитывая исключительную подробность передачи событий в нашем тексте, остается думать, что в эти четыре дня просто не происходило никаких боевых событий. Выше (комм. 35) было показано, что на это время падало, вернее всего, движение к Анухарту.

Итак, хронологически поход 9 года должен быть представлен следующим образом:
25.III *ꜥḥt* — изъявление покорности Апеком, вступление в Ихем с попутным захватом Мопасина и Хатичана;

26.III *ꜥḥt* — сражение под Итуруином — Мигдолайном и их захват;

27.III *ꜥḥt*, утро — выступление фараона (к Анухарту?)

27.III-1.IV *ꜥḥt* — движение к Анухарту? Отсутствие достойных упоминания боевых событий (в частности, каких бы то ни было осад).

1.IV *ꜥḥt* — захват Анухарты (с ходу, см. выше).

Общий характер и ход кампании.

Все боевые события 25–26.III *ꜥḥt* (т.е. первые две операции) тесно связаны с Ихемом: первая операция нацелена именно него (фараон выступает из Апека на Ихем), вторая состоялась, судя по локализации Мигдолайна, в непосредственной близости от города. Район Ихема, очевидно, был крупнейшим центром антиегипетской напряженности в кампании 9-го года. Сугубо карательный характер последней не подлежит сомнению: охваченные ей области лежат глубоко в тылу египетских действий двухлетней давности, так что местные враги фараона могли быть только мятежниками. Этому соответствует и характер действий самого Аменхотепа, систематически депортирующего правителей занятых поселений (что резко контрастирует с его поведением в завоевательном походе 7-го года, где он так же систематически принимал «мир» у сирийских князьков). Далее, обращают на себя внимание незначительные масштабы похода: географически он охватывает (за вероятным исключением Анухарты) несколько центральнопалестинских городков, хронологически уложился в неделю, общее количество убитых и пленных, перечисленных при подведении итогов отдельных операций кампании, измеряется сотнями. Уже эти цифры показывают, что Аменхотеп встретил только местное и не особенно значительное по масштабам сопротивление. Наконец, можно говорить о явном и быстром затухании военных действий: в ходе первой операции было занято 4 поселения, во второй — 2, в третьей — 1; во второй операции добыча фараона составила 372 руки, 324 пленных (не считая женщин и детей) и 54 колесницы, в третьей — уже 123 руки, 91 пленного и всего 7 колесниц.

⁸²Поскольку с пропуском предыдущих дней непрерывная последовательность изложения нарушилась, и без специального указания даты установить ее было бы невозможно.

⁸³Перечисленные соображения заставляют отвести общепринятую хронологическую схему В. Хелька — П. Дер-Мануэляна, произвольно распределяющих взятия всех упомянутых в тексте поселений по одному на каждый день похода (*Helck, Die Beziehungen...*, S. 161; *Der Manuelian, op. cit.*, p. 73).

Карнакская надпись вообще описывает только первую, Ихемскую операцию, очевидно, считая ее главной во всей кампании⁸⁴.

Неудивительно, что поход 9-го года почти единогласно считается в литературе незначительной акцией по подавлению локального мятежа⁸⁵. Два обстоятельства, однако, заставляют пересмотреть эту точку зрения. Как заметил еще Й. Ахарони, поход начался поздней осенью, в явно неурочное и неудобное для египетских действий в Азии время года⁸⁶. Очевидно, какая-то угроза заставила Аменхотепа реагировать незамедлительно, не дожидаясь наступления нужного сезона. Едва ли нелояльность нескольких поселений Центральной Палестины могла представить такую угрозу. Далее, локальное восстание изолированного палестинского анклава, лежащего далеко к

⁸⁴Тот факт, что единственное полевое сражение (при Итурине — Мигдолайне) осталось в Карнакской надписи не освещено вообще, объясняется, вероятно, тем, что сам Аменхотеп не придавал ему решающего значения; в самом деле, ведь и Мемфисская надпись лишь намекает на это сражение, но не описывает его прямо. Обращает на себя внимание и систематическое уклонение фараона от основного маршрута своего наступления на запад, в прибрежную долину Шарона (выявляющееся, конечно, лишь при общепринятой локализации соответствующих топонимов, впрочем, вполне убедительной). Двигаясь от Апека на Ихем, он совершает рейд к западу от Сохо, по пути от Ихема на Анахарат захватывает Итурин и Мигдолайн к северо-западу от Ихема. Если добавить, что именно при Итурине — Мигдолайне фараон встретился с главными (или, во всяком случае, наиболее крупными) силами мятежников, и что именно в долине Шарона двумя годами раньше пытались интриговать митаннийцы (см. ниже), можно будет заключить, что основным очагом восстания был именно прибрежный, частично заболоченный Шарон (подобные природные условия могли только благоприятствовать роли Шарона как центра восстания). Тогда можно будет легко объяснить и концентрацию Карнакской надписи исключительно на «ихемской операции», и относительно небольшое внимание Мемфисской надписи к сражению на следующий день: именно в рамках «ихемской операции», т.е., в первый день похода, Аменхотеп прошел большую часть Шарона. Таким образом, с территориальной и стратегической точки зрения Ихемская операция действительно оказывается главной; на следующий день Аменхотепу оставалось только добить стянувшиеся в северной части Шарона (может быть, загнанные туда его наступлением с юга?) ополчения повстанцев. В самом деле, список добычи при Итурине-Мигдолайне, пожалуй, слишком велик для того, чтобы считать, что фараон столкнулся здесь с представителями лишь этих двух селений.

Овладение главным районом повстанческой активности (и Ихемом — крупнейшим городом в этом районе), естественно, казалось Аменхотепу главным и определяющим событием по сравнению с уничтожением живой силы врага вблизи того же Ихема, уже занятого египтянами накануне.

⁸⁵Так, например, в: D. B. Redford. *Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times*. Princeton, 1992; C. Ahlstrom. *The History of Ancient Palestine from the Palaeolithic Period to Alexander's Conquest*. L., 1993; Helck, *Die Beziehungen...*; H. Klengel. *Syria: 3000 to 300 B. C.*; a Handbook of Political History. B., 1992; *Der Manuelian*, op. cit., p. 69 и специально Spalinger, op. cit., p. 101. Однако упоминание Митанни («Нахарини») и митаннийцев в Карнакском и Мемфисском описаниях похода 9 года показывает лишь то, что прямо с митаннийцами Аменхотеп в нем не сталкивался, но вовсе не исключает их участия в событиях, вызвавших сам поход, или оставшихся за рамками текста, ср. ниже.

⁸⁶В конце Половодья вместо рубежа Всходов/Жатвы, когда египтяне обычно начинали походы в Азию. См. Aharoni, *The Land of Bible*, p. 168. Иногда предполагают, что Аменхотеп заранее предвидел непродолжительность своего похода и поэтому счел возможным отложить его на столь позднее время (См. Edel, op. cit., S. 156; Wilson, op. cit., p. 246, n. 33; *Der Manuelian*, op. cit., p. 69). Однако остается совершенно неясным, почему даже короткую кампанию нужно начинать в неудобное время. Кроме того, едва ли Аменхотеп вообще собирался бы в Азию ради одной недели боевых действий.

югу от египетских границ в Азии, было бы для его участников очевидным и гарантированным самоубийством. Предполагать такой ход событий, по нашему мнению, невозможно. Центральная Палестина могла поднять антиегипетский мятеж лишь в том случае, если бы одновременно восстали все области к северу от нее⁸⁷. В свою очередь, по условиям времени за таким мятежом могло стоять только Митанни. В самом деле, как многократно отмечалось исследователями в этой связи, еще в походе 7-го года Аменхотеп пленил митаннийского посланца с «письмом на глиняной таблице» в той самой долине Шарона, где ему пришлось подавлять мятеж в 9-м. Таким образом, Митанни действительно пыталось организовать всеобщее восстание Египетской Азии вплоть до Центральной Палестины⁸⁸ в 7-м году. Остается считать, что ему удалось, наконец, привести это замысел в исполнение летом 9-го года. Такое событие действительно послужило бы достаточным основанием для немедленного появления Аменхотепа в Азии, независимо от сезона.

Исторический контекст и итоги кампании.

Пересмотр причин похода 9-го года заставляет заново взглянуть и на другие его обстоятельства. Необычайная краткость кампании будет означать не исходную ограниченность ее задач, но то, что этих задач она не выполнила и почти немедленно захлебнулась. Внезапное окончание похода в Анухарте, притом что на пути туда Аменхотеп не встретил сколько-нибудь серьезного сопротивления, остается объяснять тем, что основные силы его противников поджидали его севернее (при нашей локализации Анухарты — в долине Оронта⁸⁹), и он не рассчитывал справиться с ними. Одновременно это объясняет нам неупоминание митаннийцев (и вообще каких-либо серьезных противников) в описаниях похода 9-го года, охвативших, разумеется, лишь театр реальных боевых действий фараона: египтяне просто не вступили в прямой бой с Митанни. Прекращение египетского наступления в Анухарте независимо от ее локализации означает, что большая часть отпавших египетских владений так и не была возвращена египтянами⁹⁰. Кампания 9-го года, а следовательно, и вся большая ази-

⁸⁷В своем время В. И. Авдиев (ук. соч., с. 160) предполагал участие сирийских княжеств в событиях 9-го года, однако лишь на основании помешенного после описания похода 9-го года списка пленных, включающего нухашейцев из Северной Сирии. В действительности, как мы помним, этот список относится к походу 7-го года.

⁸⁸В условиях египто-митаннийской войны посланец, пленный Аменхотепом, мог быть только подстрекателем антиегипетского мятежа; между тем поднимать локальный мятеж в Палестине не имело бы для Митанни никакого смысла. Речь идет, таким образом, именно о подготовке всеобщего восстания.

⁸⁹В самом деле, именно область Кадеша служила постоянным центром притяжения и сосредоточения антиегипетских сил (включая хеттов и митаннийцев) на протяжении азиатских войн XVIII — XIX династий.

⁹⁰При нашей локализации Анухарты рубеж, достигнутый Аменхотепом, примерно совпадает с египетской границей по состоянию на 42-й год Тутмоса III — 6-й год Аменхотепа. Очевидно, в 9-м году фараон стремился восстановить положение, существовавшее до начатой им на 7-м году войны, но отказался от продемонстрировавших свою эфемерность завоеваний предшествующей кампании и показал свою готовность вернуться к довоенному положению дел. При общепринятой локализации Анухарты окажется, что Аменхотеп примирился (без боя!) и с утратой Северной Палестины, что едва ли вероятно.

атская война 7–9 годов, окончилась крупным провалом (и именно его должен был тем самым оформлять мир 10-го года!)⁹¹. Сам текст Мемфисской и Карнакской надписей содержит косвенное указание на факт такого провала. Речь идет о перенесении списка добычи и картины триумфального возвращения фараона в Египет из описания успешного похода 7-го года в конец рассказа о походе года 9-го. Очевидно, единственной причиной такого перенесения могло быть стремление скрыть и «закрасить» некую реальную и существенную неудачу в 9-м году. Далее, неужели фараон покинул Египет ради семидневной военной акции? Необычайная краткость кампании, как и ее внезапное прекращение без видимых причин скорее наводит на мысль, что она была преждевременно оборвана некими неблагоприятными для египтян обстоятельствами⁹². Наконец, прямое подтверждение нашей интерпретации итогов войны 7–9 гг. обнаруживается в надписи из гробницы Кенамона, сановника Аменхотепа II. Под изображением колесницы Аменхотепа там значится: «Боевая колесница Его Величества (...), дерево на которую привезли из Страны Бога (что) в (т) чужеземной стране Нахарина»⁹³. Поскольку Страна Бога — это кедровые горы Ливана⁹⁴, из приведенной фразы следует, что в какой-то момент при Аменхотепе II⁹⁵ горы Ливана признавались собственностью «Нахарины»-Митанни⁹⁶. Это полностью согласуется

⁹¹Й. Ахарони предполагал даже прямое столкновение египтян и митаннийцев, положившее конец кампании 9-го года (*The Land of the Bible...*, p. 168 f.). Однако, как упоминалось, мы не вправе домысливать сколько-нибудь существенные события сверх указанных в Мемфисской надписи, что и перечеркивает гипотезу Й. Ахарони. Более подробно критику ее деталей см. в: *Der Manuelian*, op. cit., p. 90–91.

⁹²Например, сосредоточением митаннийцев в Кадеше, где они останавливались при вторжении с севера ефы в 42-м году Тутмоса. В этом случае естественным рубежом продвижения Аменхотепа II до начала сферы реального военного присутствия Митанни были бы как раз верховья Литани.

⁹³Urk.IV. 1393:9. Возможен еще перевод: «из Страны Бога, из чужеземной страны Нахарина». В обоих случаях Страна Бога оказывается частью Нахарины.

⁹⁴*Helck*, *Die Beziehungen...*, S. 272–273; ср.: у хеттов «гора Ливан» считалась божественным существом (loc. cit.).

⁹⁵Заметим, не обязательно совпадающий со временем оформления гробницы.

⁹⁶Правда, при Рамсесе II термин «Нахарина» мог употребляться как чисто географический, и в этом качестве покрывал, например, Тунип, лежащий, кстати, недалеко от Ливанских гор (как видно из выражения «Тунип в стране Нахарина» (см. *C. Vandersleyen. La localisation du Naharina*. — in: *Orientalia Lovanensia Periodica*, 1994, vol. 25). (Понимается, в географические рамки «Нахарины» могли включаться только земли, принадлежавшие когда-то державе «Нахарина», и определявшиеся в глазах египтян этим обстоятельством, — т.е., по всей вероятности, земли, входившие в «Нахарину» на момент ее первого контакта / столкновения с Египтом). Однако такое, чисто географическое словоупотребление было возможно при Рамсесе II, когда политическое могущество Митанни и само это имя давно ушли в прошлое и «Нахарина» в политическом смысле слова (как всехурритская империя Митанни, включавшая области и к западу от Евфрата, в частности, как видно из приведенного выражения, тот же Тунип) уже не существовала. Однако в источнике времен Аменхотепа II, когда «Нахарина» была именно такой империей, ведущей к тому же с Египтом жестокую войну за обладание Сирией-Палестиной, термин «Нахарина» мог употребляться исключительно (или в первую очередь) в прямом, политическом смысле слова, определяющемся состоянием границ «Нахарины» как политического образования на момент речи. Относить к «Нахарине» неподвластные ей области означало бы одновременно нарушать этот смысл и

с нашей реконструкцией египто-митаннийской границы после войны 7–9-го годов Аменхотепа. Более того, ни в какое другое время помещать описанную ситуацию, по-видимому, и нельзя, так как до 7-года Аменхотеп должен был удерживать границы 42-го года Тутмоса III, включавшие Ливан⁹⁷, а в 7-м году только расширил их. Тогда само по себе сопоставление данных надписи Кенамона с рубежами, достигнутыми Аменхотепом в 7-м году, будет говорить о тяжелом поражении и территориальных потерях Египта после этой даты.

Как совместить такой исход кампании 9-го года с последовавшими за ней по Мемфисской надписи посольствами великих держав и египто-митаннийским миром?⁹⁸ По

признавать претензии державы «Нахарина» на не доставшиеся ей (т.е., оставшиеся за Египтом) территории. Для надписи в гробнице египетского сановника это, разумеется, невозможно; с равным вероятием мы могли бы ожидать выражений «Силезия, немецкая область» или «Кенигсберг, что в Германии» в советских послевоенных документах применительно к послевоенной же эпохе. Таким образом, выражения рассматриваемого источника времени Аменхотепа означают, что Страна Бога не была подвластна египтянам и принадлежала державе «Нахарина».

⁹⁷Поход 42-го года оставил в руках Египта Тунип и по крайней мере часть области Кадеша — а значит, и все Ливанские горы.

⁹⁸Незначительные результаты похода 9-го года даже при самой оптимистической его оценке (как успешной карательной акции локального масштаба) побудили ряд исследователей объяснять поведение Митанни внезапным усилением хеттов. По хеттским источникам известно, что около третьей четверти XV в. Тудхалиас II восстановил хеттское великодержавие, после стапятидесятилетнего перерыва вторгся в Сирию, отобрал у Митанни Халап и некоторое время удерживал его. Д. Редфорд и К. Кюне предлагают гипотетически синхронизировать эти события со временем азиатских войн Аменхотепа II; в этом случае готовность Митанни пойти на мир с Египтом легко объяснялось бы его страхом перед третьей державой и угрозой войны на два фронта (С. Kuehne *Politische Szenerie und internationale Beziehungen. Vorderasiens um die Mitte des 2. Jahrtausends vor Chr.* — in: *Mesopotamien und seinen Nachbarn*, Bd. 2., В., 1982, S. 214, 219, 222; *Redford*, op. cit., p. 164–165). Однако имеем: с 22 по 42 годы своего правления Тутмос III непрерывно воюет с Митанни за господство над Сирией (в частности, Северной); в 7 году правления Аменхотепа митаннийские агенты интригуют вплоть до Палестины; после 9 года Аменхотепа над уменьшившийся Египетской Азией с севера нависают митаннийцы, контролирующие Ливан; в конце правления Аменхотепа, как будет показано в своем месте, он ведет ожесточенную войну в Северной Сирии и громит Халап (предполагать, что он воюет здесь с хеттами, а не митаннийцами — традиционным врагом XVIII династии в Азии — было бы неосторожно); Тутмос IV в начале своего правления вновь воюет с Митанни в северной Сирии. Во всех египетских памятниках соответствующего времени постоянным северным соседом и врагом египтян в Азии оказывается «Нахарина»-Митанни, но никак не хетты, практически вовсе не упоминающиеся в египетских источниках XV в., исключая три эпизодических случая присылки даров (два — при Тутмосе III, третий описывается как раз в Мемфисской надписи). Для египтян XV в. хетты — не участники той борьбы за Сирию, в которую вовлечен сам Египет (таким участником, кроме Египта, является одно Митанни), а отдаленный народ за северной гранью египетского мира (которая в XV в., опять-таки, ассоциируется у египтян исключительно с «Нахариной»). Предполагать активность хеттов в Сирии для тех самых периодов, когда там развертывалось египто-митаннийское противоборство при таком сравнительном отражении Митанни и хеттов в египетских источниках, по нашему мнению, невозможно. Вторжения хеттов в Сирию надо, стало быть, датировать теми историческими паузами, когда она переставала быть ареной египетской активности. Только тогда хеттская экспансия в Сирию не приводила бы к интенсивному хетто-египетскому взаимодействию. Тогда сирийские успехи Тудхалиаса II лучше всего было бы помещать на последнее десятилетие Тутмоса III (и не этими ли успехами, на время отвлекшими Митанни от Египта, объяс-

нашему мнению, никакого противоречия здесь нет: стимулировать египто-митаннийское примирение мог равным образом и крупный египетский триумф (как пытается убедить нас Мемфисская надпись), и крупная египетская неудача (как, по-видимому, было в действительности). Результаты похода 9-го года как нельзя лучше подходили бы в качестве такого стимула для обеих сторон. Египтяне, после сорока лет ожесточенных войн, неоднократно выводивших их в Сирию, и недавних успехов 7-го года Аменхотепа, оказались вновь отброшены в Палестину, понесли тяжелые (при южной локализации Анухарты — беспрецедентные со времен Хатшепсут) территориальные потери и впервые не решились двинуться против главных центров противника, чтобы вернуть утраченное силой. С другой стороны, и Митанни не способно было закрепить в Палестине, что лишний раз подтвердила сама кампания 9-го года, в Палестине как раз восстановившая египетскую власть. В итоге событий 9-го года границей между сферами власти Египта и Митанни оказался, по-видимому, горный массив Ливана/Антиливана, и преодолеть его со сколько-нибудь прочными результатами не было надежды ни у одной из сторон. Первым это, очевидно, осознал Аменхотеп, и именно поэтому без решительного боя повернул назад, не пытаясь перейти названной границы. Трезво оценив ситуацию, Митанни пришло к тем же выводам и направило в Египет послов с мирными предложениями; узнав об этом и впервые получив надежду на то, что Восточное Средиземноморье из арены непрерывных войн превратится в связующее с Египтом звено, Хатти и Вавилония не пожелали терять времени и также отправили своих послов в Египет, так что их прибытия действительно могли сливаться для египтян в единую картину всеазиатского триумфа Аменхотепа. Такая реконструкция позволит примирить дипломатический результат похода 9-го года с его военными результатами.

SUMMARY

THE MEMPHIS STELA OF AMENHOTEP II ABOUT HIS "SECOND VICTORIOUS CAMPAIGN"

In the article is given a new translation (with commentaries) of the Memphis stela and are reconstructed the events of the campaign dating from the 9th regnal year of Amenophis II. According to the authors, the campaign was caused by a rebellion in Central Palestine inspired by Mitannians. The unusual brevity of the campaign, its sudden cessation without any visible reasons show that the Egyptians have been thrown back in the Palestine

ияется спокойствие названного десятилетия для египтян? И до, и после того Митанни систематически оспаривало власть египтян над удерживаемыми ими районами Сирии — Палестины), а следующее хеттское вторжение в Сирию при Хаттусилесе II — около рубежа правлений Тутмоса IV — Аменхотепа III. Хронологически то и другое вполне удобно. Учитывая все сказанное, без специальных доказательств связывать исход войны 7–9 годов Аменхотепа II со вступлением хеттов как третьего игрока в борьбу великих держав в Сирии кажется нам неразумным.

without even fighting with their main enemy, the Mitannians. On the other hand, the Mitannians themselves had no forces to pursue the army of the Pharaoh. The situation resulted in compromise, the massive of Lebanon became the border between two states and the ambassadors of Mitanny, Khatti and Babylon arrived in Egypt in order to discuss and fix the corresponding decisions.

Д. Н. ЛЕЛЮХИН

(Москва)

НАДПИСЬ ЦАРЯ КАДАМБОВ РАВИВАРМАНА ИЗ ГУДНАПУРЫ. (ПЕРЕВОД И ИССЛЕДОВАНИЕ)

Большая надпись одного из известнейших царей династии Кадамбов, Равивармана¹, выгравированная на четырехгранной колонне, посвященная фиксации дарений святилищу Камы, построенному им же, найдена относительно недавно в местечке Гуднапура, 5 километров к северо-западу от Банаваши, предполагаемой знаменитой столицы Кадамбов и впервые опубликована в 1973 году.² Она представляет, на наш взгляд исключительный интерес для исследователей со многих точек зрения. Это послужило для нас основанием, чтобы предложить в настоящей статье ее перевод, тем более, что единственный известный перевод этого памятника на английский³, крайне неполон и неточен.

Надпись состоит из 27 строк и сопоставима по объему с иной, более известной надписью Кадамбов из Талагунды. Сохранность самого текста, к сожалению не везде одинакова, особенно в его начале и конце. Первая ее часть (строки 1–16), где излагается генеалогия Кадамбов и сообщение о постройке святилища Манматхи

¹ Датировка правления Равивармана определяется историками по разному. С. Moraes датировал его правление 497–537 гг., М. С. Pai — 353–397, N. L. Rao и R. S. Pancharukhi — началом VI в., B. L. Copal — 485–519, (цит. по B. Copal, Corpus of Kadamba Inscriptions, Sirsi, 1985, p. XXV–XXX), C. S. Cai — 465–500. По нашему мнению можно довольно уверенно датировать его правление концом V века.

² Śrīkaṇṭhikā, Prof. S. Sritkantha Sastri's felicitation volume, Mysore, 1973. Позже, автор этой первой публикации включил ее в свой «Корпус надписей Кадамбов» (B. R. Copal, Corpus of Kadamba Inscriptions, Sirsi, 1985), страдающий многочисленными, в том числе типографскими ошибками. И, наконец, она была издана известным индийским эпиграфистом С. Гаем (C. S. Cai, Inscriptions of the Kadambas. Delhi, 1996).

³ B. R. Copal, Corpus of Kadamba Inscriptions, Sirsi, 1985, p. 87–91.

(Камы) — стихотворная (всего 30 стихов — в переводе каждый стих начинается с нового абзаца), вторая (строки 17–27), где сообщаются детали царских дарений земли святилищу — прозаическая. Часть текста (строки 23–27), значительно повреждена и поэтому смысл текста восстанавливается не полностью.

Перевод надписи из Гуднапуры.

1. Победа Манматхе⁴, (покровителю) любимых жен ..... (обладающему) темными руками (покрытыми) мозолями от тетивы!
2. Был рожден в готре Манава сын Харити дваждырожденный Вирашарман — так (говорят), знаток всех Вед, (который) сделал..... (своим) жилищем. ....тот лучший из дваждырожденных, поэтому его семья по имени Кадамба была (известна) на земле, (освещенной) сиянием диска солнца (его могущества).
3. Затем (был рожден) старший любимый родной сын Вирашармана Бандхушена, окроплявший водой (своих) достоинств корни и ползучие побеги образа жизни кшатрия⁵.

Сын его, искусный в знании Вед и веданг, был царь Маюраварман, находящийся единственное удовольствие в доблести, тело его было отмечено благоприятными признаками.

4. Он был помазан на царство военачальником 30 (богов)⁶,.....единственным другом..... свежим, (как) лотос-амбходжайони, раскрывающийся под пение хора (подобных) пчелам возлюбленных.

Царь (этот) обладавший длинными руками (по силе подобным) кольцам царя змей⁷, правил землями достигнутыми его друзьями; родной сын его (был) Кангаварман, постоянный разрушитель составных частей⁸ царств (своих) врагов.

5. Сын его был царь по имени Бхагиратха..... желанный, обладавший правдивостью, мужеством, спокойствием, знанием (и) мастерством.

Сыном божественного Бхагиратхи был Рагху, непобедимый для царей, (блеставший) в сражениях с войсками (своих) врагов, (обладавший) достоинствами, знаниями, доблестью и энергией Рагху⁹.

⁴Бог любви, т.е. Кама.

⁵Поскольку род Кадамбов, его слава, в их надписях уподобляются их символу — дереву Кадамба, нет ничего удивительного, что об «образе жизни кшатрия» *kṣatra-utī*, говорится, как об имеющем корни и ползучие побеги.

⁶Речь идет о Сканде, который, согласно иным надписям, помазал род Кадамбов на царство.

⁷Т.е. друзьями-союзниками.

⁸«Анга» — согласно политической концепции, закрепленной во многих текстах, составные части («элементы») царства. Обычно их перечисляют семь.

⁹Имеется в виду легендарный царь, представитель «солнечной» династии, предок Рамы. Он является основным персонажем известного произведения Калидасы «Род Рагху».

6. Младший брат его ставший украшением семьи Шри Кадамба..... царь Какутства — так (сказано) — был обладавший достоинствами, разумом (и) энергией Какутсти¹⁰.

Его сын был по имени Шантиварман — так (названный) ради спокойствия подданных, царь земли, украшение (своей) супруги — земли, наилучший по достоинствам из царей земли

7. Сын его по имени Мригеша¹¹ ..... был владыкой подданных, (обладавший) красотой царя зверей, телом, энергией и мощью льва.

Того мудрого правителя мира (сын) равный господину (отцу), подобный детенышу льва, как Рави¹², (обладавший) красотой соответствующей (его) собственному имени, сын дочери Кайкеи, безупречный.

8. Разбив царя Вишнудаса¹³ ..... он достиг царства еще в молодости, (став) правителем, украшенным (покорностью) 18-членной мандалы.¹⁴

Он (был подобен) молодой туче, рожденной в воздухе, обладавшей собственным сознанием, со знаком луны Инду (на лбу, приносящим) счастье — и привел (он) к покорности юного царя¹⁵ с войском в сражении (и к) смерти.

9. (Им,) следующим должному поведению..... и в принижении склоненных разбитых испуганных соседей (истинное) счастье таким образом (было достигнуто). (Был он) следующим (достигнутым) знаниям луков, дротиков, копий, (иного) метательного оружия и копий, обладающим знаниями науки о конях и, кроме того, также о слонах,

10. И (сочинение о) политике, которое было создано Вишнугуптой, (и дхармашастра?) Субандху¹⁶ [была им изучена — таким образом он¹⁷]..... овладел знаниями (сохраненными в) обоих (этих сочинениях), (позволяющими) подержать существование обоих миров.

¹⁰ Букв. «стоящий на горбе», так в Бхагавата-пуране именуется внук Икшваку, потому что в сражении он стоял на горбе Индры превратившегося в буйвола. Рамаэяна называет так сына Бхагиратхи.

¹¹ Буквально — царь зверей.

¹² Т.е. Солнце.

¹³ Б. Гопал именуется его также царем Паллавов Вишнуварманом, о конфликте с которым говорится в надписи Равивармана из Хальси. По мнению К. В. Рамеша это Вишнугота из боковой ветви Паллавов, младший брат Симхавармана II. По мнению Б. Гопала — это его внук, Вишнугота II (цит. по В. Corral, указ. соч., р. LIV).

¹⁴ На мой взгляд здесь текст основывается на тексте оформленном в русле традиции «артхашастры», близким к «Артхашастре» и более ранним, чем «Нитисара» Камандаки.

¹⁵ Это может быть и упоминанием иного царя по имени Бала-раджа, как считает Г. Гай.

¹⁶ По мнению Г. С. Гая — дхармашастра. В этом есть определенная логика, но мы не имеем материала, чтобы судить об этом.

¹⁷ Какого рода сочинение Субандху (такая реконструкция имени присутствует в обоих известных нам изданиях) имеется в виду — неясно, Гай считает что это дхармашастра. Конструкция текста (почти везде в тексте в качестве подлежащего присутствует имя или эпитет царя), позволяет предполагать здесь пассивный оборот, поэтому мы предлагаем реконструировать текст «(были им изучены)».

Поэтому покорными (стали) Ганги¹⁸, Пуннаты¹⁹, Конгальвы²⁰, Пандьи²¹, Алуны²² и другие (цари), следуя повелениям его, с дружбой, (закрепленной) «сборами» (по договорам) «с (отдачей) земли», «(их) самих», «войск» и «имущества».²³

11. И также (как) течение четырех морей вспененных Марутами (ударяется) в землю — повсюду с блеском распространялась по всем сторонам света передвигающаяся его слава, подданные которого, действующие соответственно собственной дхарме, находящие удовлетворение (в использовании) владений и дарений, чувств страха не испытывали (относительно) тех (обоих), (что могут) быть нарушенными, как на коленях у родителей находящиеся, достигли благополучия.

12. Не постигали (иные) господа супруги-земли (т.е. цари) даже начала дерева (кадамба²⁴ увитого) лианой добрых признаков (и) сиянием драгоценностей мужества, даже малой части его достоинств-украшений.

И труднодостижимое, по причине связи с потоком его достоинств высокогорное жилище (т.е. святилище) Манматхи это тем Рави, Индрой на земле (было) построено,

13. Южнее которого (здание) царской спальни, затем левее — сияющая антахпура (здание гарема), (и) затем два помещения для танцев находящиеся к северу, достигающие восточной части (святилища),

(там,) где с прохладными, приносящими запах цветов (и) удовлетворение южными ветрами²⁵, (клубится) рой пчел (как) дым, (когда) зажигается огонь Манматхи,

14. И также к югу (от которого) гладкий образ Рати²⁶ (находится, как) пылью покрытый пылью расцветших цветов, где (звучит) барабан связанный со сражением Камы (за любовь и) нежно поет кукушка-кокила.

Затем великий праздник дающего жизнь чувствам, творца устройства, гибели и возрождения мира, (подобного) лотосу-арвинду, поддерживающему мир установлен (был) в (месяце) Мадху²⁷.

¹⁸ Цари из династии Западных Гангов, правившей длительное время в районе Майсора.

¹⁹ Идентифицируется Б. Гопалом с районом в южной Карнатаке между реками Кавери и Капини, соответственно, следует читать — правители Пуннаты

²⁰ Идентификация их в данной надписи затруднительна.

²¹ Возможно, известная династия царей, длительное время правивших на юге Индии в районе Мадурани.

²² По мнению Б. Гопала — один из родов, близких к Кадамбам.

²³ Очень похоже на четыре типа перемирий о которых говорится в КА- с отдачей казны, войска, себя и земли. См. подробнее об этом ниже.

²⁴ Т.е. могущества рода Кадамбов, символом которого было это известное дерево.

²⁵ Т.е., когда дуют южные ветры

²⁶ Супруга Камы.

²⁷ Более широко употребляемое название этого месяца — Чайтра (март/апрель).

15. Когда же праздник в (месяце) Мадху не может быть проведен, пусть царь осуществляет (его) в месяце Вайшахха²⁸, или, затем, пусть происходит осуществление (празднества) тогда, когда срок (осуществления является) благоприятным сроком.

При выходе божественного Маданы²⁹ царь (пусть будет) идущим в процессии, когда (же этого) не происходит, (в этом) нет необходимости, потому что (этот) обряд (осуществляется) ради блага всех (живых существ).

16. Им (т.е. Равиварманом), приятному для глаз (т.е. Каме) предназначив, желающим блага для (иных) царей на прекрасном участке земли жилище порождающего чувства³⁰ было построено. Отныне желающие достичь счастья, славы и дхармы цари земли, осуществляющие защиту дхармы и обычая, в защите (этого) дарения меру (своей добродетели имеют).

17-22. I. ³¹ Затем, ради почитания и украшения этого святилища Камадевы великий царь Шри Равиварман (у) деревни *Iḍiūra*, к югу, на границе деревни *Kallaṅgōḍa*, (деревни) *Kāntārāryarāḥi*³² и деревни *Mōgūri*, пруд *Gudda* воздвигнув, и «новое» поле (которое) орошается³³ водой того пруда подарив, еще (другие) поля в качестве брахмадеи (подарил) — в деревне *Mahāvēṅguli* поле под названием *Vatsakakōṭan*, в ней же «старое» (истощенное) поле (размером) в 12 нивартан (отмерянное) царской меркой, и «сухую землю» севернее его, (размером) в 24 нивартаны.

II. И также на границе деревни *Kallaṅgōḍa* (поле под названием) *Oluḁkkihalañ*, вплоть до поля *Kōdrava-vāra*³⁴ (было подарено).

III. На границе деревни *Iḍiūra* также (еще) одно поле в качестве брахмадеи.

IV. И деревня *Dahrakavēṅguli*.

V. В деревне .. *kambi*, орошаемое поле на другом берегу потока реки *Esarā*, и место для дома, ниже пруда, размером в 4 нивартаны.

VI. Земля для подъема (воды)³⁵ на западном берегу реки «Нава» («Новая»), настолько, насколько [необходимо], и поле по имени *Eḁekamḁe*, граница которого с севера — большая дорога, орошаемое водой из лотосового пруду

²⁸Так чаще называется месяц *Mādhava*, апрель/май.

²⁹Т.е. вынесении изображения бога любви, Камы.

³⁰Т.е. святилище Камы

³¹Так мы обозначаем присутствующие в тексте цифры, видимо — разделение прозаической части на предложения.

³²В тексте *Kāntārārya-rāḥi*. Это может также переводиться, как деревня правителя (или господина) Кантарарья.

³³*Niḁ-ṛadya-lē* и далее — смысл видимо в том, что земля орошается водой из того или иного пруда

³⁴Букв.: посевы Кодрава, вид зерна (*Paspalum Scrobiculatum*), согласно словарю Моньер-Вильямса употребляемый бедными.

³⁵Речь, по-видимому идет о постройке водоподъемника или иного устройства для орошения земли.

да, родника (у дерева) *kēlakī*³⁶ (и) большого пруда, вместе с деревьями приносящими годные для использования цветы и плоды, растущими поблизости от воды (приносящей) счастье.

VII. И поле в деревне *Saltura*, (размером в 5 нивартан (отмерянных) царской меркой с частью (податей) *puvāsika*, вместе с прастха (зерна, представляемой) для правителя³⁷.

VIII. И еще в этой же деревне иное поле (размером) в 6 нивартан (на) общей (земле) с каналом (?) и с деревом.

IX. С западной стороны пруда *Ambilakuṇḍī*, начиная от холма «старое» (или истощенное) поле (размером) 10 нивартан (также подарено). И затем «затопляемое»³⁸ поле, частично обработанное. Того поля протяженность³⁹ с восточной и южной стороны установлена по границе (деревни) *Kamtakūra*, (а) с северной стороны установлена (по) реке *Esālā*.

Таким образом купив эти поля которые должны быть отданы как новая брахмадея с грамотами на меди (полученными из) рук *Brahmāya*, (царь их) подарил.
23–25. И.... проверив, от должной цены поля дав цену многократно превосходящую, и брахмачаринам.....

И затем перед глазами знатоков четырех вед и других рассмотрев это преступление (перед) царем изготовителей поддельных грамот и вместе с существующими [правилами о] передаче несчастий их [потомкам], (упомянув) о конфискации имущества .....

26–27. (Деревню?) *Hākinipalli* ради почитания и украшения этого святилища Камы, деревню *Kallīli* ради почитания и украшения этого святилища Падмавати для рода *Mukūṇḍī* достойного всеобщего уважения,..... злой дух земли удовлетворенный распространенным правильным поведением (?).....

Здесь нам представляется важным обратить внимание на упоминание в данной надписи, вполне уверенно датируемой концом V в. трактата Вишнугупты, которое позволяет внести большую ясность в соотношение традиций «артхашастры» и «нитшастры», уточнить их взаимодействие. Об этом можно судить, также, на основе анализа содержания «Нитисары» Камандаки, наиболее раннего памятника относящегося к традиции «нитшастра», который датируется, кстати, также, обычно временем Гуптов (V–VI вв.).

³⁶ Дерево *Pandanus Odoratissimus* (Моньер-Вильямс) Конструкция не позволяет следовать переводу Гопала (тогда необходимо читать *kēlakī-lāṭaka*).

³⁷ *Pu-uvāsika* или *pu-uvāsika* — скорее всего местные подати, прастха (мера объема, размер которой определяется в разных источниках по разному) — подать для правителя (*bhalla*—*bhalla*) — совсем не обязательно царя Кадамбов.

³⁸ Такой тип полей (пукколи) упоминается и в иных надписях Кадамбов.

³⁹ Букв. размеры, т.е. граница.

В первой главе «Нитисары» Камандака, говорит о взаимосвязи своего трактата в стихах с произведениями следующими традиции «артхашастры» так: «Поклон тому мудрому Вишнугупте, который из огромного океана артхашастр великую бессмертную Нитишастру изъял. Книгу (его) целесообразную сократил с глубокой симпатией к науке царей (и изложил Камандака — извлечения) из учения его, зоркого, осведомленного в науках» (Кам. I. 6-7). Общеизвестно⁴⁰, что это тот же Вишнугупта, который упомянут в заключении самой «Артхашастры», который являлся ее автором, который в индийской традиции зафиксированной в иных памятниках, также, назывался Каутильей и Чанакьей.

Подобная фраза, которой начинается трактат Камандаки не кажется необычной — говоря о своих источниках, «Артхашастра» сходным образом говорит о том, что при подготовке указанного трактата были использованы «артхашастры прежних учителей» (КА I.1.1.). Обращает на себя внимание лишь одна неточность — Камандака называет Вишнугупту автором *нитишастры*, источником которой были *артхашастры*. В то время как «Артхашастра» никогда себя так не называет. Обычно⁴¹ это интерпретируется, как указание, на то, что оба жанра по содержанию в понимании Камандаки были идентичными. Это, однако, не выглядит, по нашему мнению, столь однозначным — так, например, Камандака в своем трактате, принадлежащем к традиции «нитишастра», очевидно следует иной логике построения текста — здесь суть самой большой, второй книги КА, излагается в нескольких фразах, нет материалов содержащихся в III книге, кратко и принципиально по иному излагается тематика IV книги КА.⁴²

Аналогичное «Нитисаре» появление Вишнугупты-Каутильи (*Yā ca nītiv=viṣṇugupta-kṛtā*) в эпиграфике (насколько мне известно, единственное и никем не рассматривавшееся) позволяет сомневаться в том, что упоминаемая в двух источниках «нитишастра» Вишнугупты идентична дошедшей до нас «Артхашастре» — аргументация Р. П. Кангле такого отождествления двух жанров исходя из личных представлений автора, становится сомнительной. На мой взгляд оба источника упоминают не дошедшую до нашего времени «Артхашастру», а другой трактат (то, что ее авторство связывается с Чанакьей-Каутильей гораздо раньше V в. ставшим легендарным персонажем не удивительно). Во время Гуптов, вполне вероятно, составители «трактатов о политике» следовали уже жанру «нитишастры» и именно эти трактаты могли быть «руководством» для царей. Наиболее важным отличием такого жанра было переосмысление и значительное сокращение материалов, помещенных в крупнейших II-IV книгах дошедшей до нас «Артхашастры» (изложению основных идей II книги КА у Камандаки, например, посвящено лишь 6 стихов). С другой стороны, в нитишастре

⁴⁰См., подробнее, R. P. Kangle, *The Kauṭīliya Arthaśāstra*. Part. III. A Study. Delhi, 1992, p. 3-5.

⁴¹Там же, с. 4-5.

⁴²См., о соотношении Нитисары и Артхашастры подробнее в: Д. Н. Лелюхин «Нитисара» Камандаки и «Артхашастра» Каутильи — в: Схапакашраджа, С.-Петербург, 1995.

значительно более разработанными становятся т. наз. проблемы «внешней политики»,⁴³ о чем можно судить, также, исходя из того, что надписи довольно свободно употребляют специальную терминологию, характерную, главным образом, для VII книги КА (мандала, виджигишу, виды примирений и пр.), в то время, как терминология II книги почти не употребляется.

И Камандака и надпись из Гуднапуры, вполне возможно, упоминают конкретный трактат, авторство которого, как и авторство КА приписывалось Вишнугупте-Каутилье-Чанакье. Причем трактат этот был более близок по содержанию КА, чем, например, датируемому тем же временем трактату Камандаки.

И это позволяет, на мой взгляд, предполагать упоминание в надписи 18-членной мандалы и, также, содержание ее 19 стиха, которое можно понять только учитывая специфику терминологии КА. Анализ упоминаемых в Кат. VIII.12,13 многочисленных «видов мандал» (две главы Нитисары посвящено изложению различного рода искусственных классификаций *государственных факторов*) не позволяет сомневаться в том, что для Камандаки 18-членная мандала (Кат. VIII.12.26) была только одним из «видов»⁴⁴, далеко не основным и вряд ли царь Кадамбов, основываясь на учении изложенном Камандакой назвал бы свое царство именно 18-ти членной мандалой (в литературных текстах, например, наиболее часто говорится о 12-членной «мандале»). В это же время, в «Артхашастре» 18-членная мандала — это единственное (!) числовое значение для мандалы (появившееся, кстати, в результате определенной непоследовательности в подсчете ее элементов), о котором прямо говорится в тексте (*maṅḍalamaṣṭādaśakam* КА. VI.2.25, кроме того, также, в тексте говорится о «четырёх» мандалах, *caturmaṅḍalasamkṣepaḥ* КА. VI.2.27).

Предлагаемый мной перевод 19 стиха, следующего сразу после упоминания нитишастры Вишнугупты и сочинения Субандху (по мнению С. Гая — дхармашастры), с изучением которых здесь прямо связываются политические успехи царя («Поэтому покорными [стали] Ганги, Пунннаты, Конгальвы, Пандьи, Алуны и другие [цари]») также основывается на специфическом, характерном для КА значении употребляемой здесь терминологии. Вторую часть этого стиха (*prīṭyā bhūmy-āṭma-daṅḍ-ārtha-sañcāyāiḥ*) следует, на мой взгляд читать: «с дружбой, [закрепленной] „сборами“ [по договорам] „с [отдачей] земли“, „[их] самих“, „войск“ и „имуществва“». Здесь текст надписи явно следует систематизации «видов примирений» со «слабым» (*hīṇa*) царем, приведенной в КА VII.3.22, подробно разбираемых далее в этой главе (совпадает даже последовательность перечисления терминов, хотя в КА VII.3.22 она

⁴³См. подробнее о содержании этой «внешней политики», нашу интерпретацию смысла рекомендаций КА такого рода в: Д. Н. Лелюхин. Основные принципы мироустройства и концепция идеального государства в «Артхашастре» Каутилья. в: Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998.

⁴⁴При этом, говоря о 18-членной мандале он ссылается на «учителя» а не на конкретного «мудреца», авторитетного для политической литературы (Ушанас, Вишалакша и др.). Вполне возможно он именуется так Вишнугупту, которого признает своим учителем.

обратная той которая присутствует в надписи из Гуднапуры — *kośa-daṇḍ-ātma-bhūmi*, и *kośa*, казна, в надписи заменяется более общим понятием имущество, *artha*). Такие примирения здесь же в КА толкуются, как «примирения с подчинением войска» (*daṇḍopānatasamdhayaḥ*), примирения с подчинением казны (*kośopānatasamdhayaḥ*) и примирения с подчинением части территории (*deśopānatasamdhayaḥ*), т.е. один из партнеров явно превращается в зависимого (*upanata*) царя. Поэтому не случайно в надписи говорится, что все перечисленные выше цари стали «подчиненными» (именно *upanata*, термин этот, также, нечасто встречается в эпиграфике) как следствие того, что Равиварман «познал» науку изложенную Вишнугуптой, предлагавшего не аннексировать завоеванные царства а, формируя свою «державу-мандалу» оставлять их правителям на троне, как зависимых царей.

Простое сравнение разобранных фрагментов текстов с содержанием Кам.IX.14 (глава о различии примирений), позволяет судить о том, что авторы надписи руководствовались систематизацией «примирений» характерной скорее для КА, чем для «Нитисары». Хотя Камандаке и известны упомянутые выше «типы» примирений, его систематизация выглядит значительно более развитой, сложной и более искусственной.

SUMMARY THE INSCRIPTION OF THE KADAMBA KING RAVIVARMAN FROM GUDNAPURA

This paper includes the commented translation and analysis of an inscription from Gudnapura, issued by an early Kadamba king Ravivarman. In the text we can find not only important concrete details of the early Indian history, evidences about the structure of state, but also the earliest (in the epigraphy) mention of the treatise of famous Vishnugupta, legendary author of Arthashastra. So this inscription can help us to reconstruct important details of "political" tradition's history.

И. И. НАДИРОВ

ПАРФЯНСКИЙ ТИТУЛ *BTḤŠ'* / *PDḤŠ'* В ХАТРЕ

Интересующий нас термин засвидетельствован в большинстве случаев в эпоху Сасанидов, однако доступный нам материал позволяет искать его истоки в период правления Аршакидов и ранее.

Так, к парфянскому периоду относятся надписи на арамейском языке (восточно-арамейский диалект) из Хатры, где аршакидские титулы представлены достаточно широко. Широко настолько, что дают основание видеть в этом городе, основанном, по всей вероятности, местными семитами (скорее всего, арабскими племенами) в 1 в. до н.э., место, завоеванное парфянами и ставшее со временем союзным Аршакидам буферным княжеством. Большинство надписей суть проскинемы — коммеморативные тексты на погребальных сооружениях, статуях и плитах. Среди иранских титулов выделяются *pdḥš'* (X127) / *bḥš'* (X143).

Надпись № 143 представляет собой посвящение, сделанное на цоколе статуи:

šlm' dy šwznbḥ bḥš' «Статуя битахша Swznbḥ».

Имя более в текстах не встречается, но можно предполагать, что оно семитского происхождения.

Надпись № 127 — граффити, обнаружена в айване № 7:

Bl dkyr 'bd pdḥš' qdm brmryn «Увы! Да поминается 'bd — битахш перед Brmryn!»

Смысл текста во многом неясен. Ф. Ваттиони трактует его так: «*Ah, šia ricordato 'bd pdḥ š' davanti a Br-mryn*», указывая, что 'bd в словосочетании 'bd pdḥš' может быть сравнимо с 'bd в имени (?) 'bdlbwš' надписи № 34, не давая, однако, объяснения такому сравнению. Наиболее простым, на наш взгляд, толкованием должно быть признание 'bd именем собственным, что позволяет видеть в обоих функционерах с титулом битахша лиц семитского происхождения. Однако сам факт наличия столь высокого титула в Хатре должен свидетельствовать, что в этот период город был вассалом Парфянской державы; тем не менее, у нас нет оснований видеть в этих

лица первоначальный древнеиранский смысл вельмож, следующих «вторыми после царя», разве что только этими царями были цари или правители (*my'*) собственно Хатры. Как верно отметил Э. Хуршудян, «о принадлежности битахшей к высшей знати Хатры свидетельствует уже сам факт сооружения в их память погребальных стел»¹. И статуи, добавим мы, ибо таким образом доказывается, кроме всего прочего, состоятельность усопших и лиц, посвятивших им надписи.

Как будет показано ниже, кроме титула *'ahaya*, обозначающего вождя или верховного шейха (*'abaya rabba*), термин *pdhš* также имел отношение к управлению арабским окружением Хатры. Наиболее известным для античного мира упоминанием битахша является текст контракта из соседней с Хатрой Дуры-Европос (121–122 гг. н. э.), где упоминается *Μανεσα*, стратег Месопотамии и Паропотамии, *арабарх*, который был также сборщиком податей и имел парфянский титул *батеса*². *Βατρηα* не является греческим переводом иранского термина, это, как следует предполагать, — его приблизительная транслитерация, искажение *ρ'ihš'y* («могущественный», «начальствующий»)³. Поскольку по виду слово *патихшай* (*ρ'ihš'y*) со значением «властвующий» довольно близко другому однокоренному слову *бидохш* (*питиохш*) (ср.-п. *bithšy*, парф. *bythš*, гр. *πιτιαξης*), означавшему в парфянской номенклатуре наместника, «занимающего второе место (после царя)»⁴, их достаточно часто смешивали. На деле это два разных титула. Для внесения ясности в употребление двух терминов и приводится настоящий анализ.

В надписи ŠKZ встречаем титул в строке 23, парф.: *'rtxštr btxšy*, в строке 29, ср.-перс.: *'rtxštr zy btxšy* — «Арташир, бидохш». В надписи Нарсе из Пайкули (Npi) фигурирует бидохш Папак при перечислении знатных лиц и придворных, встретивших нового шаханшаха⁵. О функциях упомянутых в ŠKZ и Npi бидохшей конкретных сведений нет. Э. Херцфельд предположил, что бидохш Папак в Npi не кто иной, как бидохш Грузии. Несмотря на то, что никаких доказательств такой гипотезы приведено не было, его вывод позднее получил подтверждение благодаря находкам в Мцхета-Армази.

Р. Н. Фрай, как и некоторые другие исследователи, полагает, что питиохш принадлежит к дому царя царей⁶. П. О. Шёрвэ, вслед за Г. С. Ньюбергом, считает,

¹E. Sh. Khurshudyan. Die parthische und sasanidische Administrativinstitutionen. Erevan, 1998, S. 30–31.

²M. Rostovtzeff. C. B. Welles. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates. — in: YCS II, 1931, p. 49–51; C. B. Welles, R. O. Fink, J. F. Gilliam. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959 (The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report V, Pt. 1), pp. 111–117.

³Ср. степ. *pathš' dtr*.

⁴*bitaxš*, *bidaxš* восходят, как можно предполагать, к др.-ир. **dvita -xšāy* со значением «второй после царя».

⁵E. Herzfeld. Paikuli. The Monument and Inscriptions on the Early History of Sasanian Empire. Vol. I. B., 1924, Prsc. ver., p. 230.

⁶R. Frey. Notes on the early Sassanian state and church. — In: Studi orientalistici in onore di G. Levi Della Vida, vol. I, Roma, 1957, p. 318.

что их можно назвать «великими визирями»⁷. Столь же высоко их положение и при дворах Арташира 1 и Шапура 1. Титул появляется в разных формах: *patyakhšta*⁸, *pataxšatre*, *ρ(a)thxšare*⁹ — в Парфии, *pitiakhšī*, *patiaikhš* — в Грузии¹⁰, *bdeašk* — в Армении¹¹, *bit(a)xš* в одной из надписей Пайкули¹². В иберийских надписях интересующий нас термин встречается в форме латинского *vitaxa* и греческого *πιτιάξης* — (печать в Национальной библиотеке: "Ἄσυνας πιτιάξης Ἰβήρων Καρχήσω")¹³. Как показывают армянские и арамейские месопотамские параллели, титул «питиахш» восходит к досасанидской истории. Однако было бы необоснованно полагать, что именно он дал развитие институту пайгоспанов¹⁴ на землях домена, как может показаться на первый взгляд¹⁵.

Что касается интерпретации титула питиахша в Армении и Грузии, то наиболее вероятной, на наш взгляд, является «эпистат» — представитель, посланный верховной властью, имевшей суверенный или протекционистский характер¹⁶. Для Грузии, согласно выводам Г. Церетели и К. Туманова, исследовавшего фамильный некрополь Мцхеты, первоначально титул *pitiakhšh* или *vitaxa* должен был обозначать ранг назначаемого персами лица, который контролировал бы действия царя Иберии¹⁷. Несомненно, в пору своего могущества и расцвета, когда они могли держать свою власть над грузинами, великие цари Персидской державы назначали подобных лиц на подвластных им землях. Однако со временем ситуация меняется, и *vitaxae* фактически становятся полунезависимыми правителями с «полицейскими» обязанностями. В этом нас убеждает найденная в Армазисхеви билингва эпитафии грузинской принцессы Серапиты, написанная греческим и своеобразным пошибом арамейского письма, получившим название армазского. Согласно переводу Г. Церетели, первым опубликовавшего

⁷Р. О. Sejaerve. The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3. 1. Restored text and translation. Wiesbaden, 1983, S. 90.

⁸A. Christensen. L'Empire des Sassanides. 2 ed., Copenhagen, 1944, pp. 11, 113.

⁹Herzfeld, p. 231.

¹⁰Christensen, p. 113.

¹¹Herzfeld, p. 229.

¹²Idem, p. 231. О должности бидахша при сасанидском дворе пишет ат-Табари: M. J. de Goeje, ed. Annales quod scripsit Abu Djarfar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. T. III, p. 445; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, S. 151, N. 2.

¹³Herzfeld, p. 78, n. 3.

¹⁴О должности и титуле пайгоспана см. Tabari, 151; Christensen, 41. По мнению М. Дьяконова, гипотеза о связи *padhešah* с *padhospan* основана на том, что в армянском термин *bitahš' / bdeašk* имеет эквивалент *kusakal* «держатель стороны», образованный от *koys* «сторона». *Koys* заимствован в армянский из парфянского; та же основа *-kos* проявляется и в *raygos*. См. И. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана. М. 1961.

¹⁵Ситуация анализируется Э. Хуршудяном, см. Khurshudyan, S. 52 и далее.

¹⁶M. Halleux. — in: BCH, 1933, 26. Вопрос обсуждается в статье: С. Toumanoff. The Orontides of Armenia. — in: Studies in Christian Caucasian History. Georgetown-Wetteren, 1963, pp. 277–354.

¹⁷Toumanoff, pp. 156–164.

надпись, «Я — Серапита, дочь Зеваха-младшего, питиахша Фарсмана¹⁸-царя, жена Иодмангана победоносного, победителя многих кампаний, главы двора Ксефарнуга, великого царя иберийцев, сына Агриппы, главы двора царя Фарсмана. О горе, горе! Ради той, кто не достигла своих полных лет, чьи годы не завершились, кто была столь хороша и прекрасна, что никто не мог с ней соперничать в совершенстве; и умерла она в возрасте двадцати одного года»¹⁹. Итак, данная надпись свидетельствует, что во II в. н. э. пост питиахша²⁰ или *vitaxa* Иберии занимал уже не иностранный наместник, а высокопоставленный уроженец Кавказа, глава царского двора, связанный женитьбой с аристократией Иберийского царства. Ситуация, насколько позволяют судить надписи, сохраняется и позднее. Так, датируемое 200 г. кольцо из сардоника с именем Аспарух и титулом «питиахш Иберии» найдено также в Армази.

Что касается Армении, то здесь интересующее нас слово появляется еще раньше, на рубеже I в. н. э. Во время правления Тиграна Великого (95–55 гг. до н. э.) четыре вассальных ему царька получали от него полномочия управителей границ (по числу сторон света). Согласно описанию Мовсеса Хоренаци, при аршакидском царе Тиридате I (53–75 гг. до н. э.) эта должность сохраняется, но четверо *Глав границ* имеют уже парфянский титул, звучавший как *bdeaxš* (по грамматическим нормам армянского языка, по форме — имя во множественном числе; ед. число — *bdeaxš*). Армия была разделена на пограничные гарнизоны²¹.

Титул *бидахш* в парфянскую (и раинесасанидскую) эпоху относился наиболее часто к полномочному представителю царя царей — наместнику («вице-королю», «*viceroy*») крупной провинции или вассального царства.

Согласно надписи Картира на Ка'бе Зороастра, этот жрец из хербеда при Шапуре I (Ка'ба, стк. 3) становится «начальствующим (*p'ixš'y*) над храмом Анахит-Ардашира в Стахре» (там же, стк. 8) при Варахране II. Дело здесь вовсе не в перемене статуса жреца, как могло бы показаться, исходя из того, что титул, носимый до Картира лишь лицами царского дома, становится принадлежностью высшего жречества в Иране конца III в. н. э. Речь идет, в одном случае, о титуле (*bthšy*), а в другом — о должности (*p'ihš'y*), причем именно ко второму слову этимологически восходят «договор» (*p'ihštr*) и «правомерный, правомочный» — *p'ihš'(d/y)*²². Признавая, что два термина, *бидахш* и *патихшай*, друг с другом не связаны, и *бидахш*, конечно, не имеет к названному

¹⁸Зевах (как и Фарсман или *Xšcfarnug*) — имена не грузинские. Как предположил В. А. Лившиц, Зевах — скорее алан на службе в Иберии.

¹⁹Г. Ф. Церетели. Армазская билингва. — в: ИИЯМК, XIII, Тбилиси, 1942.

²⁰Согласно исторической грамматике грузинского языка, начальные звонкие звуки имели тенденцию к оглушению, например, *b > p*. Ср. *Khurshudyan*, S. 17–23.

²¹M. A. R. Colledge. *The Parthians*. New-York, 1967, p. 64. Говоря о дворе армянского вассала Тиридата I, Хоренаци приводит ряд важных титулов царского двора: начальник царских охотников, дворецкий, глава пожертвований, главный сокольничий, начальник летних резиденций и т. п., многие из которых нашли свое отражение в парфянской титулатуре Хатры.

²²В тексте Сасанидского судебногоника (см: А. Г. Периханян. Сасанидский судебник, «Книга тысячи судебных решений». Ереван, 1973, 2) термин *p'ihš'(d/y)* встречается именно в значении « правомочный ».

жрецу никакого отношения, можно допустить, что именно различие в функциях этих похожих внешне титулов и прольет свет на его смысл в Хатре.

Говоря о Хатре, прежде всего, отметим, что титул *bḥš'* не находит правдоподобного объяснения в значении «второй после царя». Второе возможное толкование *bḥš'* касается некоего лица, «начальствующего над кем-то или чем-то», однако, при отсутствии более конкретных сведений в хатрийских надписях, нуждается в серьезном обосновании. Определенное подтверждение высказанной интерпретации может дать, на наш взгляд, более поздний источник, иранский свод законов VI в. н.э. «Мадигани-Хазар-Дадестан» — «Книга тысячи судебных решений», называемая также «Сасанидским судебником».

Дело в том, что в статье 2 Судебника для среднеперсидского *palahšiya* дается арамейская идеограмма *šlitya*²³. Известно, что функции *šlyt' d'rb*, «управителей арабов», подчиненных царю Эдессы в горах Тектек, совпадали с таковыми арабархов Римской империи²⁴. И, по всей вероятности, юрисдикция такого *šlyt'* в Эдессе простиралась достаточно далеко за пределы города. В одной из надписей, найденных в Суматаре Харабеси, которая датируется 165 г. н.э., *šlyt' d'rb* делает посвящение во имя жизни своего «господина царя» и его сыновей; имеется в виду, несомненно, *W'l*, сын *Šhrw*, пропарфянский царь Осроэны. Другой *Šhalliṭa di 'Arab* посвятил надпись Аурулию Хафсаю, «его господину и благодетелю». Таким образом, ничто не мешает заключить, что обладатель титула *šlyt' d'rb* контролировал именем правителя города арабские племена к востоку от Эдессы.

Термин *šlyt'* в надписях из Хатры отсутствует, однако, исходя из того смысла, который заложен в Судебнике, мы вправе думать, что под термином *pdḥš'* в Хатрене имелся в виду именно начальник или, скорее, «надзирающий» над определенной территорией вне Хатры, населенной бедуинскими племенами. Учитывая специфический характер отношений бедуинского окружения Хатры и ее городского населения, за этой должностью закреплялась важная функция, — ведь у высшего должностного лица Хатры, царя (*mlk' d'rb*) для управления землями Хатрены так или иначе должны были быть функционеры с контролирующими поведением бедуинов полномочиями. Лишенные иных вариантов толкования, а также в отсутствии иных должностных терминов для столь важной государственной функции, мы считаем единственно возможной интерпретацией то, что *pdḥš'* / *bḥš'* хатрийских текстов должно пониматься только

²³Периханян, 2, XVIII X. Уже по документам из Нисы II в. до н.э. Можно заключить, что арамейские слова в них используются как идеограммы, т.е., по выражению М. Бойс, не читаются более по-семитски, «но превратились в привычные начертания, написанные при передаче соответствующих равнозначных слов». См. М. Бойс. Зороастрийцы: верования и обычаи. СПб., 1994, с. 115. В идеограммах следует учитывать возможные выпадения и ассимиляции, как отмечает М. Хауг: «*palšāḥre gesprochen *pašahr aus *palšāḥr*». (M. Haug. Essays on the Sacred Language, Writings and Religion of the Parsees. Bombay, 1862, p. 72).

²⁴J. B. Segal. Edessa, "The Blessed City". Oxford, 1970, p. 22; ср. H. Pognon. Inscriptions sémitiques de la Syrie, de la Mésopotamie et de la région de Mossul. P., 1907, p. 38.

как *патихшай* (*ρ'thš'y*) со значением «начальник, начальствующий, надзирающий», близкое с *βατησα* (Дура — Европос, II в.), но не *бидахш* (*питиахш*) со значением «занимающий второе место после царя», как это было в I—III в. в Армении и Грузии.

Видимо, здесь уместно напомнить о том, что до наших дней рассматриваемый титул «патихшай» дошел в виде «падишах» в ряде тюркских языков, воспринявших его не позднее X в. из персидского. В турецкий язык слово попало через арабский. М. Ряснен возводит сохранившуюся форму *pādshāh* к новоперсидскому *pādisah*²⁵. Однако А. Платт указывает, что арабское *bādshāh*^{un} заимствовано из двусоставного персидского, первая часть которого происходит от *pat, pati* «престол», *авест. *pātar*, а вторая — от *shāh* «шах, царь».²⁶ Л. Будагов, анализируя заимствования в тюркских языках, видит следующие две составляющие: перс. *pād* — «хранитель, блюститель», и *shāh* — «великий»²⁷. Обе последних этимологии, как видим, не учитывают ни *ρ'thš'y*, ни *bit(a)xš*.

Исходя из вышеизложенного, мы могли бы сделать следующие выводы, касающиеся титула *bthš'* в Хатре:

- I. Несмотря на большой соблазн видеть в хатрийском *pdhš'* / *bthš'* достаточно распространенный титул «битахш», он более соответствует парфянскому титулу «патихшай» — «могущественный, начальствующий, надзирающий», имея в виду сопредельные с Хатреной земли арабов, которые в соседней Осроене управлялись лицом с именно таким титулом («начальствующий» — *ρ'thš'y*), чему соответствовал сирийский титул *Šhalliṭa de 'Arab* (арабарх). При этом отметим, что в папирусе из Дуры (начало II в. н. э.) титулы арабарха и батесы принадлежали одному лицу²⁸.
- II. указанный титул не отражал истинной важности этой должности, а был, скорее всего, лишь номинальным постом парфянских властей в определенный ограниченный период, поскольку встречается только дважды в коротких поминальных надписях (вероятно, начала II в.), причем имена носителей этой должности уже семитские, хотя и без родословных, в отличие от арабской местной знати. Судя по анализу дальнейших событий в Хатре, власть в городе и окрестностях вскоре перешла в руки местных правителей (тем самым изменив отношения с Парфией из зависимых на союзнические), а функции *патихшай*, по всей вероятности, перешли к лицу, называемому в надписях *'abaya* и *'abaya rabba*.

²⁵ M. Rāsānen. Versuch eines etimologischen Wörterbuchs der Turkprachen. — in: LSFU, 17, 1, Helsinki, 1969, 337 b.

²⁶ A. I. Platt. A Dictionary of Urdu, Classical Hindi and English. Vol. I-II. M., 1949, pp. 214, 216.

²⁷ Л. Э. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, 1, с. 308.

²⁸ В начале II в. н. э., согласно Уэллсу, существовало 12 аршакидских битахшей, хотя эту цифру, по признанию самого автора, доказать невозможно. (См. Welles, Fink, Gilliam, pp. 112, 114, 116).

SUMMARY
THE PARTHIAN TITLE *BḤŠ' / PḐḤŠ'* IN HATRA

The analysis of the Aramaic commemorative inscriptions from Hatra dating from the Parthian period allows to determine the meaning of the Parthian title *bḥš' / pḏḥš'* which is occasionally mentioned in them.

In Hatra this term had the meaning "surveyor" (over the Bedouins who lived in the steppes surrounding Hatra)—and not "[the person,] occupying the second place after the king," as was the case in Armenia and Georgia in the 1st–3rd centuries A. D.

This title designated a nominal post which existed for a short time (probably in the beginning of the 2nd century A. D.). Later the administrative power in Hatra and the surrounding territory passed to the local rulers and the officials bearing the title *bḥš' / pḏḥš'* were replaced by officials with different titles—'abaya and 'abaya rabba.

Н. Я. НАДИРОВ

«БРОДЯЧИЕ СЮЖЕТЫ» И АРАБСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПАДЕНИИ ХАТРЫ (240 г.)

В арабских преданиях о Хатре, дошедших до нас в изложении средневековых арабских историографов и хронистов, ссылавшихся на поэтов эпохи ал-Джахилии, пересекаются два бродячих сюжета, — один об обманутом отце, а второй — о принцессе на горошине¹.

Что касается первой сюжетной линии, она близко перекликается с известными древнегреческими легендами, как например, о мегарском царе Нисе и его дочери Скилле², или о Наннис и ее отце Кройсе³. Первую вкратце можно пересказать так: мегарский царь Нис, сын Пандиона⁴, имел пурпурного цвета волосы (или золотой волос), от которых зависела его жизнь⁵. Минос, сын Зевса и Европы, правитель Крита, осадил Нисею, где заперся Нис; дочь Ниса Скилла влюбилась в Миноса и погубила отца, срезав его волшебные волосы. Минос после непродолжительной осады взял город, но отцеубийство Скиллы вызвало в нем такое отвращение, что он велел ее утопить, после чего, согласно одному из вариантов предания, она превратилась в рыбу. По Овидию, она бросилась за отплывшим кораблем Миноса и утонула, поскольку критянин не взял ее на борт. Согласно другой традиции, душа ее погибшего отца воплотилась в орла и схватила ее, после чего Скилла превратилась в синицу⁶. Миф о Нисе — древняя народная сказка о волшебном волосе, делающем героя неуязвимым.

¹Aghani, Ибн Хишам, Бакри, Табари, Йакут, ал-Казвини.

²Apollodor III, 15; Ovidius, Metamorphosis 8. 6–151.

³Hercher, ed. Erotici scriptorum graecarum, I, 25, 26.

⁴Вариант: Арея.

⁵По одному из вариантов, душа и жизнь Ниса зависела от волос его дочери. Напрашивается сравнение с библейской легендой о Самсоне и Далиле.

⁶Ср. Pausanias, II, 24, 7.

В арабских легендах, посвященных падению Хатры, фигурируют хатрийский царь Сатирун (Дайзан), его дочь Мулейка⁷ (вар. Малика, Нусейра, Надира) и завоеватель, царь персов Ардашир или Шапур (Сабур ал-Джунуд или Сабур ал-Актаф)⁸

Приведем, два наиболее полных, на наш взгляд, изложения интересующей нас истории.

В передаче ал-Казвини⁹ покорение Хатры выглядело так: «Дочь Дайзана Нусейра поднялась на крышу, увидела Сабура и влюбилась в него. Она послала к нему гонца с просьбой узнать, что она получит, если укажет царю, как взять город. „Возьми тебя для самого себя и возвышу над всеми женщинами“, — ответил Сабур. Тогда Нусейра открыла тайну заколдованных стен Хатры: „Возьми кровь голубки, смешай ее с менструальной кровью голубоглазой женщины, и напиши этой смесью на шею голубя, и выпусти его. Как только сядет на стену, она разрушится“. Сабур сделал так, как его научила Нусейра. Стена рухнула, и он вошел в город, где убил десять тысяч человек, в том числе и Дайзана. После пышной свадьбы Шапура и Нусей-

⁷Араб. «принцесса, царевна».

⁸Согласно арабским историографам, Хатра была неприступной крепостью и выдержала не одну осаду. Как можно судить по эпиграфическим памятникам, происходящим из города, после падения в 240 г. Хатра уже не поднялась. Однако вопрос, кто был ее завоевателем — Шапур I или Ардашир, остается открытым. Евтихий, Ибн Кутайба (*Ibn Qutaiba al-Dinawari. Handbuch der Geschichte*, hrsg. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850) и Ибн ал-Факих (*Ibn al-Faqih al-Hamadani*, 198) указывают, что Хатру завоевал Ардашир I, причем, как отмечает Ксифилии, только в результате второй осады. Из двух Шапуров — I и II, — выбор в пользу первого среди прочих аргументов делается на основании различия их прозвищ: — нисба «ал-Джунуд» («войско») относится к Шапуру I, а «зу-л-Актаф» («плечистый») — к Шапуру II. Легенды средневековья более часто упоминают нисбу «зу-л-Актаф». Любопытно, что Йакут (*Yaqut*, II, 282), ссылаясь на арабского доисламского поэта ал-А'ша, исправил имя Шапура II на Шапур I. Также по стихам ал-А'ша мы узнаем у ат-Табари (*Tabari*, I, 705), Ибн Хи-шам (*Ibn Hisham, Sirat al-nabawiya*, I, 50) и Ибн ал-Асира (*Ibn al-Athir*, I, 209), что осада длилась два года. Тем не менее, имя Шапура II как победителя этого арабского города встречается нередко. Так, Хишам ибн ал-Калби (*Ibn al-Kelbi. Kitab tankis al-asnam*, ed. A. Zeki, Bulaq, 1914, 158) и Ибн ал-Факих (*Ibn al-Faqih al-Hamadani*, 130) говорят о том, что противник Шапура II Дайзан, царь Хатры, был из рода куда'а, которое и основало Хатру, его отцом был Джайхала из племени тазид; и Дайзан правил всей Месопотамией. (Возникает ощущение, что арабские авторы путали деяния двух Шапуров, и поэтому смешивали их прозвища). Осада города-крепости длилась четыре года. Из сообщения Йакута узнаем, что среди племени куда'а произошел раскол и Хатрой, которую охранял талисман, стал править Дайзан. Далее Йакут (и Ибн ал-Факих) описывают нападение (*ghazw*) хатрийцев на персов Савада и захват сестры Шапура II, двухлетнюю осаду города, предательство и конец дочери Дайзана. Ибн Кутайба также приводит персидское имя Духтнош — имя дочери Нарсеса, которая стала женой Дайзана, от которого родила прекрасную Мулейку (вар. Малика: *Firdousi*, ed. Mohl, V, 342; Надира: *Tabari, Sharqi*; Нусейра: *al-Qazwini*; ан-Надиза: *ал-Абшихи*, Восходы лун на стоянках веселья, пер. с араб. Л. 1983, с. 264–265). Измена описывается также по-разному. Табари, Ибн Хишам и Фирдоуси говорят о том, что гарнизон Хатры был пьян; и Ибн Хишам принцесса вытаскила ключи от города у пьяного отца. Согласно Мас'уди, враг проник в город через маленькие тайные ворота.

⁹*al-Qazwini. Kosmographie*, hrsg. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1849, Bd. II, S. 74–75. Ср. B. Vandenhoff. Die Götterliste des mar Jacob von Sarug in seiner Homilie über der Fall der Gotzenbilder. — in: *Oriens Christianus*, 5, Leiden, 1915, S. 254–255.

ры, сыгранной в селении 'Айн ат-Тимр, «в первую ночь Нусейре не спалось, она ворочалась на царском ложе, которое показалось ей необыкновенно жестким только потому, что на него попал листочек мирты. На вопрос Сабур, чем не угодили ей родители, Нусейра не смогла ответить. Ведь они ее холили, нежили. „Ты не была верной дочерью, — сказал Сабур, — ты не можешь быть и верной женой“. Он приказал поднять ее на высокое здание я сказал: „Не обещал ли я, что возвышу тебя над моими женщинами?“ — „Да“, — ответила Нусейра. Затем Сабур приказал двум красивым всадникам привязать ее к хвостам своих коней и разорвать на части».

В передаче Ибн Хишама царем Хатры (ал-Хадр) называется Сатирун, причем указывается, что царь государства Лахмидов «ан-Ну'ман б. ал-Мунизир — из числа потомков Сатируна». Ал-Хадр — «это огромная крепость, подобная городу, стоявшая на берегу Евфрата, и это ее назвал 'Ади б. Зейд, сказав:

«И властитель ал-Хадра, когда строил ее, и когда стекались туда налоги с (земель) Тигра и Хабура, Построил ее из мрамора и скрепил ее гипсом, и птицы на ее вершинах вили гнезда.

(Но) не испытали страха перед нею превратности судьбы, и погибло царство, расставшись с ней, и у ворот ее безлюдно.»

Далее следует изложение истории об осаде крепости сасанидом Шапуром, причем Ибн Хишам называет Шапура II, что неверно. «Хосрой Сабур Зу-л-Актаф напал на Сатируна, царя Хатры, и два года осаждал его. Однажды дочь Сатируна взшла на стену (крепости) и взглянула на Сабур. На нем была парчовая одежда, на голове золотая корона, усыпанная изумрудами, яхонтами и жемчугом, и был он прекрасен. Тогда она послала к нему лазутчика, спрашивая: „Женишься ли ты на мне, если я открою тебе ворота ал-Хадра?“ „Да,“ — ответил он. Когда наступил вечер, Сатирун стал пить вино, пока не опьянел, а он засыпал только пьяным. Тут дочь вытащила ключи от ворот ал-Хадра у него из-под головы, послала с ними своего вольноотпущенника, и тот открыл ворота. Сабур вошел (в крепость), убил Сатируна, отдал город на разграбление и разрушил его, а женщину взял с собой и женился на ней.

Однажды ночью она улеглась в постель, но начала ворочаться, не в силах уснуть. (Сабур) велел принести свечи, осмотрел постель и нашел на ней листочек базилика. Сабур спросил ее: „И это мешает тебе спать?“ „Да,“ — ответила она. „А как обходился с тобою отец?“ — спросил Сабур. „Он устилал мою постель парчой, одевал меня в шелка, кормил меня мозгами и поил вином,“ — ответила она. Тогда он сказал: „И в воздаяние твой отец получил то, что ты сделала с ним? Со мной ты еще быстрее сделаешь это!“ И он распорядился о ней, и ее привязали за волосы к хвосту коня, который помчался и убил ее.»

Об этом говорит А'ша из племени кайс б. са'лаба:

«Разве ты не видел ал-Хадра, когда его жители
благодействовали, но разве вечен тот, кто счастлив?»

Провел возле него Шахпур ал-Джунуд
два года, ломая его секирами.

И когда он обратился к Господу своему с молитвой,
тот согласился (на разрушение города) и не покарал (за это)».

'Ади б. Зейд более подробно описывает историю дочернего предательства, и здесь указывается, что царя ал-Хадра подпоила его дочь, надеясь, что персидский царь возьмет ее в жены, «но уделом невесты стала кровь, струящаяся по ее локонам».

Несмотря на то, что истории о «настоящей принцессе» в преданиях уделяется очень незначительное место, данный эпизод отмечается всеми историографами, описывавшими историю гибели Хатры. Как видим из преданий, причиной плохого сна истинной царской дочери был миртовый (или базиликовый) листочек. Горошина под перинами появляется уже в средние века¹⁰.

Персоналии осажденной Хатры, описанные в касыдах и хрониках арабских историографов, не находят подтверждения в эпиграфическом материале. Установлено, что последним царем Хатры и окрестных земель был Санатрук II, и его генеалогия не вызывает сомнения. Данному имени соответствует Сатирун. Сирийские источники упоминают «Хатру великана Санатру» или «Хатру Санатру»; также встречается написание *Sanaṭrug*¹¹. Арабская традиция знает Хатру Сатируна (*Safīrūn*): ал-Мас'уди (IV, 81) и Йакут (II, 284) называют Сатируна сыном Санатруна, так что здесь арабское и сирийское предания пересекаются. Можно согласиться, что в данном случае арабы воспользовались сирийским источником, который, возможно, был манихейского происхождения¹². Сатирун и Санатру есть передача иранского Санатрука. Очевидно, и Бар-Бахлул, и Дионисий Тельмахрский воспользовались в своих повествованиях «Книгой Великанов» Мани. Ишо'дад — в комментариях к городам *Bet 'Aramaye*, упомянутым в Бытии 10, среди которых называется Хатра, приводит имя царя Хатры Санатру, который «*mlk' dprsy*» (царь персидский)¹³.

Арабские хронисты видели в Хатре арабский город, а в хатрийцах — выходцев из Южной Аравии. В частности, ад-Димашки связывает Хатру с сабиями¹⁴, Ибн

¹⁰A. Christensen. La princesse sur la feuille de myrte et la princesse sur le pois. — en: Acta Orientalia, 14, 1936, pp. 241-257.

¹¹Maīsq, 1955, 283, прим. 2;

¹²В «Книге Великанов» Мани Хатра названа персидской. См. Henrichs, 120, 125-132; предысторию этой книги см. у Milik, 1976, 298.

¹³Vost, op. cit., p. 140.

¹⁴См. al-Dimichqi, 38: «... в ней жили цари сабиев» (*taskunuhu mulūk aš — šābi'a*). Может показаться, что в смысле подразумевается Саба, однако это не так: сабиями назывались древние язычники

Факих — с племенами куда'а¹⁵, ал-Багри указывает на контакты Хатры с Пальмирой времен Зенобии, и даже с Гассанидами¹⁶.

Сообщения арабских хронистов указывают, возможно, на «Кахтанидский союз», так как и гассан, и куда'а, и таййи' — южно-арабские племена¹⁷, однако следует подчеркнуть, что «союз» этот сложился уже в начале ислама, и, согласно данным арабских надписей, *qhṭn* были связаны с киндой и Карйат ал-Фау, но не с Хатрой.

Царь Санатрук (*Sātīrūn*) фигурирует в трудах ат-Табари, Йакута ал-Хамави, ал-Мас'уди, Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, ан-Надима¹⁸. Согласно преданиям, Санатрук был родом из Баджармы (арам. Бет-Гармая, перс. Гармакан), области в Адиабене, и объединил вокруг себя многочисленных выходцев из кровнородственной группы бану 'абид б. аджрам и других племен куда'а¹⁹.

Если Хатра была захвачена Ардаширом I, как утверждает один из вариантов легенды, то это случилось в 237 г. В этот год он предпринял два похода на Месопотамию; возможно и то, что его нападение было безуспешным²⁰. Если захватившим Хатру был Шапур I, то падение города произошло в 240 г.

Несмотря на имеющиеся расхождения и очевидную легендарность изложения предания о гибели Хатры, арабская и, частично, иранская традиции свидетельствуют об исторической реальности борьбы Хатры с Сасанидами, о племенах куда'а и бану хуван, группировавшихся вокруг крепости и боровшихся за независимость от персов²¹.

Что касается имени Дайзан (*dyzn*), то вероятность его историчности как царя Хатры ничтожно мала. Ни надписи, ни современные описания Хатры классическими источниками не упоминают его имени даже близко. Нёльдеке отмечает, что это имя указывает на филарха *Ταιζάνας*²², выступившего поручителем за захваченных Мунзиром христиан во времена Юстиниана. Кроме того, некий *Ταιζάνης* основал город Тайзанабад²³ и поселок Мардж ал-Дайазин близ Ракки²⁴, и, возможно, это обстоятельство дало основание средневековым авторам приписать эти пункты деяниям Дайзана из Хатры²⁵.

Месопотамии, возможно, имеются в виду сабии Харрана.

¹⁵См. *Ibn al-Fakīh*, 129–130, 198; также *Balāzurī*, 284.

¹⁶См. *al-Bekī*, 17.

¹⁷Kremer; Геродиан (*Herodian*, 9, 2–3) и анонимный биограф Макрина, 12, 6: *Ταιήνοι*.

¹⁸*Nöldeke*, 1879, S. 33–37; *Tabari*, 1901, I, 705; *Yāqūt*, 1889, II, 73, 284, III, 569; *al-Mas'ūdī*, 1935, II, 156, IV, 81; *al-Isfahānī*, II, 35–36, XI, 155; *Ibn al-Nadīm*, 320–27.

¹⁹См. ссылки на ал-Бакī, ал-Dimishqī, Tabarī, ал-Mas'ūdī в: *Ibn Hishām*, 49.

²⁰Oates, 1968, p. 75.

²¹Pellat, pp. 52–53.

²²*Malalas*, ed. Bonn, 460.

²³*Балазури* 284, *Йакут* III, 569: между Куфой и Кадисией, более позднее название Кубаб Абу Нубас, см. *Lughata I — 'Arab* IX, 1913, 376.

²⁴*Yaqut* IV, 489.

²⁵Подробнее вопрос о Дайзане излагается в: *Altheim, Stiehl*. Die Araber in der Alten Welt, S. 3, 108 и далее. Дайзан, строго говоря, не имя, а прозвище, причем нелицеприятное: так у арабов наре-

Несмотря на легендарность преданий, исторически верными могут считаться следующие факты, касающиеся Хатры:

- 1) город был разрушен Шапуром I (242–272), а не его отцом Ардаширом I;
- 2) осада крепости персидскими войсками длилась значительное время (от двух до четырех лет);
- 3) последний правитель Хатры, Санатрук II, был из племенного объединения куда'а;
- 4) его власть охватывала значительную территорию Джазиры.

5) крепость пала в результате предательства и уже не восстановилась. Заканчивая наше краткое исследование, хочется привести финальные слова сказки Г.-Х. Андерсена о принцессе на горошине, которые уводят нас в далекую старину: «Знай, что история эта истинная!» И одним из ранних источников этого известного «бродячего сюжета» может служить предание о гибели древнего северо-месопотамского арабского города Хатры (ал-Хадр) — современника древних Пальмиры и Баальбека.

SUMMARY

“WANDERING PLOTS” AND ARABIC LEGENDS ABOUT THE FALL OF HATRA

In the Medieval Arabic legends about Hatra (the Arab town in North Mesopotamia) two “wandering plots” are crossed: that of the deceived father and that of the “princess on the pea”.

According to these legends, the daughter of Satirun (or Daisan), king of Hatra, fell in love with the Persian king (Ardashir or Shapur) who besieged Hatra and helped him to conquer the town. Later the Persian king got to know that the princess could not sleep well, because a small leave under the sheet disturbed her; he understood, that the parents whom she betrayed had loved her very much and had spoiled her—so he ordered to execute the girl.

These legends reflect the following historical facts about Hatra:

- I. The town was destroyed by the Persian king Shapur I in 240 A. D.
- II. The siege of the fortress continued considerable time (from two to four years).
- III. The last king of Hatra was Sanatruk II.
- IV. The fortress has fallen in the result of treachery and was never reconstructed.

The legend about the fall of Hatra could be one of the early sources of the famous “wondering plot”—“the princess on the pea”.

кался человек, взявший в жены одну из супруг своего умершего отца (см. Гиргас). Не от этой ли квазикровосмесительной связи родилась дочь-предательница? (версия С. Французова).

И. Ф. ПОПОВА
(Санкт-Петербург)

РАННЕТАНСКАЯ КАЛЛИГРАФИЯ

Нет нужды подробно говорить о том, сколь велико и многогранно значение каллиграфии в китайской культуре, сколь большое эстетическое влияние оказала она на развитие изящных искусств, литературы и письма в Поднебесной империи. Каллиграфия как уникальное, характерное для Дальнего Востока явление, сформировала культуру личности, создала ее мировосприятие, влияла на самовыражение и была по высказыванию В. М. Алексеева той «мощной силой, которая цветет, как сама природа, и в самых изысканных видах»¹. Неудивительно поэтому, что в эпохи, переломные для государства, в каллиграфии также проявлялись новые веяния и стили, которые должны были адекватно отразить дух эпохи и соответствовать потребностям времени.

Блестящая эпоха Тан (618–907) стала одним из наиболее ярких этапов в развитии традиционной китайской цивилизации и оказала глубокое влияние на весь последующий ход истории Китая и других государств дальневосточного региона. Основными чертами танского этапа стали расцвет императорской власти, оптимальная организация общества и государства (высокоразвитые административная и военные системы, налогообложение, просвещение), а также замечательные достижения в сфере культуры, искусства, литературы и науки. Каллиграфия не могла остаться в стороне от этих перемен, и начало эпохи Тан было озаменовано тем, что, с одной стороны, расширение объемов делопроизводства в рамках централизованной империи привело к обновлению каллиграфии, формированию нового стиля — и лапидарного, и монументального одновременно, — а с другой, особое личное покровительство танских государей позволило утонченному искусству письма расцвести и достичь новых высот.

Известно, что с диньских времен и до начала Тан основными почерками, которые использовались для делового письма, были *лишу* и *чжуань*. Стили *кайшу*, *синшу*

¹В. М. Алексеев. Китайская литература. — в: Избранные труды. М., 1978, с. 217.

и *цаошу*, сформировавшиеся в это время, не допускались до официальных бумаг и были почти исключительно средством для самовыражения талантов, стремившихся к высшим формам искусства. Но с раннетанского времени почерки *кайшу* и *синшу* утвердились в деловой переписке, и в обоих почерках был создан стиль, который стал результатом начавшегося в период Наньбэйчао (220–581) процесса слияния двух независимых направлений — стиля патриарха китайской каллиграфии *цзиньского* Ван Си-чжи (Ван Ю-цзюня, 321–379 или 303–361), которого почитали на юге, и принятого на севере стиля вэйских стел. Основой достигнутого синтеза был, безусловно, стиль прославленного Ван Си-чжи, отличавшийся выразительностью, ясными приемами и сильными штрихами. Имя этого патриарха каллиграфии почиталось в Китае на протяжении веков. Образцы его почерка считались эталонными и копировались, а созданная им философия легла в основу многих трактатов по искусству каллиграфии. Начало Тан было одним из периодов наибольшего интереса к творчеству Ван Си-чжи.

Связано это прежде всего с личностью Тай-цзуну (627–649), выдающегося монарха-реформатора, который был тонким знатоком и ценителем каллиграфии, а также поклонником творчества и собирателем произведений Ван Си-чжи. «Тот, кто учится каллиграфии, — писал Тай-цзун, — должен прежде всего постичь те прекраснейшие образцы, в которых наилучшим образом воплотилось творчество Ван Ю-цзюня. [Почерк] *кайшу* [необходимо изучать на основании его] трактата «О радости и упорстве» («Юэ и лунь»), [почерк] *синшу* [на основании] «Орхидейной беседки» («Лань тин»), [почерк] *цаошу* [на основании] «Семнадцати прописей» («Ши ци те»). И не нужно допускать застывших форм. В этом состоит основной принцип каллиграфии»².

По сообщениям источников, в период своего царствования Тай-цзун скупал автографы Ван Си-чжи³ и подлинные произведения прочих знаменитых каллиграфов. К Ван Си-чжи Тай-цзун относился с особым трепетом и лично написал послесловие к его биографии для «Истории династии Цзинь» («Цзинь шу»)»⁴. Впоследствии собранные им образцы почерка Ван Си-чжи, а также еще одного «мэтра» каллиграфии — вэйского Чжун Ю (Чжун Юань-чана, 151–230) — составили 1510 свитков⁵. В числе этих раритетов была знаменитая «Орхидейная беседка с предисловием» («Лань тин сюй») Ван Си-чжи, приобретенная, как считалось, не совсем честным путем чиновником Сяо И в Юэчжоу для Тай-цзуну в бытность его Цзинь-ваном. Увлекался Тай-цзун и коллекционированием эстампажей — отисков, снятых с надписей на каменных стелах. Сановники с похвалой отзывались о содержании и художественном

² Дун Гао, *сост.*, Цюань Тан вэнь (Полное собрание танской литературы). Пекин, 1982, цз. 10, 123.

³ Оуян Сю и Сун Ци, *сост.*, Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Пекин, 1986, цз. 105.30, с. 4024.

⁴ Лю Сюй, *сост.*, Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). Тайбэй, 1976, цз. 66.16, с. 2463.

⁵ Ван Пу-и, *сост.*, Тан хуй яо (Основные сведения о танской эпохе). Сер. Цун шу цзи чэн. Шанхай, 1936, цз. 35, с. 646.

достоинстве десяти альбомов эстампажей, которые государь часто показывал своим приближенным и оживленно с ними обсуждал. При жизни Тай-цзун не расставался с образцами каллиграфии и после смерти государя они в числе любимых его вещей были погребены вместе с ним. В 649 г., после кончины Тай-цзуна, обсуждая обустройство его усыпальницы Чжаолин, известный сановник Чу Суй-лян (596–658) — сам выдающийся каллиграф — подал императору Гао-цзуну (650–683) докладную записку, где указал, что покойный государь высоко ценил «Орхидейную беседку», и предложил поместить ее вместе с частью каллиграфической коллекции Тай-цзуна в усыпальницу. Согласно описанию Чжаолин, «внутри располагались восточная и западная галереи, где были расставлены выдолбленные из камня ящики, в которых были одеяния, мечи в ножнах, а также хранились автографы Чжун Ю и Ван Си-чжи»⁶.

Помимо умозрительного эстетического, искусствоведческого интереса к творчеству названных выдающихся каллиграфов древности, Тай-цзун испытывал к ним и ученический интерес, т.к. сам постигал искусство каллиграфии, копируя через тонкую бумагу их почерк, в чем добился отличных результатов. Собственная каллиграфия Тай-цзуна получила высокую аттестацию, а его манера именовалась «волшебной кистью». С особой похвалой отзывались современники — в частности, сановник Фан Сюань-лин (579–648) — о собственной государю манере письма, в которой «он превзошел и Чжун [Ю], и Ван [Си-чжи]»⁷, работая в достаточно трудном стиле *фэйбо* («летающей белизны»), когда иероглифы пишутся с белыми просветами, как будто на кисти не хватило туши (с имитацией засохшей туши).

Иногда бывало, что в знак поощрения император жаловал своим приближенным образцы каллиграфии, в которых воплощал свои высочайшие напутствия. В 21-й год правления под девизом Чжэнь-гуань (647) Тай-цзун, чтобы вознаградить Ма Чжоу (601–648), собственноручно написал ему в стиле *фэйбо* следующие слова: «Луани и фениксы возносятся ввысь, опора их — крылья, те, кто государю, как крылья, — преданны и честны»⁸.

Помимо этого классическая эрудиция Тай-цзуна воплотилась в ряде произведений по теории каллиграфического искусства, три из которых вошли в «Полное собрание танской литературы» («Цюань Тан вэнь»). Это небольшие трактаты «О каллиграфии» («Би фа лунь»), «О писании пальцем» («Чжи фа лунь») и «О стилях письма» («Би и лунь»). В этих сочинениях Тай-цзун формулировал законы искусства, предлагал собственные методики овладения мастерством каллиграфии и пытался дать определение тончайшим формам линий, точек и поворотов кисти: «Приступая к письму, — писал он, в частности, в трактате «О каллиграфии», — сосредоточивают зрение, не внимают звукам, освобождают мысли, преисполняются радости вдохнове-

⁶Чжао Кэ-яо, Сюй Дао-сюнь. Тан Тай-цзун чжуань (Биография танского Тай-цзуна). Пекин, 1987, с. 397.

⁷Лю Сюй 1976, цз. 66.16, с. 2465.

⁸Там же, цз. 74.24, с. 2619.

ния. Если сердце цельно, а дух спокоен, достигают сокровенной сути; если сердце и душа пристрастны, знаки наклонны; если желанья и дух суетны, знаки неустойчивы, подобно утвари из храма в Лу. Также скажу: чтобы написать точку, нужно сконцентрировать внимание и сделать акцент на напряженности и тяжести; чтобы написать откидную черту, нужно проявить сдержанность, сделать акцент на замедлении и неторопливости; чтобы написать восходящую, нужно сделать легкое касание, направить внимание на преодоление и усилие; чтобы написать вертикальную черту, нужно разгневаться, сосредоточиться на борьбе и смелости; чтобы написать «крюк вправо», необходимо смягчиться, остановиться в нерешительности и сделать движение вправо; чтобы написать охватывающую черту, нужно постичь целость [образа], распределить внимание [между] сжатостью и остротой, а также охватом и поворотом; чтобы написать откидную вправо, нужно почувствовать простор, остановиться на «трех изломах» и [будто] бросить кисть»⁹.

В начале эпохи Тан каллиграфии отводили место и в системе государственного образования — среди экзаменов на чин был экзамен по теории каллиграфии, а для претендентов на степень *цзиньши* в программу включались и практические испытания в искусстве каллиграфии. В 1-й год Чжэнь-гуань (627) указом императора из числа детей столичных чиновников выше пятого ранга были выбраны 24 человека, имевшие способности к каллиграфии. Они были переданы в ведение Академии поощрения литературы (*Хунвэньгуань*) и должны были постоянно упражняться. Им был разрешен доступ в императорский дворец, чтобы образцы своей каллиграфии предьявлять лично государю¹⁰.

Высочайший патронаж каллиграфии привел к тому, что многие эрудиты по приказанию монарха и по собственному выбору копировали почерк Ван Си-чжи и достигли в этом больших успехов. В раннетанское время жили и прославили себя четыре знаменитых каллиграфа — Оуян Сюнь (557–641), Юй Ши-нань (558–638), Чу Суй-лян и Сюэ Цзи (649–713); каждый из них, начав с воспроизведения стиля Ван Си-чжи, отличился в написании всех основных почерков и сформировал свое собственное направление. В биографии Оуян Сюня об этом сказано так: «Сначала [он] подражал почерку Ван Си-чжи, а затем едва не превзошел его, по его собственному имени был назван [созданный] им почерк, а стиль письма, ему присущий, люди почитали эталонным. Из [государства] Когур, бывало присылали посланцев за его [автографами]. Император Гао-цзу говорил в восхищении: „Когда зриаешь на каллиграфию [Оуян Сюня], как не назвать [созданные] им формы выдающимися?“ Как-то Оуян Сюнь отправился поглядеть на стелу, воспроизводящую почерк Со Цзина. Он смотрел на нее, отходил на несколько шагов и возвращался, а когда утомился, уселся [рядом], нашел ночлег поблизости и только через три дня смог уйти»¹¹. Юй Ши-нань с юных

⁹ Дун Гао 1982, цз. 10, с. 123.

¹⁰ Оуян Сю. Сун Ци 1986, цз. 47.37, с.1209.

¹¹ Там же, цз. 198.123, с. 5645.

лет почитал своим учителем Чжи Юна, который учился на образцах Ван Си-чжи¹². Чу Суй-лян был известным коллекционером и экспертом. Когда Тай-цзун скупал автографы Ван Си-чжи и об этом было объявлено в Поднебесной, все наперебой стали подносить их ему и, конечно, встречались такие, кто стремился выдать фальшивое за настоящее. Тай-цзун дал распоряжение Чу Суй-ляну оценивать подлинность образцов, и тот ни разу не допустил ошибки¹³. Сюэ Цзи жил несколько позже трех упомянутых каллиграфов, он был внуком легендарного Вэй Чжэна (580–643), часто бывал в доме деда, в библиотеке, стены которой помнили Юй Ши-наня и Чу Суй-ляна. «Сюэ Цзи с жаром сердца отдавался подражанию им, манера его письма была энергичной и изящной, недостижимой для современников»¹⁴.

Из трех великих каллиграфов, своих современников, Тай-цзун более всех почитал Юй Ши-наня, с похвалой отзывался о его каллиграфии и даже приказал ему написать тексты из «Биографий образцовых женщин» («Ле нью чжуань») на поверхности ширм в императорском дворце¹⁵. Сохранились одобрительные высказывания Тай-цзуна о почерке Юй Ши-наня и его работах по теории каллиграфии. «После смерти Юй Ши-наня, — сказал как-то Тай-цзун, обратившись к Вэй Чжэну, — не с кем стало рассуждать о каллиграфии!»¹⁶. Согласно источнику «Основы управления периода Чжэнь-гуань» («Чжэнь-гуань чжэн яо»), Тай-цзун отмечал, что «[Юй] Ши-нань имеет пять исключительных особенностей: первая — безупречно добродетельное поведение; вторая — честность; третья — обширные познания; четвертая — красноречие; пятая — выдающийся почерк»¹⁷.

Помимо четырех именитых каллиграфов, вошедших в анналы династийных историй, необходимо упомянуть и еще одного — монаха Хуай-жэня из храма Хунфуся при Чжаолин, который тоже внес свой вклад в развитие официального стиля письма в раннетанское время.

Образцы раннетанской каллиграфии, высоко ценимые и почитаемые в странах Дальнего Востока, сохранились до нашего времени во многом благодаря распространенному в Китае искусству эпиграфики. Каменные стелы с надписями разного характера, в том числе воспроизводящими почерк известных каллиграфов древности и средневековья, всегда были примечательной частью китайского пейзажа. В коллекции эстампажей рукописного собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН в настоящее время хранится 409 эстампажей, относящихся ко времени династии Тан. Из них значительную часть составляют надписи с текстами конфуцианских классиков из Бэйлиньского музея стел в Чанани, созданного в

¹² Лю Сюй 1976, цз. 72.22, с. 2565.

¹³ Оуян Сю. Сун Ци 1986, цз. 105.30, с. 4024; Ван Пу-и 1936, цз. 35, с. 646.

¹⁴ Оуян Сю. Сун Ци 1986, цз. 98.23, с. 3894; Лю Сюй 1976, цз. 73.23, с. 2591.

¹⁵ Оуян Сю. Сун Ци 1986, цз. 73.23, с. 3972.

¹⁶ Там же, цз. 102.27, цз. 3972; Ван Пу-и 1936, цз. 35, с. 646.

¹⁷ У Цзин, сост., Чжэнь-гуань чжэн яо (Основы управления периода Чжэнь-гуань). Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936, цз. 2.3, с. 136.

836 г.; кроме того, некоторые эстампажи воспроизводят эпитафии, некоторые императорские указы, некоторые буддийские памятники, а также литературные сочинения светского характера. В собрании имеются надписи, воспроизводящие почерк двух из упомянутых выше каллиграфов — Чу Суй-яна (иллюстрация 1) и Хуай-жэня, имитировавшего почерк Ван Си-чжи (иллюстрация 2).

SUMMARY THE EARLY TAN CALLIGRAPHY

In the period of Tan dynasty (618–907 A. D.) the expansion of the office-work in the frame of the centralized empire led to the renovation of calligraphy and to the formation of new style of writing – lapidary and monumental at the same time. The personal patronage of Tan emperors largely contributed to the flourishing of the calligraphic art.

The emperor Tay-tsun (627–649 A. D.) was a perfect connoisseur of calligraphy and a collector of the best specimens of this art. He himself has invented a new mode of writing, the so-called “Magic brush manner”, and has written several theoretical works about calligraphic art.

During the early Tan dynasty the calligraphy was included in the system of official education: from this time the officials had to pass the examination in the theory of calligraphy.

Иллюстрация 1.

EST 427

«Государем [Гао-цзуном] во дворце Чуньгун в течение одного дня высочайше сочинен сей текст;

записано мною, правым помощником главы Кабинета министров (*Шаншу ю пуе*), Высочайшим опорой Государства Хэнаньцзюнь-кайго-гуном Чу Суй-ляном;

Вань Вэнь-шао вырезал иероглифы».

Инв. 1918 № 157

Эстампаж № 38 второй коллекции В. М. Алексева; Г 217;

2 листа:

1) 68 × 147,5 см; 20 строк по 40 знаков

2) 69,5 × 148,5 см; 20 строк по 42 знака

Иллюстрация 2.

EST 451

«Предисловие к Трипитаке Великой Тан.

Тай-цзуном, Государем просвещенным, высочайше сочинено;

в Чанани недоучившийся Фэй Цзя отчеканил;

Вэнь Юй возобновил надпись;

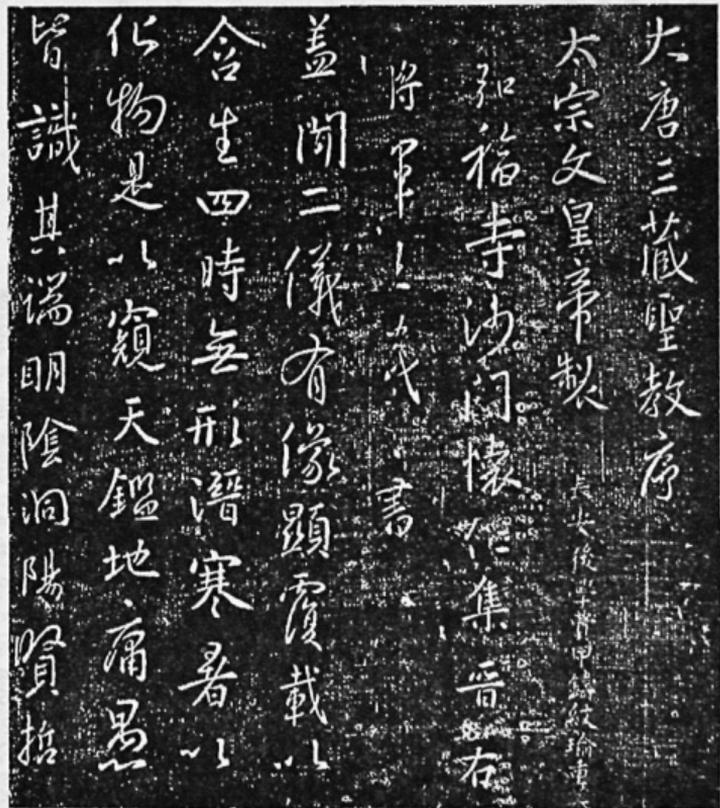
Хуай-жэнь, монах [храма] Хунфусы, собрал записанное правым Цзиньским генералом Ван Си-чжи».

Эстампаж № 25 второй коллекции В. М. Алексева, Г 74; Бэйлинь

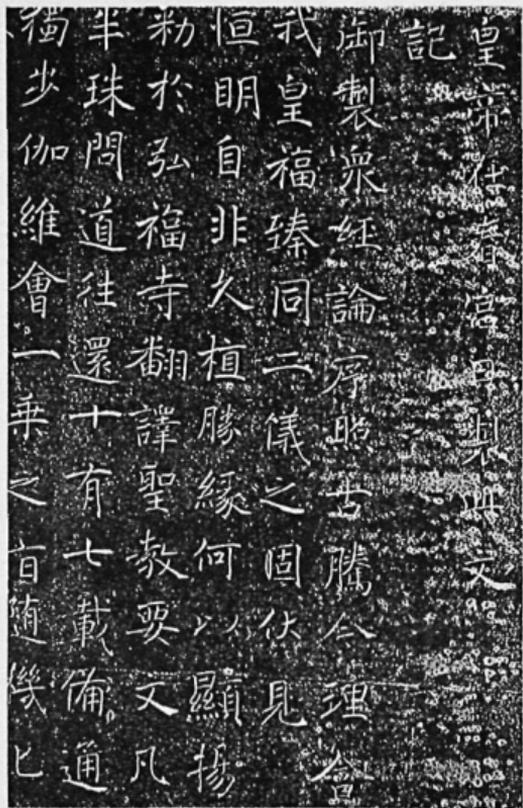
Инв. 1918 № 157

25 листов размером 26 × 28 см, в 8 строк по 10 знаков

почерк *синшу*

Илл. 2. Эстампаж № 25 второй коллекции В. М. Алексеева, Г 74; Бэйлинъ

Илл. 1. Эстампаж № 38 второй коллекции В. М. Алексеева; Г 217

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

(Ташкент)

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПИГРАФИКЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Медный предмет с именем амира Аби Мансура Насра б. Ахмада

В 1896 г. В. Г. Тизенгаузен опубликовал медный предмет с арабской надписью. Он был приобретен В. В. Бартольдом во время его путешествия по Туркестану в местности Шахристан, расположенной вблизи города Ура-тюбе в Северном Таджикистане¹. Предмет овальной формы, выпуклый с одной стороны и вогнутый с другой. Выпуклая сторона предмета покрыта сложным растительным орнаментом; центральное поле другой стороны — гладкое без какого-либо орнамента, в обрамлении круговой арабской надписи, с элементарными цветущего куфи.

В. Г. Тизенгаузен прочитал ее так:

«Эмиру Абумансуру Носайру сыну Ахмада, да увековечит Аллах славу его, амин!»

Не вызывает сомнения правильность большей части чтения этой надписи, предложенного В. Г. Тизенгаузенем, однако он ошибся, читая имя амира как Носайр, принимая отходящий от основной части буквы *sād* конечный завиток за букву *ayn*. На самом деле именно такое написание буквы *sād* с конечным завитком весьма характерно для саманидских монет. Поэтому здесь нет двух букв, а имеется только одна — *sād*. В силу этого обстоятельства следует читать имя амира, приведенное в надписи, не *نصير* — Носайр, а *نصر* Наср, а всю надпись так: «Ал-амир Аби Мансур Наср б. Ахмад, да увековечит Аллах славу его, Аминь!»

Илл. 1. Надпись на медном предмете (по В. Г. Тизенгаузену)

الامير ابى منصور نصير بن احمد ادامر الله كرمه الامين

¹ В. Г. Тизенгаузен. «Пайзе» с арабской надписью. — в: ЗВОРАО, т. IX, в. IV. СПб, 1896, с. 279-280.

В. Г. Тизенгаузен отнес данный предмет к XIII–XIV вв., основываясь на якобы имеющемся сходстве стиля письма надписи с надписями на металлических зеркалах этого времени. Исходя из этой датировки, он считал, что данный предмет мог быть либо амулетом, либо знаком отличия, либо *پایزه*, выданной упомянутому в надписи лицу — Аби Мансуру Носайру б. Ахмаду (в его чтении) одним из хулагуидских ханов.

Однако подобная датировка и трактовка данного предмета как пайцзы не представляется нам корректной. Стилистические особенности надписи, написание отдельных букв, употребление выражения *الله كزه* — свидетельствуют в пользу датировки саманидским временем. Об этом же говорит содержание самой надписи.

Бросается в глаза сходство употребленных в надписи титулов и имени с титулами и именем саманидских амиров. Таковых было двое: амир Наср I б. Ахмад (864–892) — первоначально правитель Самарканда и ал-амир ас-Са'ид Наср II б. Ахмад (914–943). Однако как будто ни у одного из них не было куньи *ابی منصور*.

Вместе с тем аналогичную кунью, личное имя отца носил саганийанский амир *احمد ابی منصور نصر بن احمد*. Он был сыном могущественного политического и военного деятеля саманидской эпохи Абу Али Чагани. Из письменных источников известно, что в конце 340 / мае 952 г. Абу Али Чагани, назначенный на пост наместника Хорасана, оставил Саганийан в управление своему сыну Абу Мансуру Насру б. Ахмаду².

Выявлены и медные фельсы, битые от его имени в Саганийане в 365/975–76 г.³ Следовательно, получив в 952 г. в свое владение Саганийан, он продолжал управлять им, судя по монетам, и в 975–76 г. В круговой легенде на монетах приведены его титул, кунья и имя *الامير ابی منصور نصر بن احمد*, полностью совпадающие с таковыми же на изучаемом предмете.

Исходя из этого можно предположить, что описанный предмет относится ко второй половине X в. и, судя по содержанию надписи, мог принадлежать саганийанскому амиру Аби Мансуру Насру б. Ахмаду.

Отметим, что данный предмет был приобретен В. В. Бартольдом в местности Шахристан, соответствующей городищу Шахристан — средневековой столице области Уструшана — городу Бунджикату⁴.

Известно, что Уструшана и Саганийан имели общую границу, проходившую через Зеравшанский и Гиссарский хребты, через которые в Саганийан вели караванные тропы и дороги. По одной из них, между прочим, через труднодоступный перевал

²В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского завоевания. Соч., т. I. М.-Л., 1963, с. 309.

³Э. В. Ртвеладзе. Саганийанские медные фельсы Мухтаджидов X в. — в: Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 231–237.

⁴Н. Н. Незматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Материальная культура Уструшаны. Вып. I. Душанбе, 1966, с. 194.

Мура в начале XVI в., отступил Бабур после поражения от Шейбани-хана⁵. Поэтому ничего нет странного в поступлении данного предмета из Саганийяна в Уструшану. Однако неясно, принадлежал ли он непосредственно амиру Саганийяна, или являлся продукцией массового производства?

В пользу первого говорит его уникальность, отсутствие других аналогичных находок; в пользу второго — сравнительно дешевый материал, медь. Б. Д. Кочнев обратил мое внимание на находку медной складной ложки с вилкой, датированных М. Е. Массоном XI — первой половиной XII в. и найденных на городище Ак-тобе I в Южном Казахстане⁶. Овальный слегка вытянутый резервуар этой ложки и расположение арабской надписи по его краю аналогичны анализируемому предмету, что позволяет также считать его частью ложки. В надписях на них можно заметить некоторые совпадения имен, но и только; владельцы их — два разных лица: один из них мулла, другой — амир.

При всех обстоятельствах, часть ложки из Шахристана является незаурядным эпиграфическим памятником и предметом прикладного искусства Средней Азии саманидского времени.

2. К чтению надписи на портале мавзолея Мир Са'ид Бахром

Мавзолей Мир Са'ид Бахром в Кермине наряду с мавзолеем Саманидов в Бухаре (конец IX—X вв.) и мавзолеем Араб-Ата (последняя четверть X в.) является одним из самых ранних сохранившихся сооружений подобного типа в Мавераннахре. Он принадлежит к так называемым центрическим мавзолеям и датируется на основании планировочного и объемного решения, а также стилистических особенностей, концом X — началом XI в.⁷ Однако не выявлена принадлежность мавзолея конкретному лицу; позднейшая традиция приписывает его некоему святому по имени Мир Са'ид Бахром, т.е. духовному лицу.

Уточнить атрибуцию могла бы куфическая надпись, помещенная в рамку стреловидной арки, оформляющей вход в мавзолей. Однако она сохранилась весьма плохо: на правой стороне арки надпись присутствует от начала и почти до замка арки, но в замке и частично с левой стороны она отсутствует. В. А. Нильсен⁸ приводит чтение четырех начальных слов этой надписи, представляющих собой обычную басмаллу *بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ* «Во имя Аллаха милостивого, милосердного».

Насколько нам известно, никаких других попыток чтения данной надписи не предпринималось. Между тем, в левой ее части сохранилось несколько слов, позволяющих

⁵Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.

⁶Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 147–171.

⁷А. К. Писарчик. Памятники Кермине. — в: СИИ и ТА, вып. 4. М., 1944, с. 24; В. А. Нильсен. Монументальная архитектура бухарского оазиса. Ташкент, 1956, с. 44; Г. А. Пугачеткова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, с. 124.

⁸В. А. Нильсен. Указ. соч., с. 41.

с определенной долей вероятности выявить принадлежность мавзолея конкретному лицу. Покойный архитектор В. М. Филимонов любезно передал мне уменьшенную копию надписи, сделанную до реставрации мавзолея, в которой имеются три буквы в завершающей сохранившейся части надписи (отсутствующие сейчас в натуре).

Чтение надписи

Правая сторона: *بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ كَد مَن قَبِل* «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Всякий, кто прежде [...]

Левая сторона: ... *صَلَوُا (لِل) الْجَلَالِ بِهَا* [...]

Эта часть надписи особенно важна для исторической интерпретации. В ней довольно ясно читается слово *الجلال*, которое может быть прилагательным «великолепный» в словосочетании типа *امیر الجلال*, но стоящее перед ним слово явно не *амир* и не поддается чтению. Зато следующее за *الجلال* слово читается также достаточно ясно — это *بها*, видимо, часть лакаба типа *بها الدولة*, тем более, что на копии В. М. Филимонова за словом *بها* сохранился артикль *ال*.

Таким образом, можно предположить, что в левой стороне надписи содержалось имя, титулатура и лакаб захороненного в этом мавзолее лица: [...] *الجلال بها ال[دوله]* «[...] ал-Джалал Беха ад-Даула». Вероятнее всего, надпись, судя по оставшемуся расстоянию, завершалась компонентом лакаба.

Привлекает внимание лакаб *Беха ад-Даула* — «Блеск Государства», явно принадлежащий светскому лицу, находившемуся на высших ступенях иерархической лестницы. Такого рода лакабы с компонентом «Даула» (*Сана ад-Даула*, *Нур ад-Даула*, *Шамс ад-Даула*, *Му'изз ад-Даула*) весьма характерны для раннекараханидских правителей и отсутствуют у саманидских амиров Мавераннахра.

По подсчетам Б. А. Кочнева на караханидских монетах зафиксированы 34 лакаба с компонентом *ад-Даула* — во много раз больше, чем лакабов с другим компонентом⁹.

Однако лакаб *Баха ад-Даула* на раннекараханидских монетах встречается весьма редко. Наиболее раннее его употребление отмечено на дирхемах Самарканда 407/1016–1017 г.¹⁰ В Бухаре в 411–415/1020–1025 гг. чеканят монеты от имени Баха ад-Даула Бига-тегина; согласно Б. Д. Кочневу, более правильное чтение — Йанга-тегин¹¹. М. Н. Федоров полагал, что лакаб Баха ад-Даула принадлежал караханиду Мансуру б. Али, относившемуся к «алидской» ветви этой династии¹². Однако

⁹ Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 2. (Караханиды). — в: ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979, с. 124.

¹⁰ М. Н. Федоров. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. — в: НЭ, X. М., 1972, с. 144.

¹¹ Б. Д. Кочнев. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов. — в: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 222.

¹² М. Н. Федоров. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. — в: НЭ, XI. М., 1974, с. 161, 165 и табл. 1.

Б. Д. Кочнев на основании всестороннего и критического анализа монетных легенд пришел к выводу, что данный лакаб носил караханидский правитель Али б. Хасан, принадлежавший к другой ветви этой династии — «хасанидам». Он имел титул Йанга Иаган-тегин, Арслан-илек, илек, Кылыч-ога, Таркан/Тархан, Тафгач/Табгач Бугра кара-хакан, Тафгач Бугра-хакан¹³.

Других раннекараханидских правителей с лакабом Баха ад-Даула пока не выявлено. Али б. Хасан скончался в 426/1034–1035 г., место его погребения неизвестно.

По нумизматическим данным известно, что в 415–420/1024–1029 гг. Кермине владели сельджукиды: Му'изз ад-Даула Ябгу, т.е. Муса б. Сельджук, Сайф ад-Даула, вероятно, его племянник Ибрахим Йинал и Джабраил б. Мухаммад¹⁴. Однако ни один из них не имел лакаба Баха ад-Даула.

Учитывая вышесказанные обстоятельства, можно с большой долей вероятности допустить, что мавзолей Мир Са'ид Бахром принадлежал одному из караханидских правителей, имевшему лакаб Баха ад-Даула (по Б. Д. Кочневу — Али б. Хасан) и датируется второй четвертью XI в.

Если наше доказательство верно, то данный мавзолей является наиболее ранним караханидским, а следовательно тюркским мусульманским мавзолеем Средней Азии.

SUMMARY

NOTES ON THE MEDIEVAL EPIGRAPHY OF CENTRAL ASIA

In the article the reading of two Arabic inscriptions is refined and new datings are proposed:

1) The inscription on the copper object, published in 1896 by W. G. Tiesenhausem, dates from the second half of the Xth century. The object is a part of a spoon, which most probably belonged to the Saghanijan amir Abu Mansur Nasr ben Ahmad.

2) The mausoleum Mir Sa'id Bahrom in Kerminе most probably belonged to one of the Qarakhanid rulers and dates from the second quarter of the XIth century. If this supposition is right, we must consider this monument the earliest Turc Muslim mausoleum in Central Asia.

¹³ Б. Д. Кочнев. Караханидские монеты..., с. 22.

¹⁴ Б. Д. Кочнев. Там же..., с. 27.

Я. В. ТАРАСЮК

(Москва)

**О ДАТИРОВКЕ ЦАРСКОГО ДАРЕНИЯ
В ГРАМОТЕ НАНДИВАРМАНА II ПАЛЛАВАМАЛЛИ
ИЗ СЕЛЕНИЯ ПАТТАТТАЛЬМАНГАЛАМ
(ПРИМЕРНО 792 ГОД Н.Э.)**

В период правления Паллавов (середина III — начало X века) в Южной Индии получает развитие тенденция к изменению роли царского дара в социально-политических отношениях. Начиная с VII века санскритско-тамилские грамоты Паллавов (всего сохранилось 10 грамот) фиксируют прежде не упоминавшуюся в источниках процедуру дарения земли и деревень, согласно которой царь не является инициатором и, в определенном смысле, исполнителем дарения. Он санкционирует дар в ответ на прошение влиятельного подданного¹. Фиксация же царских дарений оказывается функцией общинного объединения *наду* и его представителей — *наттаров*². Реконструируемая по этим грамотам многоступенчатость царского дарения интерпретируется как проявление модели взаимоотношений, называемой «разделенный суверенитет»³.

Многоступенчатость царского дарения подразумевала некоторый продолжительный временной период его реализации. Поэтому при интерпретации указываемой в царской грамоте даты большое значение имеет контекст ее упоминания, то есть какой именно период совершения дарения она представляет. Так, дата, указываемая

¹Представляется, что основной целью прошения о даре было получение согласия царя на дарение. Детали дарения согласовывались позднее.

²Подробней см.: диссертационное исследование автора и статью: Я. Тарасюк. «Дарственные грамоты Паллавов на медных таблицах (Предварительный анализ церемонии дарения земли в Южной Индии VII–IX веков)». — в: Эпиграфика Востока, XXV выпуск. Москва, 1998, с. 107–129.

³N. B. Dirks. Political Authority and Structural Change in Early South Indian History. — in: The Indian Economic and Social History Review, Vol. 13, New Delhi, 1976, pp. 144–145.

в санскритско-тамильских грамотах⁴, определенно привязывается к моменту издания царского распоряжения о дарении (тирумугама)⁵, представляя собой некий промежуточный момент между прощением о даре и фиксацией условий дара наттарами (то есть, демаркацией границ и, затем, изданием их собственного распоряжения арей-олай).

Временная детализация дарения могла бы не иметь решающего значения, так как большинство дарений, по всей вероятности, происходило в течение одного царского года, который, собственно, и указывался в грамоте. Но данные одной грамоты Нандивармана II заставляют внимательней отнестись именно к проблеме продолжительности периода реализации царских дарений.

В грамоте Нандивармана II, обнаруженной в начале века при раскопках в селеении Паттаттальмангалам⁶ (талук Тируттурейппунди в дистрикте Нагапаттинам штата Тамиланаду), есть уточняющие данные о времени совершения царского дарения. Содержащееся в этой грамоте царское распоряжение о дарении, обращенное к наттарам, датировано 61 годом правления паллавского царя — прим. 792 годом. В нем говорится о дарении 16 вели⁷ земли как брахмадейя («дар брахманам»). Далее разъясняется, что по просьбе правителя Мангала-наду 12 из 16 вели земли были подарены в 59 году правления царя (прим. 790 год), а оставшиеся 4 вели дарятся в текущем 61 году правления Нандивармана II.

Отсутствие в царском тирумугама каких-либо ссылок на возможное предыдущее распоряжение царя или дарственную грамоту, а также обычно указываемых данных⁸ о получателе дара и его доле⁹ может говорить о том, что по каким-то причинам никаких

⁴О датировке санскритских грамот Паллавов см.: T. V. Mahalingam, ed., *Inscriptions of the Pallavas*. Delhi, 1988, pp. CXXXI–CXXXIII (далее Pallava inscr.).

⁵Следует отметить, что ссылка на год правления паллавского царя в тамильской части грамоты аналогична датировкам надписей общинных организаций на стенах храмов и скалах, расположенных на территории поселений. В 3-ем лице указывается год правления и имя паллавского царя. Сравните датировку грамоты из Паттаттальмангалам: கோவிஜயநந்திவிக்கிரமபருமற்கு யாண்டு அறுபத்தொன்றாவது («61 год царя Виджая-Нандивиккирамапарумара») [Pallava inscr., no. 90, p. 316, lines 22–23] и датировки, например, надписей органов руководства общинами (совета ура и ганам) селений Саттамангалам и Пейянуур: பிந் நந்தி போத்தரைசர்கு முப்பத்துமுன்றாவது ஷீபத்தமங் கலத்துரோம் («33 год Шри Нандипоттарайсара мы, ур Саттамангалам») [Pallava inscr., no. 82, p. 277, lines 1–2] и கோவிஜய நந்திவிக்கிரமபருமற்கு யாண்டு முப்பத்தொன்று பைபினூர் க்கணத்தேம் («37 год царя Виджая-Нандивиккирамавармана мы, ганам Пейянура») [Pallava inscr., no. 83, p. 279, lines 1–2]. Если для надписей общинных организаций это представляется естественным, то в собственных грамотах паллавских царей выглядит примечательно.

⁶Pallava inscr., no. 90, pp. 314–318.

⁷1 вели равен примерно 5 акрам [M. Winslow. *A Comprehensive Tamil and English dictionary*. First published 1862. New Delhi, 1992, p. 965] или 2 гектарам. Точная величина вели для периода правления Паллавов не известна.

⁸См.: Pallava inscr., nos. 17, 77, 81, 155, 257.

⁹Список имен шестнадцати брахманов дан в конце грамоты, что, по-видимому, связано с тем, что он был составлен позднее и, по крайней мере, в 59 году правления Нандивармана II имена всех брахманов,

распоряжений наттарам о дарении 12 вели земли в 59 году правления паллавоского царя направлено не было.

По тексту грамоты мы видим, что только в 792 году Нандиварман II отдает распоряжение о дарении земли в селении Таликкотрангуди в ответ на повторное прошение об этом правителя Мангала-наду¹⁰. Примечательно, что и в санскритской части грамоты при ссылке на совершение дарения также указывается, что правитель Мангала-раштры¹¹ дал группе брахманов «желаемое ими» после «повторного, неоднократного»¹² прошения к своему «господину»¹³.

Представляется, что указанные в грамоте из Паттаттальмангалам годы правления царя показывают, что выполнение решения царя о дарении могло растягиваться на продолжительное время, в данном случае до двух лет. В течение этого периода, по-видимому, происходило определение того, кто именно, что конкретно и на каких условиях получает в качестве дара от царя. И как мы видим по тексту грамоты из Паттаттальмангалам, условия дара могли корректироваться.

Существуют и другие варианты интерпретации датировки грамоты из Паттаттальмангалам. Дело в том, что описанное в грамоте дарение в 59 год правления

которые должны были получить дар, были не известны. Что же касается доли каждого брахмана, то она не была определена и к моменту издания грамоты.

¹⁰கோவிலையநந்திவிக்கிரமபருமற்கு யாண்டு அறுபத்தெனண்நாவது மங்கலநாபாழ்வான் விண்ணப்பத்தால் ஆலப்பாக்கவினையநல்லுழான் ஆணத்தியாக சோழநாட்டுத்தென்கரை ஆருவலக்கூற்றத்து நாட்டார் காணக தங்கநாட்டுத்தனி[யூர்] லிற்சற்று நற்பதிற்றுவேலியுள்ளும் பழபிரமதேயம் இரப்பத்துநா[வேலியும்] நீக்கி நின்றபதினறுவேலியுள்ளும் யாண்டு அயம்பத்தொன்பதாவது மங்கலநாபாழ்வான் விண்ணப்பத்தாற் ஆலப்பாக்கவினையநல்லுழான் ஆணத்தியாக பெருமானடிகளும் பிரமதேயமாக அருளிச்செய்த பன்னிரு வேலியும் யாண்டு அறுபத்தொன்றாவது மங்கலநாபாழ்வான் விண்ணப்பத்தாற் ஆலப்பாக்கவினையநல்லுழான் ஆணத்தியாக அருளிச்செய்த ரால்வேலியும் உள்ளிட்டு பதினறுவேலியும் உடர்க்கூறு புள்ளிவழியார் மனையும் மனைப்பட்டி ஒழிவின்றிப்பிரமதேயமாகப்பணித்தே என்ற நாட்டார்குவிட்ட திருமுகங் [Pallava inscr., pp. 316–317, lines 22–32]. Перевод: «61 год царя Виджая-Нандивикрама-вармана по просьбе правителя Мангала-наду, при исполнении Виджайяналлужана из Алаппаккам наттары Арувала-кутрам в южной части Чола-наду внеслите. В своей наду в таниюр, называемой [Таликкотрангуди], из 40 вели земли которой, 24 [вели] старой брахмадеи исключив, оставшиеся 16 вели, среди которых в 59 год по просьбе правителя Мангала-наду, при исполнении Виджайяналлужана из Алаппаккам подарены как брахмадеи 12 вели, в 61 год по просьбе правителя Мангала-наду, при исполнении Виджайяналлужана из Алаппаккам подарены 4 вели — 16 вели, отмеченные деревенскими знаками, не исключая дома и домашние сады, в качестве брахмадеи мы дали, — таков изданный для наттаров тирумугам».

¹¹Данные грамоты из Паттаттальмангалам показывают, что в период правления Паллаво санскритское слово «раштра» соответствовало одному из значений тамильского слова «наду». В данном случае «наду» понималось как «страна, область».

¹²Это также может говорить о том, что в 59 год правления Нандивармана II распоряжение о дарении наттарам направлено не было.

¹³*viprāṅamadadāḷgaṅṅā nīlārāṁ vijñāra sa svāmine* (Pallava inscr., p. 316, lines 19–20) — «дал группе брахманов, неоднократно попросив своего господина».

Нандивармана II затрагивает только некоторую часть земельных владений общины. Это подразумевает, что фиксация дарения не обязательно должна выходить на региональный уровень (уровень общинного объединения-*наду*), достаточно решения самой общины. Примеры подобных отношений царя и отдельных общин есть. Так в надписи (прим. 866 года), высеченной на колонне в храме Кешаваперумаль в селении Курам (в талуке Канчипурам дистрикта Ченгалпату-МГР)¹⁴, паллавский царь Нандиварман III (прим. 846–869) в форме, аналогичной обращению к *наттарам*¹⁵, информирует общинное собрание-*сабху* этого поселения о совершенном им дарении богу Махадеву участка земли во владениях их общины.

В данном случае мы можем иметь дело с такой же ситуацией – дарение 59 года могло быть зафиксировано самим общинным собранием. При дальнейшем расширении масштабов дарения (увеличение количества даримой земли и, возможно, числа получателей дара¹⁶) ситуация могла качественно измениться и привести к необходимости фиксации дарения *наттарами*. Могла, например, пойти речь об изменении статуса всех земельных владений общины¹⁷ (уровень *наду*) или же о необходимости представления *наду* (как общинного объединения, на территории которого совершается дарение) в совместном дарении паллавского царя и зависимого правителя. В этом случае, в грамоте из Паттаттальмангалам сообщается о дарениях земли, не связанных общим периодом их реализации. Но вероятность этого мала, так как все главные составляющие дарения одинаковы.

Слабым местом этой интерпретации остается неясность причин, заставивших паллавского царя проводить дарение в два этапа в 59 и 61 год своего правления, к тому же большая часть земли была подарена им в 59 год. С учетом этого предпочтительным представляется предположение, что в указанный 2-х летний период происходило уточнение земельных прав в общине, а также списка получателей дара и количества земли, которое они должны получить в качестве дара. Что же касается решения о составлении специальной дарственной грамоты, закрепляющей через совместное дарение взаимоотношения двух правителей – паллавского царя и правителя Мангала-*наду*, то более вероятно, что оно было принято уже в 59 году правления Нандивармана II. Такая точка зрения оправдана тем, что характерной особенностью санскритско-тамилских грамот Паллавов (в отличие от санскритских грамот) являет-

¹⁴ Pallava inscr., pp. 413–414.

¹⁵ Сравните обращение, цитируемое в сноске 9 с обращением в надписи из Курама: உற்றுக்க[கா]ட
டுக்கோட்டத்துக்கூரத்து சபையார் கோண்க [Pallava inscr., p. 413, l. 3–7]

¹⁶ В ряде паллавских грамот число получателей дара не соответствует числу брахманов, внесенных в список, указанный в грамоте. См.: Pallava inscr. Nos. 76, 81, 89.

¹⁷ Из текста грамоты нам известно, что из 40 *вели* земли общинного поселения 24 *вели* имели статус *брахмадейя*, 12 *вели* получили этот статус в 59 году, а оставшиеся 4 *вели* – в 61 году правления паллавского царя. Таким образом, вся земля общины в результате дарения, описанного в грамоте из Паттаттальмангалам, получила статус *брахмадейя*.

ся именно демонстрация «разделения суверенитетов» правителей. Дарение брахманов в таких условиях становится хорошим поводом закрепить эти отношения.

Изучение грамоты показало, что при датировке паллавских грамот необходимо учитывать длительность оформления царских даров и соотносить указываемый год правления царя с определенным, понятным из контекста этапом выполнения решения о даре. Возможно, это должно учитываться и при датировке дарственных грамот правителей из других династий Южной Индии этого периода.

SUMMARY
ABOUT THE DATING OF THE ROYAL GRANT OF
NANDIVARMANA II PALLAVAMALLI
FROM THE VILLAGE PATTATTALMANGALAM
(CA. 792 A. D.)

The analysis of the text has shown that the registration of the king's grant had two stages and was realized in the 59th and the 61th years of his reign. The major part of the land was granted already in the 59th year; it seems that during the next two years the list of the receivers of the grant, their rights and the amounts of land granted to each individual were specified.

The duration of the registration procedure must be taken into account every time when investigators try to establish the date of any Pallava grant document.

А. В. ТЕМЕРЕВ

(Москва)

ЭТНОНИМ КТУМ В ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОЙ ОСТРАКА VII-VI вв. до н.э.

Роль эпиграфического материала в истории древневосточных обществ общеизвестна. Этот источник еще в большей степени важен, когда может служить дополнением или подтверждением событий и явлений, описываемых в нарративных источниках, включающих я библейскую традицию.

В 50-70 гг. нашего столетия в Сирии и Палестине проводились интенсивные археологические работы, которые выявили большое количество эпиграфического материала. Благодаря климатическим и природным особенностям этих регионов материал, который использовался для письма (обломки глиняных сосудов, металлические изделия, кожа) хорошо сохранился.

В ряде случаев найденный эпиграфический материал может служить существенным дополнением библейской традиции при характеристика этносоциальной общности, временно или постоянно проживающей на определенной территории. Рассматриваемый нами материал был найден при раскопках одного из холмов (Тель Арад) юга Палестины в пустыне Негев¹.

¹Подробнее об археологических раскопках см.: Y. Aharoni, R. Amiran. Excavations at Tel Arad. Preliminary Report on the First Season 1962. — in: IEJ, 14, 1964, pp. 132-147; Y. Aharoni. Arad: Its Inscriptions and Temple. — in: BA, 31, 1968, pp. 2-33; Y. Aharoni. The Israelite Sanctuary at Arad. — in: D. N. Freedman-J. C. Greenfield, ed., New Directions in Biblical Archaeology. Garden City, 1971, pp. 28-41; Y. Aharoni, R. Amiran. Arad — A Biblical City in Southern Palestine. — in: Archaeology, 17, 1964, pp. 43-53; "Arad". — in: M. Avi-Yonah, ed., Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. L., 1975, v.1, pp. 74-88 (далее: ЕАЕНЛ); Y. Aharoni, ed., Ktwbwt rd (Arad Inscriptions). Jerusalem, 1975 (Hebrew), pp. 1-9 (далее: АИ); A. Lemaire. Inscriptions hébraïques. P., 1977, t. 1. Les Ostraca (далее: ИНО), pp. 147-153; "Arad", — in: K. Galling, Hrsg., Biblisches Reallexikon. Tübingen, 1977 (далее: BR), SS. 11-12.

При проведении археологических работ в слое, датируемом VIII в. до н.э., был найден глиняный обломок чаши, на котором шесть раз было процарапано слово 'rd (букв. «дикий осел, вол»). Попытки ряда исследователей связать эту надпись с возможным названием древнепалестинской крепости X-VI вв. до н.э., с нашей точки зрения, преждевременны, ибо за основу берется лишь библейская традиция и не учитываются сообщения античных авторов (Геродота, Страбона) о финикийском городе Араде².

Крепость была вновь восстановлена при персах в V в. до н.э. От этого времени дошло большое количество арамейских острака, датируемых V-IV вв. до н.э.³

Определенные военные функции эта крепость продолжала выполнять и в римское время (I в. н.э.). В византийский период на холме Тель Арад, по словам Евсевия (Ономастикон, 3, 14), существовала лишь небольшая деревушка. В эпоху арабского господства на этом месте, по всей видимости, находился лишь небольшой постоянный двор, приют купцам и путешественникам. Древнееврейская острака, насчитывающая более 100 единиц, представляет собой архив командира (?) крепости, в ведении которого находилось снабжение отдельных категорий постоянного и временного населения крепости продовольствием (зерном, маслом, вином). Тексты, как правило, хорошо сохранились и были написаны чернилами. По всей видимости, снабжению подлежали как солдаты местного гарнизона, так и войска, которые снабжались продовольствием во время следования к пункту назначения.

В целом ряде острака предписывается начальнику (?) местного гарнизона Эль'ашибу выдать продовольствие (муку, вино, масло) группе солдат-*ktym*.

Рассматриваемые тексты можно условно разделить на три группы⁴. К первой относятся распоряжения о выдаче *ktym* продуктов на шесть дней (AH_{1,7,8}), ко второй — на четыре дня (AH_{2,11}), к третьей — на два дня (AH_{4,10,14,17}).

²Подробнее о библейских параллелях к 'rd см.: B. Mazar. The Sanctuary of Arad and the Family of Hobab the Kenite. — in: JNES, 24, 1965, pp. 297-303; Y. Aharoni. BA, 31, 1968, pp. 30-32; EAENL, 1975, v. I, pp. 88-89.

³Издания древнееврейской и арамейской острака Тель Арада см.: Y. Aharoni. Hebrew Ostraca from Tel Arad. — in: IEJ, 16, 1966, pp. 1-7; S. Yeivin. An Ostrakon from Tel Arad exhibiting a Combination of Two Scripts. — in: JEA, 55, 1969, pp. 98-102; Y. Aharoni. — in: BA, 31, 1968, pp. 9-18; Y. Aharoni. — in: New Directions in Biblical Archaeology. Garden City, 1971, pp. 31-33; D. N. Freedman. The Orthography of the Arad Ostraca. — in: IEJ, 19, 1969, pp. 52-56; J. C. L. Gibson. Textbook of Syrian Semitic inscriptions. Ок., 1973, v. 1. Hebrew and Moabite Inscriptions (далее: TSSI), pp. 49-54; рец. на кн.: E. Lipinski. North-West Semitic Inscriptions. — in: OLP, 8, 1977, pp. 90-93; R. Hestrin et al., ed., Ktšbwł msprwt (Inscriptions Reveal). Jerusalem, 1993 — древнееврейские острака: № № 48-72 (pp. 33-39); арамейские: № № 159-162 (pp. 70-71) (далее: IR); Y. Aharoni, ed., AI. Jerusalem, 1975; D. Pardee. Letters from Tel Arad, — in: UF, 10, 1978, pp. 289-336; D. Pardee. Handbook of Ancient Hebrew Letters. Chico, 1992 (далее: HANL).

⁴В древнееврейских текстах из Тель Арада не всегда имеются ссылки на то, на какой период необходимо выделить со склада продовольствие. Отчасти мы его восстанавливаем, исходя из общего количества муки, вина или масла.

Первая группа.

АН₁⁵

1) К Эл'ашибу. И	'l 'lyšb w
2) теперь, выдать для киттим	't ntn lktyw
3) 3 батима вина, и	ywn b' /// w
4) записать название дня.	ktb šm hmw
5) и еще, муки	wm'wd hqmḥ
6) первой. Ты	hr'šn.t
7) отправь 1 хомер муки,	rkbł- 1 qmḥ
8) чтобы испечь хлеб для	l'št lhm l
9) них. Из вина	ḥm mywn
10) отдать «вино чаш»	h'gnt ttn

Сток. 1. 'lyšb или 'lyšb bn 'šyhw. В трех оттисках печати, принадлежавших одному из командиров (?) арадского гарнизона, выполнявшего и определенные хозяйственные функции (заведовал хозяйственным окладом), упоминается 'lyšb bn 'šyhw (Эл'ашиб сын Эш'йаху)⁶. Оттиски были найдены в помещении, где хранились хозяйственные и прочие документы VII–VI вв. до н.э.

Общезвестно, что в древности командиры выполняли не только военные функции, но и занимались материальным обеспечением своих солдат.

В библейских произведениях имена 'lyāšīb (Эзра 10: 24, 27, 36; I Хроники 3:24; 24:12; Неемия 3:1; 12:10) и 'šyhw (I Хроники 8:33) ассоциируются с представителями жреческих родов, обслуживавших культ Йахве.

Во многих древнееврейских именах присутствует теофорный элемент -ēl-⁷ («могучий», «сильный», «герой»), который в Ханаане служил обозначением бога Эла. ēl- в сочетании о глаголом šāb («возвращаться», «вернуться») может означать «Тот, кого Эл вернул». Мартин Нот допускает, что так могли назвать второго ребенка, если первый по какой-то причине умирал⁸. В рассматриваемой древнепалестинской крепости имелся храм Йахве, но мы не знаем, имели ли к нему отношение Эл'ашиб или его отец Эш'йаху (букв. «Огонь Йаху/Йахве»)⁹.

⁵Подробнее об издании АН₁ см.: D. Pardee, НАНЛ, р. 30. Здесь и далее древнееврейская острака по изданию А1 обозначается как АН, в то время как арамейская — АА.

⁶АН_{105,106,107}; IR_{57,58,59}; лишь только в одном остраконе из Тель Арада (АН₁₇) встречается полное имя 'lyšb bn 'šyhw (D. Pardee, НАНЛ а 17, pp. 51–52).

⁷О древнееврейских именах с -ēl- см.: M. Noth, Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengabung. Stuttgart, 1928 (с. 1980), SS. 82–101 (далее: IPN).

⁸M. Noth, IPN, S. 213.

⁹Подробнее о 'lyšb: M. Noth, IPN, S. 213; A. Lemaire, ИО, pp. 155–156; D. Pardee, UF, 10, 1978, pp. 291–292; D. N. Freedman, IEJ, 19, 1969, p. 52; P. Bordreuil, A. Lemaire. Nouveaux sceaux hébreux, araméens et ammonites. — in: Semitica, 26, pp. 451–452.

Стк. 2. Особенностью стиля в переписке между представителями власти на юге Палестины являлось употребление формы абстрактного инфинитива (inf. abs.) *ntn* (древнеевр. глагол *nātan* — «давать», «отдавать») вместо положенной по контексту формы 2 л. ед.ч. императива (*tn*¹⁰).

О *ktym* (библ. *kittiyūm* / *kittīm*) см. ниже.

Стк. 3. На юге Палестины в повседневном обиходе использовался особый диалект древнееврейского языка. На это, например, указывает употребление нередуцированного дифтонга *-au-* в слове *ууп* («вино»). На острака из Самарин, например, зафиксирована форма *уп* (ср. древнееврейское *yayin*¹¹) В 3 (букв. В ///). Дж. Гибсон (TSSI, v. I, p. 52) ошибочно прочел В 4¹².

В эпиграфических текстах, особенно входивших в состав архивов хозяйственных служб, использование различных аббревиатур — обычное явление. Пример АН_{3:2} свидетельствует о том, что числительное могло писаться не только после знака аббревиатуры, но и перед ним.

Как считают исследователи, В — аббревиатура от *bat* (мн.ч. *bātīm*), мера емкости для жидкостей и сыпучих тел (бат). Относительно величины одного бата у исследователей нет единого мнения; ему могла соответствовать величина от 5 до 46 л.

Как известно, в древности зерновые и жидкости (вино, масло, воду) часто транспортировали в одних и тех же сосудах. Письменные источники о распространенных в Палестине подобных емкостях описывают ситуацию, характерную для первых веков нашей эры. В этом отношении представляет большой интерес работа, проделанная рядом исследователей, например Й. Ахарони¹³. Взяв за основу глиняные сосуды, найденные в Беэршебе, израильский исследователь считает возможным отождествлять 1 бат (сосуд) с емкостью в 24–26 л.

В 1941 г. при раскопках древнего Лахиша (Лахиш III) был найден фрагмент сосуда с надписью *bt lmlk* («царский бат»). Сосуд удалось восстановить. Он вмещал жидкость емкостью в 22 л.¹⁴

Учитывая характер сосудов (для жидкости и сыпучих тел), в Палестине и Египте использовали обычную и двойную меру. Сбычный (царский) бат вмещал до 26 л, двойной — до 52 л.

При раскопках рассматриваемой крепости не было найдено ни одного сосуда с надписью *bt lmlk*.

¹⁰Подробнее: *Aharoni*, IEJ, 16, 1986, p. 3; *J. C. Gibson*, TSSI, v. 1, p. 52; AI, p. 12.

¹¹Подробнее: *D. N. Freedman*, IEJ, 18, 1969, pp. 52–53; *A. Lemaire*, IHO, p. 156; *D. Pardee*, UF, 10, 1978, p. 293.

¹²О древнееврейских мерах емкости см.: *A. G. Barrois*. Manuel d'archéologie biblique. P., 1953, v. II, pp. 247–252 (далее: МАВ).

¹³*Y. Aharoni*, ed., Beer-Sheba I. Tel-Aviv, 1973; *Y. Aharoni*. Excavations at Tel Beer-Sheba. — in: TA, 2, 1975, pp. 146–168; *Aharoni*, IEJ, 16, 1986, p. 2, n. 3; *D. Pardee*, UF, 10, 1978, p. 302.

¹⁴IR, n. 99.

Довольно долго в Палестине в повседневном обиходе использовались емкости для транспортировки зерна и жидкости под названием «хомер» (*homer*)¹⁵. Основываясь на эллинистической традиции, А. Г. Барруа, применительно к позднему времени, насчитывает в 1 хомере 393,84 л, в то время как для более раннего времени предлагает исходить из величины 229,91 л («царский» хомер)¹⁶.

Обычно считается, что сосуд «хомер» использовался для транспортировки жидкостей, в то время как для злаков (включая и муку) — «кор». Величина первого приблизительно соответствовала размеру кора¹⁷.

Большинство исследователей единогласны во мнении, что 1 бат = 1/10 хомера (кора).

В древней Палестине, в силу исторической обусловленности (торговыми контактами, зависимостью) использовались сосуды из Египта, имевшие свои палестинские аналоги. Это относится к египетской *ṗt* «эфа» («ипет»), аналогу бата.

Более мелкой емкостью являлась «сеа» или «непел» (1/3 бата). Находились в повседневном обиходе и другие, более мелкие сосуды-величины емкости: хин, омер, каб, лог.

Во время раскопок в Беэршебе был найден сосуд в 1,2 л, на котором имелась надпись: *ḥṣy lmlk*, «половина царского (бата?)»¹⁸.

Стк. 4. *Kib*. Как и в стк. 2 форма приказа выражается не формой 2 л. ед. ч. императива, а абстрактным инфинитивом *kib* («запиши», от древнееврейского *kātab* — «писать, записывать»).

šm hym — букв. «название дня». Ср. *kētōb lēka 'et-šēm hayyōt*. — «запиши у себя имя этого дня» (Иез. 24:2). Слово *ut* («день»), как и в надписи из Силоама, пишется без *w* («вава»). О подобных случаях см.¹⁹

Стк. 5. *m'wd*. Этому словосочетанию в библейских произведениях нет прямого аналога. Эпистолярные источники, особенно документы хозяйственной отчетности, имеют свои особенности (краткость, последовательную смену информации).

Указанное словосочетание состоит из предлога *'d/wd* («от», «из») и союза *mī/min* («опять», «еще»). Комментаторы АН 1, не поняв смысла использования *m'wd* в данном случае, считают, что его следует переводить как «from what is left», «du reste»²⁰ («из того, что осталось, из остатка»). За основу берется использование предлога в сочетаниях: *mē'ām* («из народа»), *mē'ādām* («из людей»), наконец *miyyeter ha-šemen* («из остатка елея»).

¹⁵Ср. акк. *imēru* (K. Calling, Hrsg., *Biblisches Reallexikon*. Tübingen, 1977, S. 205).

¹⁶A. Barrois, *МAB*, II, 1953, pp. 248–249 (Лахиш).

¹⁷О *kr* см.: K. Calling, Hrsg., *Biblisches Reallexikon*, S. 205.

¹⁸D. Pardee, *UF*, 10, 1978, p. 302.

¹⁹Cross-Freedman, *ЕНО*, pp. 50, 53.

²⁰N. Freedman, *IEJ*, 13, 1969, p. 53; Y. Aharoni, *IEJ*, 16, 1966, p. 3; D. Pardee, *UF*, 10, 1978, p. 294; A. Lemaire, *IHO*, p. 157

В рассматриваемом же нами случае, исходя из контекста документа, предлог 'wd с союзом *mil* используется для продолжения описания ассортимента довольствия («и сверх того», «и еще»). При этом явно подразумевается значение «из остального ассортимента».

Поэтому сочетание *m'wd* мы переводим не как «из остатка муки», а как «из остального: муки».

Стк. 5-6. *hr'sn*. Перевод *hr'sn* как «первый», «первая», «первоначальный», «более ранний» (сравн. библ. *nšōn/n'šōn*) не вызывает сомнений у исследователей²¹. Сложнее обстоит ситуация с трактовкой *qmḥ* (библ. *qemah*, «мука грубого помола», «мука») ²². Довольно убедительно Д. Парди доказал, что, применительно к ситуации в рассматриваемой древнепалестинской крепости, *qmḥ* можно переводить как «мука» ²³. Исходя из того, что в этой крепости концентрировалась собираемая в других районах юга Палестины мука, на складе имелся в наличии определенный запас старой муки, который, как считает Д. Парди, и был использован согласно АН₁ ²⁴.

Еще в 1966 г. Й. Ахарони обратил внимание на то, что под понятием «первый» можно понимать как сорт (первый), так и качество первого обмолота (грубый обмолот) ²⁵.

Учитывая особенность контингента, которому предназначалась мука, А. Лемэр пришел к выводу, что в данном случае идет речь о муке первого, высшего класса. Вряд ли в походных или полупоходных условиях солдаты имели возможность вторично производить обмол муки ²⁶.

Стк. 6-7. *trkb*. Попытки Й. Ахарони (ошибка писца, *trkb* — метатеза *trbk* от гл. *rbk*, «смешивать») ²⁷ и Д. Н. Фридмана (*rēheh*, «верхние жернова», глагол «молоть») ²⁸ не были поддержаны исследователями. Большинство семитологов склонилось к мнению, что речь идет о форме имперфекта породы *Hiph'l* от глагола *rbk* («ехать верхом», «сидеться», *trkb* — 2 s. imperf. jussive — «отправить верхом», «положить на животное») ²⁹.

Знак 𐤕. Первоначально Й. Ахарони расшифровал его как аббревиатуру меры емкости 'ēpā/'ēpā (эфа, от древнеегип. *ṯp.t/ṯpt*). 1 эфа = 3 сеа = 10 омер = 1/10

²¹Y. Aharoni, IEJ, 16, 1966, p. 3.

²²W. L. Holladay, A Concise Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden, 1971 (далее: HALOT).

²³D. Pardee, UF, 10, 1978, pp. 294-295.

²⁴D. Pardee, HANL, p. 31.

²⁵Y. Aharoni, IEJ, 16, 1966, p. 3.

²⁶A. Lemaire, IHO, p. 158.

²⁷Y. Aharoni, IEJ, 16, 1966, p. 3.

²⁸D. Freedman, IEJ, 19, 1969, p. 55.

²⁹D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 291; Gibson, TSSI, v. 1, p. 52; A. Lemaire, IHO, p. 158; Holladay, HALOT, p. 339.

хомера³⁰. В АІ он уже приводит другую точку зрения, считая, что под 1 следует подразумевать *ḥomer* (ассир. *imēru*)³¹.

Д. Парди допускает такую трактовку, а А. Лемэр ее полностью поддерживает, при условии, что *ḥomer* = *kōr* (akk. *kurru*)³².

Стк. 8. *l'st* — инфинитив от гл. *'šh*, «делать,изготавливать»). В данном случае его следует переводить как «выпекать» («чтобы выпечь»).

Стк. 9–10. В этой строке подчеркивается, какое конкретно вино необходимо передать: *тууп h'gnt ttn*.

'ggān, мн. ч. *'aggānōi*, обычно переводится как «чаша», «кратер»³³.

По всей видимости, речь в данном тексте идет о вине, которое уже разбавлено, поэтому не подлежит долгому хранению. Именно такое вино и употреблялось в Эгейском мире.

Впрочем, Д. Парди допускает, что речь идет о молодом вине, которое предварительно в подобных чашах-кратерах подвергалось брожению³⁴.

АН₇³⁵

1) К Эл'ашибу. И те-	<i>'l 'lyšb w'</i>
2) перь, выдать для киттим	<i>t ntn lktym</i>
3) в десятый (месяц) с первого (числа)	<i>l's[rt]y bī lḥd</i>
4) до шестого (дня)	<i>š '[d] hššh</i>
5) месяца 3 батима.	<i>lḥdš b' 3 īwī</i>
6) У себя ты запиши, со	<i>ktbth lḥnyk b</i>
7) второго (дня) месяца де-	<i>šnym lḥdš b'š</i>
8) сятаго. Также: запечатать масло	<i>ry wšmn ḥ</i>
9) [и отправить это. . . . .]	<i>[tm wšlḥnw]</i>

Стк. 5. Как считает Д. Парди, в конце строки пропущено слово *ууп* («вино»), что весьма вероятно, учитывая сведения из других аналогичных документов³⁶.

Стк. 6. В конце стк. 5 исследователи восстановили *вав консекутивум* (*w*), указатель будущего времени (*w//ktbth*).

wktbth — 2 л. ед. ч. м. р., форма перфекта от глагола *ktb* («писать, записывать»).

³⁰Y. Aharoni, IEJ, 16, 1966, p.3.

³¹Y. Aharoni, AI, p. 14.

³²D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 296 (*ḥomer* — ?), D. Pardee, НАНЛ, p.32.

³³L. Koehl, W. Baumgartner. Hebräisches und aramäisches Lexikon zum Alten Testament. Leiden (далее: HALAT), 1967, Lief. 1, p. 11 (греч. *λουτήης*).

³⁴D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 297; A. Lemaire, ИНО, p.159 («сорт вина»).

³⁵Библиография: D. Pardee, НАНЛ, p. 40.

³⁶D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 305.

Еще Й. Ахарони обратил внимание на идиоматическое выражение *ktb lpn*, которому имеются интересные аналоги в библейских книгах³⁷.

Действительно, предлог *lpnē* закрепился в официальной переписке. В Ис. Нав. 8: 32 мы читаем: «и написал он там на камнях список (*mišne*) с закона Моисея, который он написал пред сынами (*lpnē bāne*).

Книга Эсфирь 2:23: «И было вписано это в книгу дневных записей у царя» (*lpnē ha-melek*).

I Хроники 24:6: «А записывал их..... пред лицом царя и князей» (*lpnē ha-melek wšāšārīm*)³⁸.

Стк. 7. В строках 1-5 говорится о выдаче довольствия с первого дня месяца, в то время как в стк. 7 предлагается сделать запись о выдаче со второго дня месяца.

Как считает Д. Парди, официальную запись нельзя было делать в первый день месяца и субботу, когда совершались жертвоприношения (см.: Числа 10:10; 28:11; I Сам. 20:18, 24; II Цари 4:23; Амос 8:5; Исайя 1:13)³⁹.

Стк. 8. Сочетание *wšmn ḥ(tm)* можно понимать двояко. Дело в том, что *šem* можно переводить и как «масло», и как «жир» (сравн. акк. *šamtu*). Масло подразумевается растительного происхождения, жир — животного⁴⁰. Большинство исследователей склоняются к мнению, что речь идет о растительном масле⁴¹. Если бы речь шла об оливковом масле, тогда бы использовалось *zēyit* («масличное дерево», «олива») (сравн. араб. *mšḥ zyt* «оливковое масло»).

В конце строки сохранилось *ḥ*. Если *ḥ*- относится к *ḥ//tm*, то речь идет или об аббревиатуре, обозначающей или сорт (вид) масла (жира), или о его количестве.

В то же время, Д. Парди и А. Лемэр считают, что *ḥ* или *ḥtm* — производное от глагола *ḥtm* — «скрывать», «ставить печать», отсюда Nip'al part. (*neḥtām*, сравн. Эсф. 3:12) — «запечатанный».

Если *šmn* предназначалось для солдат, готовившихся к отражению атак извне, то более вероятно использование его для лечебных целей (масло с пряностями). Конеч стк. 8 и начало стк. 9 исследователи обычно восстанавливают, ссылаясь на возможный аналог в АН₄:2: «Также: запечатать (масло) и отправить»⁴².

³⁷Y. Aharoni, AI, p. 23.

³⁸Y. Aharoni, IEJ, 16, 1986, p. 3.

³⁹hodes. D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 305.

⁴⁰W. Gesenius. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Zwölf. Auf. Leipzig, 1895, S. 807 (далее: НАНВАТ); W. L. Holladay, HALOT, p. 376.

⁴¹Y. Aharoni, AJ, p. 23; D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 305; A. Lemaire, IHO, p. 168.

⁴²A. Lemaire, IHO, p. 168; D. Pardee, НАНЛ, p. 40.

АН₈⁴³

1) К Эл'ашибу. И теперь выдать для	'l 'lyšb w't ntn l
2) ки[тти]м [хомер 1] му[ки] с	k[t]ym [t- 1] qm[h] mn hš
3) тринадцатого (дня) месяца до	lšh[šr] lhđš 'd[h]
4) восемнадцатого (дня) месяца	šmnh 'šr lhđš
5) [и] вина 3 батима	[w] yyn b' 3...
6).....	.....š
7).....	.... ntb .....
8).....	..... 'ly w.....
9)..... который для.....	..... 'šr lbn.....
10).....	.....

Текст плохо сохранился. Тексты АН₇ и АН₈ близки как по времени написания (десятый месяц), так и по ассортименту довольствия (мука, вино, масло), сроку снабжения (6 дней, с 13 по 18 день).

Об устойчивости употребления некоторых знаков говорит и написание 𐎠 для обозначения меры объема (сосуда) для транспортировки муки.

Вторая группа.

В эту группу входят тексты, в которых речь идет о снабжении киттим продовольствием и вином на 4 дня.

АН₂⁴⁴

1) К Эл'ашибу. И теперь, выдать для	'l 'lyšb w't ntn l
2) киттим 2 батима вина на	ktym b' 2 yyn l
3) четыре дня и	'rb't hymn w
4) хлеба. И	300 lhm w
5) наполнить сосуд (хомер) вином. И	ml' hhmr yyn wh
6) ты должен вернуться завтра, не задерживайся	sbt mhr 'l i'hr
7) И если есть еще hmq, передай	w'm 'wd hmq wnt
8) дай им.	t lhm

Стк. 3. В первой группе текстов речь шла о выдаче продовольствия на 6 дней, в этой — на 4 дня. Систематические отлучки киттим из крепости Д. Парди и А. Лэмер связывают с выполнением ими каких-то функций (например, охрана границы)⁴⁵

Присутствие определенного артикля h- перед словосочетанием с числительным

⁴⁴Впервые текст был опубликован в 1973 г., в IR, п. 50. Дальнейшие издания: D. Pardee, НАНЛ, р. 32.

⁴⁵D. Pardee, UF, 10, 1978, pp. 297-298; A. Lemaire, ИНО, р. 161.

«четыре» (*'rb't hytm*) исследователи не могут объяснить. Вряд ли правомерно, как это делают Й. Ахарони и А. Лэмер, ссылаясь на Суд. 11:40, рассматривать *'rb't hytm* в качестве какого-то магического словосочетания, имеющего историческую обусловленность⁴⁶.

Стк. 4. В начале строки имеется лакуна, которая не позволяет с полной точностью утверждать, что в тексте фигурирует число 300 (см. иератический знак)⁴⁷.

lḥm — от древнееврейского *leḥem*, «круглый печенный хлеб», «зерно для хлеба» («пшеница»)⁴⁸.

Вполне возможно, что продовольствие выдавалось не только в виде муки, но и в виде готовых изделий (хлебов).

Люди не могли в походных условиях печь лепешки. Вслед на Д. Парди и А. Лэмером мы допускаем, что в стк. 4 упоминаются 300 хлебов⁴⁹.

Стк. 5. *hḥmr yyp. Yyp*. Как мы отмечали, в древнепалестинской крепости в повседневном обиходе использовали разбавленное вино. Вино из закупоренных емкостей выливали в специальные открытые сосуды, куда в определенной пропорции добавляли воду. В ряде случаев сразу не удавалось полностью отправлять по назначению такое разбавленное вино⁵⁰. Остатки в открытых сосудах начинали бродить, отчего качество вина ухудшалось.

У нас нет никаких оснований, как это делает А. Лемэр, считать, что в рассматриваемой крепости использовали сорт вина *hḥmr yyp*. Сочетание *hḥmr yyp* связано с предыдущей глагольной формой абсолютного имперфекта *ml'* (гл. *ml'* — «наполнять», «насыщать»).

У нас нет сведений, что киттим брали с собой сосуды с водой. Ее, как видно из рассматриваемого документа, заменяло разбавленное (а иногда и молодое) вино. Именно такое вино и разрешалось на 4 дня брать с собой киттим. В закрытых же сосудах-батах хранилось запечатанное хорошее вино.

Только так, с нашей точки зрения, можно объяснить упоминание вина в стк. 2 и стк. 5⁵¹.

Стк. 5–6. *wh//sbt mḥr 'l t'ḥr. Wshbt* — производное в виде 2 л. ед. ч. м. р. породы *Hiph'l c Vav consecut., perf.*, от глагола *šwb/sbb*, «возвращаться, вернуться». Именно на таком значении («ты вернись завтра») настаивает А. Лемэр⁵². С этим мнением, впрочем, не согласился Д. Парди, предложивший указанное сочетание переводить как

⁴⁶ A. Lemaire, IHO, p. 161.

⁴⁷ D. Pardee, NABL, p. 33; D. Pardee, UF, 10, 1975, p. 299.

⁴⁸ W. L. Holladay, HALOT, p. 175.

⁴⁹ D. Pardee, NABL, p. 33; A. Lemaire, IHO, p. 161.

⁵⁰ A. Lemaire, IHO, pp. 161–162.

⁵¹ Д. Парди так и не смог объяснить, почему писец два раза (стк. 2, 5) упоминает *yyp* (D. Pardee, NABL, p. 33).

⁵² A. Lemaire, IHO, p. 161.

«send // (them) out tomorrow»⁵³. Впрочем, у нас нет никаких оснований считать, что перед нами глагольная форма *Hiph'l*, а не *Qal*.

Кроме того, Эл'ашиб отмечал за выдачу продовольствия, а военными вопросами ведали другие лица⁵⁴.

О библейских аналогах синтагме 'l t'hr («не медли») см.: *lō-nikhāru* (Пс. 69:6); *al-tāḥar* (Пс. 40:18; *al-tāḥar* (Даниил 9:19). (См. глагол 'hr — «оставаться» в породе *Pi'el* имперфекта *tāḥer* — «задерживаться, откладывать»⁵⁵).

Стк. 7. *Ḥmṣ* происходят от глагола *ḥmṣ*. В породе *Qal* он переводится как «становиться», «быть покинутым», а в *Hitpa'el* — «ожесточаться», «бродить».

В библейских произведениях зафиксировано два производных: прилагательное *ḥāmāṣ* («квасное, скисшее») и существительное *ḥomeṣ* («уксус») (Руфь, 2:14; Числа 6:3).

Д. Парди переводит *ḥmṣ* как «приправа»⁵⁶.

В Числах 6:3 упоминается о четырех видах питья, распространенных в Древней Палестине: вино (*yayin*), «опьяняющий напиток» (*šēkār*), «винный уксус» (*ḥomeṣ yayin*) и «уксус из других опьяняющих напитков» (*ḥomeṣ šēkār*).

Как видно из Руфь 2:14, довольно часто хлеб перед употреблением предварительно макали в чашку, где был налит *ḥomeṣ* («уксус»).

Вряд ли стоит вслед за А. Лемэром отождествлять *ḥmṣ* с каким-то сортом вина⁵⁷. Более правильно будет, исходя из условий военной крепости с довольно бедным ассортиментом напитков, под *ḥmṣ yun* подразумевать смешанное с водой вино, которое в условиях жаркого климата, хранясь в открытых сосудах, стало бродить. По существу это — винный уксус.

АН₁₁⁵⁸

1) К Эл'ашибу.	'l 'lyšb
2) И теперь, выдать для китти[м]	w't ntn lktymī
3).....2 батима вина	.....b 2 yun
4).....и.....	.....w.....
5) Нехем[йаху]	m[n]ḥm[yhw]

Стк. 5. Имеющаяся лакуна не позволяет с определенной долей вероятности говорить или об имени (Менахемйаху), или о конечном *M(m)* (перенос слова)⁵⁹.

⁵³D. Pardee, НАНЛ, р. 33.

⁵⁴Ни в одном из документов Эл'ашиб не назван командиром гарнизона. Рассматриваемая крепость являлась частью оборонительной системы юга Палестины.

⁵⁵W. L. Holladay, HALOT, р. 11.

⁵⁶D. Pardee, НАНЛ, 1982, р. 33.

⁵⁷A. Lemaire, ИО, р. 162.

⁵⁸Библиография: D. Pardee, НАНЛ, 1982, р. 44.

⁵⁹A. Lemaire, ИО, р.171 ("ḥm) ["lh//m"].

Третья группа.

АН₄⁶⁰

1) К Эл'ашибу. Передать для киттим мас-	'l 'lyšb tn lkty m š
2) ла 1 (сосуд) запечатанный. И пошли (его). И	mn 1 ḥtm wšlḥnw w.
3) отправь им 1 бат вина.	yyn b 1 tn lhm

Стк. 1-2. Š//mn 1. То, что речь идет о каком-то сосуде, не вызывает сомнений у исследователей. Р. Хестрин (IR N° 53) предпочла не переводить дословно šmn. Й. Ахарони, а вслед за ним Д. Парди сочли возможным поставить знак тождества между šmn и bt — сосудами, объем которых был равен 25 л.⁶¹ В самом тексте указано лишь количество, но не названа мера (сравни АН₇). В источниках в качестве эквивалента бата фигурирует египетский ипет.

Nabal/nēbal довольно редко встречается и, возможно, служило обозначением емкости, изготовленной не из глины, а из шкуры⁶². wšlḥnw — форма императива 2 л. ед. ч. с суфф. 3 л. ед. ч. породы Qal или Pi'el от глагола šlh — «посылать, отправлять»⁶³.

Условно к этой группе можно отнести и АН₁₀, несмотря на то, что не совсем ясно, какое количество вина упоминается в стк. 2.

АН₁₀⁶⁴

1) [К Эл'аши]бу. И теперь,	['l 'lyš]b w 't
2) [передать для кит]им вина..... батим	[ntn lkt]ym yyn b'l (?)
3).....и масла 1 (сосуд)	.....m.....wšmn 1
4).....к ибн Обадйаху.....	m lbn 'bdyhw š.....
5)....киттим.....	..... kty m . . . . .

Стк. 2. Конец строки плохо сохранился. По некоторым аналогиям А. Лемэр восстановил цифру 3 (сочетание: yyn b' 3, ИНО, стр. 170), в то время как Д. Парди — 4⁶⁵. Впрочем, как мы отмечали выше (стр. 7-8), для обозначения цифры 4 использовался, как правило, знак +.

Стк. 3. В силу плохой сохранности, исследователи не смогли с полной уверенностью восстановить начало строки.

Аналогичная ситуация касается и начала стк. 4.

⁶⁰Библиография: D. Pardee, НАНЛ, р. 36.

⁶¹D. Pardee, UF, 10, 1978, р. 57.

⁶²О палестинских весовых единицах см.: Y. Yadin. Ancient Judaeen Weights and the Date of the Samaria Ostraca. — in: Scr., Hier., 8, 1961, pp. 9-25; Y. Aharoni, AJ, p.20; D. Pardee, НАНЛ, р. 37.

⁶³Y. Aharoni, AJ, p. 20; D. Pardee, НАНЛ, р. 37.

⁶⁴D. Pardee, НАНЛ, р. 43.

⁶⁵Ibid.

В конце этой строки упоминается некто *bn 'bdyhw*, который, по всей видимости, в данном документе выступает в качестве посредника между группой киттим и Эл'ашибом.

АН₁₇⁶⁶.

1) К Нахуму. [И] теперь, вой-	<i>'l nḥm [w] 't b</i>
2) ти в дом Эл'ашиба,	<i>'byth 'lyšb</i>
3) сына Эш'яаха и получить	<i>bn 'šyhw w lqh</i>
4) там 1 (сосуд) масла и	<i>t mšm 1 šmn w</i>
5) отправить в [Зиф] спешно. И	<i>šlh l[ʒp] mhrh w</i>
6) запечатай ты его печатью	<i>ḥtm 'th bh</i>
7) своей.	<i>tmk</i>

Оборотная сторона

8) В 24 (день) месяца передать Нахуму ма-	<i>b 24 lḥdš ntn nḥm š</i>
9) сла для киттим 1 (сосуд).	<i>mn byd hkty 1</i>

Стк. 1. Мы не знаем, какие функции выполнял *Nḥm* в рассматриваемой палестинской крепости в конце VII — начале VI вв. до н.э. *Nḥm* (Нахум) — довольно распространенное в VI–IV вв. до н.э. имя. Среди почитателей Яахо оно (с присоединением теофорного элемента *-yah*) получило вид *Nəḥemyāh* (от древнеевр. *naham* — «утешаться», «иметь сострадание») ⁶⁷.

Стк. 1–2. Сочетание *b'byth* исследователи производят от глагола *bw'* («входить, приходить»), связанного с дательным направления предлога *b-* («войти в, прийти в») ⁶⁸.

Под *byth 'lyšb*, как считает Й. Ахарони, следует подразумевать хранилище-склад продуктов военной крепости ⁶⁹.

Стк. 3–4. *lqht w / lqht* — перфект 2 л. ед. ч. от глагола *lqh*, «взять, забрать, брать», с *vav* консекутивум.

Сочетание *mšm* исследователи отождествляют с не этимологизированным *šm* («там») ⁷⁰.

Стк. 5. Из-за плохой сохранности текста исследователи по-разному прочитали имеющуюся лакуну. А. Лемэр, например, по аналогии с АН_{2:3} счел невозможным восстановить *lhm* (сравни. *ntn lhm*, «передать им»; также, АН_{4:3}: *tn lhm*, «дай им») ⁷¹.

⁶⁶Библиография: D. Pardee, НАНЛ, р. 51.

⁶⁷Аск. *na-hu-ma* («утешаться»), араб. *nḥm* («имеющий сострадание»), евр. *Nehemyah / Nehemiah* («Бог объединил»). О *Nhm* см.: M. Noth, IPN, S. 175; P. Grelot. Documents Araméens d'Égypte. P., 1972, p. 481; W. Korfeld. Opomastica aramaica aus Ägypten. W., 1978, S. 62.

⁶⁸D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 312; A. Lemaire, IHO, p. 174.

⁶⁹Y. Aharoni. The Use of Hieratic Numerals in Hebrew Ostraca and the Shekel Weights. — in: BASOR, 184, 1966, pp. 13–19.

⁷⁰Y. Aharoni, AI, p. 34; D. Pardee, UF, 10, 1978, p. 312; A. Lemaire, IHO, p. 174.

⁷¹A. Lemaire, IHO, p. 176.

В свою очередь, Й. Ахарони и Д. Парди сочли возможным восстановить в лакуне *lzp*, топоним, название древнего палестинского города юга Иудеи. (совр. руины Тель Зифа)⁷². *Zîp* — букв. «завтра, на следующий день».

Стк. 9. *byd* — букв. «в руки».

АН₁₄⁷³

- 1) [К Эл]'аши[бу. И теперь,] [l' l]yš[b w't]
 2) [передать для] киттим... [ntn l]ktyt...
 3) [... по]слать 1 (сосуд) масла [... w]šlh 1 šmn

Сведения, содержащиеся в древнееврейской острака, позволяют нам в общих чертах восстановить ассортимент пайка солдата из группы киттим⁷⁴.

Как считает А. Лемэр, на основании имеющихся данных мы можем говорить о практике выдачи обычного рациона сроком на 6 дней⁷⁵. В АН_{7:3,4}; АН_{8:3,4} говорится о рационах на следующие дни месяца: с 1 по 6, с 7 по 12, с 13 по 18. В ряде случаев довольствие выдавалось из расчета на 2 и 4 дня.

В целом же, при подсчетах, за основу можно брать довольствие на 28–30 дней.

Рацион киттим десятого месяца (Тебет, декабрь-январь 598-597 гг. до н.э.) (всего 29 дней).

С 1 по 6 день (АН ₇):	3 батима вина, 1	= 135 л вина, 25
	сосуд масла	л масла.
7–12 день (АН ₁):	3 батима вина, 1	= 135 л вина,
	хомер муки	450 л муки.
13–18 день (АН ₈):	3 батима вина, 1	= 135 л вина,
	хомер муки	450 л ⁷⁶ муки.
19–22 день (АН ₂):	2 батима вина,	= 90 л вина,
	300 (?) булок	300 (?) булок.
23–24 день (АН _{14,17}):	2 сосуда масла	= 50 л масла.
25–28 день (АН ₁₁):	2 батима вина	= 90 л вина.
29 день (АН ₄):	1 бат вина, 1 со-	= 45 л вина, 50
	суд масла	л масла.

Вино (yup). Мера емкости — бат (bt).

⁷²О Зифе: Gesenius, NAWAT, S. 207; D. Pardee, NABL, pp. 51–52; Y. Aharoni, AJ, pp. 34–36.

⁷³Библиография: D. Pardee, NABL, p. 47.

⁷⁴В подсчетах мы будем использовать лишь цифры (количество вина и муки), не вызывавшие у исследователей противоречивых мнений (АН_{1:2,4;7,8;11}). АН₅ не берется нами в расчет, так как сам факт упоминания в тексте группы киттим оспаривается А. Лемэром (ИО, p. 167).

⁷⁵A. Lemaire, ИО, p. 163.

⁷⁶Так как объемные величины не соответствуют весовым (мука транспортировалась в кувшинообразных сосудах), за основу здесь и далее мы берем величины, обозначаемые как для жидкости в литрах.

В Древней Палестине в указанное время (конец VII — нач. VI вв. до н.э.) в качестве питья использовали три вида напитков: вино (*yayin*), *šekār* («опьяняющий напиток») и винный уксус *ḥomeš yayin*).

Вино хранилось на складе в закупоренных сосудах. Лишь только в редких случаях такое вино выдавалось вместе с сосудами.

Чаще всего для повседневного обихода вино из закупоренных сосудов в открытых чашах-кратерах разбавлялось водой. Вполне допустимо, что в ряде случаев речь могла идти о молодом вине.

Винный уксус широко использовался как при приеме пищи, так, возможно, и при лечении ран.

Из приведенной таблицы видно, что 14 батимов вина было выдано группе киттим на 28 дней. В среднем на день выходило по 0,5 бата, т.е. 22,5 л (630 л : 28 дней).

Как сообщает Фукидид (IV, 16, 1), в середине V в. до н.э. обычная норма потребления вина соответствовала 0,5 л на одного человека. Если дневная норма на группу киттим составляла 22,5 л, то такого количества хватало на 45 человек.

Мука (*qmḥ*). Мера емкости — кор-хомер (*kr-ḥmr*) (аббревиатура $\vdash$).

В древнепалестинской крепости для рационов предназначались два вида муки: *qmḥ* (АН₈) и *qmḥ hr'šn* («первая мука» — АН₁).

Если восстановленное исследователями в АН₂ количество (300) верно, то на 1 день киттим выделялось 75 «булок» (300 : 4 дня). Аналогичное количество муки (75 л) приходилось на 1 день (450 л : 6 дней).

При определении численности группы киттим необходимо учитывать один существенный момент.

Рассматриваемое нами довольствие предназначалось лишь только для самих солдат, без учета интересов их возможных членов семей.

Последний фактор обычно учитывался, когда снабжению и оплате труда служилого человека, включая и солдат, подлежала целая семья, которая постоянно проживала с главой семьи.

Телохранители в Египте, постоянно несшие службу при дворе фараона, на себя и семью получали 2,5 кг. мучных изделий, 3 л вина, мяса (Геродот, II, 168).

Другие величины и ассортимент в рационах отдельных служилых людей.

В Ахеменидском Египте, в соответствии с С 72⁷⁷, один служилый человек получал около 0,5 л сидонского вина и 1 л египетского вина.

Аналогичное количество хорошего вина (0,5 л) упоминается и у Фукидида (IV, 16, 1).

Вполне вероятно, что группа киттим, состоявшая из 40–45 человек, в день получала 22,5 л вина (на 1 человека — 0,5 л).

⁷⁷Издание текста см.: A. Cowley, ed., *Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C.* Osabrück, 1967 (с. 1923), pp. 182–184.

В отличие от постоянных гарнизонных солдат, киттим получали довольствие на определенные дни, т.е. на время следования. Аналогичная ситуация касалась и ахеменидского чиновника Нехтихора, которому по распоряжению египетского наместника до места назначения представителями местной администрации выдавалось на 1 день 1,72 л белой муки, 2,58 л плохой муки, 1,72 л пива и мясо⁷⁸. Так как сопровождавшим его рабам выделялось лишь по 0,8–0,9 л муки, вполне возможно, что остатки продуктов шли им.

Как мы установили выше, в день группа киттим получала 75 булок, что приблизительно может соответствовать объему в 75 л муки.

У нас нет оснований считать, что каждый из членов группы киттим в день получал муки (или муки плюс готовых мучных изделий) менее чем 1,5–2 л.

Надо учитывать тот момент, что в рассмотренных текстах не сообщается о выдаче мяса. Таким образом, хлеб составлял основу всего довольствия киттим. По прибытию на место постоянной дислокации их ежедневный рацион мог быть увеличен, не говоря уже об ассортименте.

В Ахеменидской империи солдаты за свою службу получали не только продукты, но часть оплаты выдавалась серебром. О получении же киттим такого вида вознаграждения нам ничего не известно.

Ссылаясь на документ АН₂, в котором упоминается о 300 «булках», А. Лемэр довольно просто определил численность киттим: $300 : 4 = 75$ человек.⁷⁹

С этим мнением нельзя согласиться, ибо автор не учитывает ни присутствие в документах других видов продовольствия, ни размеры пайков служилых людей в середине 1 тысячелетия до н.э. в Египте и Восточном Средиземноморье⁸⁰.

С нашей точки зрения можно говорить о группе в 40–45 человек.

Так кто же такие были киттим (*ktym*)?

Рассматриваемый нами термин *ktym* исследователи связывают с библейским *kittim* («киттим»)⁸¹.

Киттим — имя сына Иованова, народа, происшедшего от него, а также земли, занимаемой этим народом.

В греческом переводе Библии (перевод 70-ти толковников) ему соответствует *κῆτιοι/κίτιαιοι*. Иосиф Флавий считал возможным использовать форму *χέτιμ* (хетим), Евсевий Кесарийский — *χέττιεῖμ* (сравн. лат. *chethhim* у Иеронима).

⁷⁸D₆ (G. R. Driver, ed., *Aramaic Documents of the Fifth Century B. C.* Oxford, 1957, pp. 56–62).

⁷⁹A. Lemaire, ИНО, p. 229–230.

⁸⁰Об этом см.: А. Н. Темрев. Система снабжения в Ахеменидских гарнизонах (по арамейским текстам из Верхнего Египта и Арада). — в: ВДИ, 1980, 1, с. 124–131; Он же. Натуральный вид оплаты служилым (царским) людям Ахеменидского Египта. М. Мероэ, вып. 5 (в печати).

⁸¹Быт. 10:4; Чис. 24:24; Ис. 23:1,12; Иез. 27:6; I Хроники, 1:7. Трудно сказать, имеет ли корневую связь этот термин с *kāil* («первая выжимка масла» — I Цари 5:25). О термине *kittim* см.: W. L. Holladay, HALOT, p.166-167; W. Cesenius, HANWAT, S. 370.

В зависимости от времени написания того или иного библейского произведения или сочинения, основанного на использовании библейской традиции, этот термин мог служить обозначением различных топонимов и этнических групп.

Употребление этого термина было ограничено определенным временем. В более поздних еврейских произведениях религиозного содержания, составляющих талмудическую традицию, он не употреблялся.

Согласно Книге Бытия (10:4), Киттим (Хетим) являлся одним из трех или четырех сыновей Йавана (*Yāwān*).

Йаван (древнеевр. *Yāwān*, древнеперс. *Yauna*, греч. *Ἰώνες/Ἰάονες*)⁸² считается родоначальником ионийцев.

В Ис. 66:19 и Иез. 27:13 под *Yāwān* можно подразумевать не только материковую Грецию, но и прибрежные территории, острова Восточного Средиземноморья, где существовали греческие колонии. Например, в Иез. 27:19 сообщается о вывозе из ряда городов, включая и г. Йаван, благоуханных растений и тростника.

В более поздних документах, например, различных вариантах так называемого Дамасского документа (CD VIII, 11; XIX, 24), в иносказательном смысле под *Yāwān* можно подразумевать Сирию или Селевкидское царство⁸³.

Как видно из библейских произведений и других источников, под *κῆτιοι* и *kittim* подразумевались различные топонимы и народы (имевшие, впрочем, единые индоевропейские корни).

Именно детей Йавана следует считать, как утверждают исследователи, предками греческих (в широком понимании этого термина, под которым подразумеваются различные родо-племенные объединения) колонистов, заселивших острова Эгейского и Средиземного морей, основавших многочисленные колонии в Малой Азии (на побережье и материке) и, отчасти, в Восточном Средиземноморье.

По всей видимости, в зависимости от ситуации под Елисом (Елис — первый сын Йавана)⁸⁴ можно подразумевать топоним: Великая Греция, Сицилия, острова Эолии. Как отмечается в Иез. 27:7, именно из Елиса в Тир поступали ткани голубого и пурпурного цвета. Как известно, пурпур изготавливали в Греции, Малой Азии, Лидии.

Топоним Фарсис (имя второго сына Йавана, *Taršeyš*) Иосиф Флавий (Иудейские древности, I, 6, 1) ошибочно отождествляет с Киликией.

⁸²В арамейских эпиграфических текстах термин *uwl* исследователи переводят как «Иония», «Греция» (И. Винников. Словарь арамейских надписей (далее: САН). — в: ПС: вып.7, 1962, с. 232), соотв. *Ywnu* — как «греки». S. A. Cook. A Glossary of the Aramaic Inscriptions. Hildesheim, 1974 (с. 1898), p. 60; L. Koehler, W. Baumgartner, HALAT., Lief. 2, 1974, S. 384.

⁸³L. Koehler, W. Baumgartner, HALAT., Lief. 2, 1974, S. 384.

⁸⁴Древнеевр. *ēliyašāh*. Иосиф Флавий (Иудейские древности, I, 5, 1) называет его потомком эоляна.

О связи архаической Греции и Ближнего Востока см., например: В. П. Яйленко. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

В настоящее время трудно установить, где располагался этот город-государство, остров, населенный индоевропейцами⁸⁵.

Так же сложно локализовать другую местность — Доданим (древнеевр. *Dodānim*), связанную с четвертым сыном Йавана. Лишь только при наличии конкретных данных можно относить этот термин к названию о.Родос (версия 70-ти толковников — Роданим) или городу в Восточном Средиземноморье (побережье Ханаана)⁸⁶.

При анализе письменных известий о происхождении народов надо, например, учитывать и наличие определенных субъективных факторов. Например, авторы библейских произведений в большинстве случаев — иудеи, а в Книге Захарии (9:13) и Книге Иоила (4:6) «сыны Иуды и Иерусалима» (семиты) четко противопоставляются «сынам эллинов» (индоевропейцам). В свою очередь Страбон предлагает делить обитателей, например, Малой Азии, на три группы: эллинов, варваров и смешанное население. (XIV, 5, 23).

Опираясь на многочисленные источники и возможные этимологические сходства, большинство исследователей, включая и Иосифа Флавия (Иудейские древности, I, 6, 1), связывают обитание «киттим» с о. Кипр и близлежащими островами.

Остров Кипр (акк. *mât Jafnana / mât Ja*) в древности (II-I тысячелетия до н.э.) являлся крупнейшим центром виноделия и оливководства.

Предметом экспорта являлись не только эти товары, но также злаковые, изделия из меди и серебра⁸⁷, глиняные сосуды. Во многих прибрежных городах имелись верфи, на которых строились и ремонтировались суда. Как пишет Геродот (VII, 90), ссылаясь на рассказы самих киприотов, этническая пестрота населения острова — отличительный признак этого крупного средиземноморского торгового центра.

В XIV в. до н.э., в период расцвета микенской цивилизации, на Кипре осели представители греческих племен. Появление финикийн исследователи связывают с тем, что тирские купцы ощущали необходимость расширения сферы своего влияния.

Торговые контакты Египта с Кипром еще в III тысячелетии до н.э. способствовали появлению там переселенцев, которых Геродот называет эфиопами.

Уже к IX в. до н.э., по всей видимости, следует относить формирование нескольких (не менее девяти) (Страбон, XIV, 6, 3) городских коллективов с соответствующей административно-территориальной структурой.

В V в. до н.э. во главе городской администрации находились тираны, а сама структура городов напоминала аналогичную греческую. Сейчас трудно сказать, сколь сильна была родо-племенная и этническая близость разных групп населения при формировании городских общинных коллективов.

⁸⁵J. Comay. Who's who in the Old Testament, together with the Apocrypha. L., 1997 (далее: Who's who...), p. 330.

⁸⁶J. Comay, Who's who... , p. 82.

⁸⁷Strabo, XIV, 6, /5

Кипрские правители отдельных городов активно участвовали во внутривосточной борьбе на территории материковой Греции. Геродот (V, 110) упоминает о 110 кипрских царях, успешно воевавших со своими отрядами в материковой Греции.

В 450–448 гг. до н.э. афинский полководец Кимон в союзе с пелопоннесцами безуспешно пытался захватить Кипр.

Довольно долгое время кипрские цари, лишь в ряде случаев признавая чью-либо власть, всецело господствовали на острове. В эпоху Птолемеев Кипр находился в зависимости от Египта. При римлянах цари были уничтожены и остров получил статус особой преторианской провинции.

Одним из девяти наиболее известных и экономически сильных центров Кипра являлся Китий (Китион) (греч. *Κίτιον/κίτιαις*, лат. *Citium*, акк. *kittī*, финик. *kt/kyt*).

Его особое значение отмечают Фукидид (I, 112, 3, 4), Диодор Сицилийский (XIII, 3-4), Плутарх (Сим., 18-19).

Уже в IX в. до н.э. Китий являлся крупной торговой факторией, население которой в значительной степени составляли потомки финикийских переселенцев⁸⁸.

Благодаря грекам (Зону, Апполонию) в этом городе процветали культура и искусства. Именно Китий являлся, как утверждает Страбон (XIV, 6, 3), родиной стоика Зенона.

Наличие открытой гавани не только способствовало процветанию торговли, но и послужило причиной тому, что афинянин Кимон попытался именно с Кития начать захват всего Кипра. Осада не удалась, и Кимон погиб (Фукидид I, 112, 3, 4; Страбон XIV, 6, 3).

Постоянные контакты населения Кития с Восточным Средиземноморьем, наличие крупных кораблей — все это способствовало тому, что о Китии до нас дошло значительно больше сведений, чем о других кипрских городах.

В Книге Исаяи (23:1) говорится, что «корабли проплывут мимо земли киттимской (*mēereš kittīm*)». В Книге Чисел (24:24) сообщается о киттимских кораблях (*siyyīm kittīm*).

Геродот (I, 105) упоминает о финикийском храме Афродиты Урании (Иштар).

Экономические интересы Кития распространялись и на близлежащие острова. Именно поэтому, как пишет Иосиф Флавий, «все острова и большинство прибрежных пространств называются евреями Хетим» (Иуд. др., I, 6, 1).

Необходимость связывать местожительство *kytym* с гораздо большей, чем о Кипр, территорией объясняется и другими причинами.

I. Этимология слова *kytym* до сих пор не определена. Не исключено, что мы имеем дело с индоевропейской основой. Финикийское *kt*, по всей видимости, происходит от топонима или эпонима, обозначавшего местонахождение корней родо-

⁸⁸ О *kt*: KAI, 46:6 (H. Donner, W. Röllig. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden, 1973, Bd II, S. 63.)

племенного объединения, к середине II тысячелетия оказавшегося в районе Средиземноморья.

- II. Финик. *kt/ktu* (древнеевр. *kitlīm*) могло служить обозначением племенного объединения, в формировании которого принимало участие несколько племен или групп населения. Не только на острове Кипр подобное объединение могло создаться. Благоприятная обстановка, например, существовала и в Малой Азии.
- III. Мы до сих пор ничего не знаем о том, по какой причине и какими путями создавалось объединение «народов моря», кто конкретно входил в это объединение. Не исключено, что при создании его учитывались взаимные интересы, в основе которых лежала необходимость поиска новых мест проживания.

Распад в XVI в. до н.э. хеттского государства, Троянская война (сер. XIII в. до н.э.), нашествие «народов моря» (XII в. до н.э.) — все эти события и привели к тому, что в Средиземноморье и, в частности, в Восточном Средиземноморье появились агрессивно настроенные племенные объединения индоевропейского происхождения.

Было бы преждевременно отождествлять рассматриваемых нами *ktum* с κήτιοι (китиями), о которых упоминает Страбон (XIV, 5, 22, 23).

Малая Азия (и конкретно Каппадокия) являлась центром, где путем взаимных браков из числа ахейцев и других индоевропейцев создавались новые родо-племенные объединения в XII в. до н.э. (Страбон, XIV, 5, 23).

Именно в результате мирного «просачивания» этих племен через Малую Азию в Сирию и Палестину, индоевропейцы, основывая города на побережье, используя и силу, и соответственные договоренности с местными правителями, препятствовали объединению семитских племен.

Не исключено, что (как считает, например, Ф. Кросс) часть населения Кития, потомки финикийских переселенцев, могла вернуться в Тир и найти приют в Абдоне или Ахзибе⁸⁹.

Однако более вероятно проникновение многочисленных групп индоевропейцев в составе «народов моря» и отдельных объединений. Оно носило постепенный характер и затронуло большую часть Сирии и Палестины.

В силу целого ряда причин многие представители знати из этих объединений в повседневном обращении использовали как аккадский, так и финикийский язык.

Сохранился текст на бронзовом наконечнике стрелы, найденном в Палестине и датированном XI в. до н.э. Анализ других подобных надписей свидетельствует о том, что *ktu* — имя владельца стрелы (*hš*). Лишь после дополнительных исследований надписей можно будет более предметно говорить о службе *ktum* в войсках местных правителей⁹⁰.

Период с XII по VII вв. до н.э. ознаменовался в Восточном Средиземноморье не только постепенной консолидацией еврейских племен вокруг израильских и иудейских

⁸⁹F. M. Cross. A Note on a Recently Published Arrowhead. — in: IEJ, 45, 1995, pp. 188–189.

⁹⁰Текст: F. M. Cross, A Note on a...

правителей, их борьбой против египетских и ассирийских владык, но и стремлением, главным образом приморских правителей, сохранить свою самостоятельность. Многие правители исторически были связаны с « народами моря ». В экономическом и бытовом отношении они часто сохраняли прежние, родовые привязанности.

Основанный на севере Палестины индоевропейцами в XII в. до н.э., Экрон в VII в. до н.э. превратился в крупнейший центр производства растительного масла. Сохранение прежней специализации наблюдалось и в других районах Малой Азии и Восточного Средиземноморья⁹¹.

Эпиграфические материалы из Тель Арада дополняют нарративные источники и библейскую традицию об этносоциальной группе *kty*.

Скромный достаток, отсутствие в их рационе мяса, нахождение в отдаленном районе иудейского царства — все это не может свидетельствовать в пользу того мнения, что они являлись греческими наемниками⁹².

Именно данные эпиграфики (глиняная острака, надпись XI в. до н.э. на наконецнике стрелы) и ономастики позволяют нам сделать вывод, что корни рассматриваемой этносоциальной группы⁹³ — местные (Малая Азия, Восточное Средиземноморье).

Первоначально сформировавшись в указанных районах после XIII в. до н.э., эти индоевропейские социумы постепенно ассимилировались семитским этносом. Как свидетельствуют приведенные нами данные, с XI по VI вв. до н.э. палестинские правители использовали военный опыт киттим.

SUMMARY

RTYM/KITTIM IN THE HEBREW OSTRACA OF VII-VI B. C.

The country and the population of *kittim* (*kt/kty*) were mentioned in the literary, epigraphic sources and in the oral tradition of II B. C.—I A. D.

The descendants of the people of the country *Kittim* had united into kin unions and gradually have been penetrating from Asia Minor into the Eastern Mediterranean area since the middle of Millennium II B. C. Now we can say that during XI-VI B. C. the Palestinian rulers very often made use of *kittim* and their professional skills. Many separate groups have been attracted for military service. We can also state that the whole districts in Palestine

⁹¹ О *kittim* в арамейских и древнееврейских текстах см.: H. H. Rowley. The Kittim and the Dead Sea Scrolls. — in: PEQ, 88, 1956, pp. 92-109.

⁹² О надписях на кинжалах и стрелах см. также: А. Г. Лундин. Дешифровка протосинайского письма. М., 1991, с. 45-52.

⁹³ Издание надписи правителя Экрона VII в. до н.э. см.: S. Gitin, T. Dothan. A Royal Dedicatory Inscription from Ekron — in: IEJ, 47, 1997, pp. 1-16; F. I. Andersen. The Dedicatory Philistine Inscription from Ekron — in: Buried History, 35, 1999, pp. 7-22.

⁹² A. Lemaire, ИО, р. 233; D. Pardee, НАНЛ, р. 31; Y. Aharoni, AI, pp. 12-13.

⁹³ Об этносе в античную эпоху см., например: Е. С. Голубцова. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

in that time were inhabited by Indo-European ethnic groups. *Kittim* lived compactly in the encirclement of the Semitic population.

The Hebrew ostraca of VI B. C. from the Southern district of Palestine give evidence of the modest demands of *kittim* serving as mercenaries in one of frontier Palestinian fortresses of the district. Greek mercenaries would hardly have agreed to serve under such conditions.

Local Semitic population considered that both *kittim* and Greeks (viewed as ethnic group/ethnos) have the same native land (*kittim*).

The available data indicate that local *kittim* and not Greek mercenaries are mentioned in the Hebrew ostraca from Arad.

С. А. ФРАНЦУЗОВ

(Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХАДРАМАУТСКОМ ЭПОНИМАТЕ*

Среди историко-культурных регионов, составлявших в совокупности древнюю южноаравийскую цивилизацию, наименее изученным остается Хадрамаут. Это ставшее уже банальным утверждение справедливо и для своеобразного эпиграфического языка, которым пользовались обитатели этой обширной области в I тысячелетии до н.э.¹, и для ее социально-экономической и политической истории в тот период, и для местного пантеона. Причина такого положения заключается в нехватке источников и, прежде всего, той их разновидности, которая для исследователей-сабейстов до сих пор остается основной — надписей. Действительно, если общее количество уже изданных эпиграфических материалов на сабейском языке давно перевалило за пять тысяч, а маинских и катабанских текстов известно более, чем по тысячи, то хадрамаутских надписей, включая мелкие и мельчайшие фрагменты, а также граффити, происходящие с территории Хадрамаута, на начало 80-х гг. насчитывалось около пятисот².

*В статье использована кодовая система ссылок. Основные положения данной статьи составили первую часть доклада «L'épigraphie sudarabique: quelques nouvelles suggestions», с которым автор выступил на французском языке 21 мая 1999 г. в ИВ РАН в ходе международной конференции «На краю Ойкумены: южноаравийская цивилизация и ее место в истории древнего мира (Сабейские встречи, 4)», посвященной памяти выдающихся отечественных сабейстов Г. М. Бауэра и А. Г. Лундина.

¹Кр.Ж. Робен, рассматривая лингвистическую ситуацию в доисламской Аравии, совершенно точно охарактеризовал его как «la langue ancienne la plus éloignée de l'arabe et la plus mal comprise» (Robin 1991, p. 99). Гораздо более отдаленное родство хадрамаутского, чем, скажем, сабейского с классическим арабским сильно затрудняет толкование составленных на нем текстов.

²Подсчет основан на списке хадрамаутских надписей, приведенном в: *Arbach* 1998.

Строго говоря, отнесение граффити к числу хадрамаутских надписей некорректно, поскольку под последними следует понимать тексты, составленные на хадрамаутском эпиграфическом языке, которым авторы граффити зачастую не владели. Если же исключить из данного списка наряду с граффити

При этом следует подчеркнуть, что лишь крайне незначительное число письменных памятников, составленных на других южноаравийских языках, содержит сведения по хадрамаутской истории.

Положение коренным образом изменилось в середине 80 — начале 90-х годов, когда в результате работ Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в распоряжении специалистов оказалось более 2700 хадрамаутских надписей, обнаруженных во время раскопок городища Райбун, а также при археологической разведке близлежащих районов Западного Хадрамаута. Систематическое изучение этих богатейших материалов, начатое эпиграфистами СОЙКЭ Г. М. Бауэром и А. Г. Лундиным и продолженное автором этих строк³, позволило по-новому взглянуть на развитие южноаравийской письменности, на значение палеографии для относительной датировки, на характер местных политеистических культов, на роль женщины в древнем хадрамаутском обществе. Впервые перед исследователями предстал во всем многообразии посвященных текстов, отражающих повседневную жизнь людей, один из периферийных культовых центров цивилизации юга Аравии. Существенно расширился круг наших знаний о ряде социально-политических институтов древнего Хадрамаута, известных прежде по одному-двум упоминаниям в местных надписях. К их числу следует отнести эпонимат. Установлено, что до утверждения в первых веках н.э. системы абсолютной датировки по локальным эрам, в государствах, а также в некоторых крупных областях Южной Аравии, летоисчисление велось по особым должностным лицам, которых, следуя античной традиции, принято называть эпонимами⁴. Если в сабейской, ма'инской и катабанской эпиграфике встречаются десятки эпонимных датировок, то среди изданных хадрамаутских надписей до настоящего времени засвидетельствованы всего три текста, датированные таким образом: RES 2687, Ya 2818 b и СТ 10.

Обнаруженная А. фон Вреде в 1843 г. на древнем оборонительном сооружении в вади ал-Бина⁵ строительная надпись принадлежит к числу известнейших памят-

и те фрагменты монументальных надписей, о языке которых нельзя судить с определенностью, то общее число хадрамаутских эпиграфических памятников должно быть оценено в 300–350, причем всего несколько десятков среди них заключают в себе сколько-нибудь значимую информацию исторического или религиозно-культурного характера.

³Среди статей, посвященных эпиграфике Райбуна, отметим наиболее значимые: Бауэр 1989; Бауэр 1995; Лундин 1989; Lundin 1997 a; Lundin 1997 b; Frantsouzoff 1995; Frantsouzoff 1997; Frantsouzoff 1998; Французов 1998. Подготовлен к публикации на французском языке и сдан в печать выпуск 1 полного издания райбунских надписей: Frantsouzoff (в печ.).

⁴За исключением Ма'йна, где в роли эпонимов выступали кабиры, мы не знаем, какими терминами обозначались эти магистраты на южноаравийских языках и носили ли они вообще особую титулатуру.

Следует учитывать, что система датировки по эрам, применявшая первоначально в основном на подвластных Химйаритскому государству южнойеменских землях, и сабейский эпонимат существовали параллельно, по крайней мере, в течение двух-трех столетий вплоть до гибели в конце III в. н.э. Сабейского царства, с которым были тесно связаны местные эпонимные рода.

⁵Свое современное название, означающее по-арабски «постройка», «строение», вади получило благодаря этому неплохо сохранившемуся образцу хадрамаутской фортификации (см. общий вид в: Дое 1971, p. 154, pl. 79).

ников южноаравийской эпиграфики⁶. В ней содержится самое раннее упоминание о химйаритах (RES 2687,3), которое принято относить к рубежу нашей эры. Для того, чтобы защитить от них проходивший по вадī участок важнейшей торговой трассы Хадрамаутского царства, соединявшей его столицу Шабву с побережьем Индийского океана, и были возведены те укрепления, о которых говорится в надписи. Ее автор взял на себя руководство этими работами «ради господина своего Йаш[ку]р'ила Йухар'иша, сына Абийа'са, мукарриба Хадрамаута» ($h-mr'-s^1 / YS^2[K]R'L / YHR'S^2 / bn / 'BYS^3 / mkrb / H\bar{D}RMT$ — RES 2687,1)⁷. Речь, таким образом, шла о событии общегосударственного значения, которое нуждалось в официальной датировке. Действительно, в заключительной части надписи приведена соответствующая формула: «в (год) Йашрах'ила зү 'Азйза второй» ($d-hy / YS^2RH'L / d'DD-m / s^3ny-hn$ — RES 2687,5)⁸. По своей структуре она ближе к катабанским и ма'инским эпонимным датировкам, в которых патронимия опускается, чем к аналогичным сабейским формулам, где, как правило, упоминаются не только личное и родовое имя эпонима, но и его «отчество».

Напись Ya 2878 b, обнаруженная в хадрамаутской колонии Сумхурām (городище Хор Рори) на территории Дофара, также датирована по эпониму, однако датировочную формулу, которую издатель памятника А. Жамм перевел неверно, удалось обнаружить лишь автору этих строк. Этот строительный текст был составлен наместником хадрамаутского царя «в (год) Хамийата зү Хишāма четвертый» ($b-hy /$

⁶Wrede-Maltzan 1870, S. 325–362. Текст этой надписи неоднократно переиздавался в последнее время (см., например: Бин 'Ақыл 1984, с. 38–41; Бә Фақих и др. 1985, с. 322–323), тогда как ее перевод, выполненный крупнейшим сабейстом-филологом начала столетия Н. Родоканакисом (*Rhodokanakis* 1917, S. 48–54; *Rhodokanakis* 1928, S. 69, Алп. 6) и воспроизведенный в RES, несмотря на имеющиеся в нем отдельные неточности, пересмотру не подвергался.

⁷Реконструкция имени мукарриба дана в соответствии с RES. Судя по фотографиям, сделанным за последние десятилетия, в нем поддается прочтению лишь знак г (*Дое* 1971, р. 154, pl. 80; Бин 'Ақыл 1984, с. 40, фото 4; *Robin* 1994 а, pl. 48). Недавно Кр. Ж. Робен предположил, что этот магистрат носил иное имя — $YS^2[H]R'L$, известное по единственному упоминанию на бронзовой гире с городища Хаур Рүри (Хор Рори, т.е. из хадрамаутской колонии Сам(х)ар'м, находившейся на территории Дофара), однако, если учесть крайнюю скудость наших знаний о правителях Хадрамаута, его аргументация не кажется убедительной (*Robin* 1994 а, р. 104–107). Некритическое восприятие некоторыми исследователями этой пока не подтвержденной гипотезы (см. *Седов* 1998, с. 75–80, 83, 183–186) вызывает возражение. К тому же в отличие от антропонима Йашхур'ил имя собственное Йашкур'ил хорошо представлено в хадрамаутской ономастике: в надписях райбунского храма Майфа'ан, посвященного богу Сйну, оно встречается трижды (Р6 XIV/87 № 110,8; 184,5; СОЙКЭ 2377 = Р6 XIV/90 № 60,1).

⁸Энциклитика $-hy$, вставленная после относительного местоимения d' , самостоятельной семантической функции не имеет. Очевидно, ее употребление следует рассматривать как стилистический прием, призванный подчеркнуть значимость этой части текста (*Beeston* 1962, §§ 57:1, 57:8). Предложенное А. Ф. Л. Бисоном по аналогии с СТ 10,2 (см. ниже) чтение (b -)hy вместо $d-hy$ не подтверждается фотографиями (см. о них в прим. 7).

Идущее следом за данной формулой выражение $s^2ls^3t / 'wrh-m$ «в течение трех месяцев» (в RES из-за явной опечатки — s^2ls^3-n) к данной формуле, разумеется, не относится, а указывает на продолжительность работ по возведению укреплений в вадī ал-Бина'.

Ḥmyt / q-Hs²m / rb'-hn — Ya 2878 b, 4).

Другой хадрамаутский текст, датированный по эпониму, был обнаружен при раскопках городища Хурайда (древний Мазāб — hgr-hn / MḌB-m /) в вадī 'Амд (Западный Хадрамаут), проводившихся в декабре 1937 — начале марта 1938 гг. под руководством Г. Кэтон Томпсон. Небольшой объем этого памятника, датируемого на основании особенностей его палеографии и орфографии серединой III-I вв. до н.э.⁹, дает возможность привести его здесь полностью.

СТ (Caton Thompson) 10

Текст

- I. [Pα'][?]JBN'L / bn / 'MḌMR / YRMY-hn / k
 II. br / RMY / s¹hds³ / šlwt / MḌB-m / b-hy / 'ḌḌ-
 III. m / s²ls³-hn / w-b-s²rk / RMY /

Перевод¹⁰

- I. [Pa]6bān'ил (или [Pa']bān'ил)¹¹, сын 'Аммйзамара, Йарймит¹², ка-
 II. бйр (общины) рамай, соорудил фасад (храма) Мазāб в (год) 'Азйза
 III. третий и во имя общины рамай.

Наибольшее удивление вызывает отсутствие в датировочной формуле СТ 10 родового имени эпонима. Прежде был известен только один подобный случай: на конце

⁹СТ 10 принадлежит к тому же «классическому» периоду, что и СТ 4 (см. Французов 1998, с. 144), однако его хронологические рамки следует уточнить. Согласно устному сообщению А. В. Седова, за которое я выражаю ему глубокую признательность, данные радиоуглеродного анализа показывают, что начало этого периода приходится не на II в., а на середину III в. до н.э.

¹⁰В основу положен перевод Г. Рикманса с учетом изменений внесенных в него М. Ф. Муртазиным.

¹¹Несмотря на то, что антропоним BN'L встречается в хадрамаутской эпиграфике (RES 2687,2; Shabwa/écuse A,2-3), на фотографии этой надписи отчетливо видна лакуна размером в один или два знака перед b (С. Ryckmans 1944, pl. 64), не принятая в расчет издателем. М. Ф. Муртазин обратил на нее внимание, однако из-за отсутствия в южноаравийской ономастике подходящего теофорного имени не сумел заполнить эту лакуну. По аналогии с катанскими антропонимами 'LRBN и R'BN'M (Harding 1971, p. 65, 262), первый из которых отмечен также в хадрамаутском граффити RES 4214 β, можно попытаться чисто гипотетически реконструировать здесь не засвидетельствованные пока имена [R]BN'L или [R']BN'L.

¹²Такая вокализация представляется предпочтительной по сравнению с принятой ранее формой «le Yarmite (Йармит)», поскольку в арабо-мусульманском предании о йеменских древностях личное имя Йарм не упоминается, тогда как Йарйм встечается довольно часто (см., например: al-Kalbī-Caskel 1966, II, S. 591; al-Hamdānī-Löfgren 1953, no. 68, 146, 293, 295-299, 301-305, 375, 555, 587). Следует, конечно, иметь в виду, что всякая огласовка древних южноаравийских имен собственных и терминов носит условный характер и не претендует на строгую научную достоверность.

ма'инской, точнее мазабской¹³, надписи Ma'in 33 выражение «при кабирате (т.е. эпонимате) Йарфа» (*b-kbr / YRF' /*) стоит без каких-либо дополнений. К сожалению, ее текст известен лишь по копии Ж. Галеви, и потому нельзя с уверенностью утверждать, что после имени YRF' не было лакуны или даже отдельных слов, которые остались нескопированными. Чтобы объяснить подобную аномалию в СТ, 10 М. Ф. Муртазин, опираясь на совпадение личного имени упомянутого в ней эпонима с наименованием известного по RES 2687,5 эпонимного рода 'DD-т, выдвинул весьма рискованное предположение о том, что в рассматриваемой формуле 'Азйз обозначает этот же род, а не к конкретное лицо¹⁴. Правда, такое допущение противоречит имеющимся данным о южноаравийском формуляре, поскольку нигде в древнейшей эпиграфике родовое имя в такой позиции ранее не встречалось. После того, как в одной из райбунских надписей (СОЙКЭ 1142 = Р6 XIV/87 № 16,3) была обнаружена еще одна датировка, в которой род эпонима не упоминается, стало ясно, что речь идет не об исключении, а о закономерности, и несостоятельность гипотезы М. Ф. Муртазина оказалась очевидной. Следует отметить, что в эпиграфике Райбўна нет никаких указаний на родовую принадлежность нескольких сотен человек, чьи имена там встречаются. По-видимому, деление на рода вообще не было характерно для райбунского общества. Значительное сходство в палеографии, формуляре и терминологии между надписями из Райбўна и Хурайды указывает на то, что эти западнодрамаутские поселения принадлежали к одному социально-культурному типу. Можно предположить, что и в древнем Мазāбе общество изначально строилось на тех же принципах. Появление же в СТ 10 нисбы YRMY-hn, скорее всего, указывающей на род по святителя, свидетельствует, вероятно, о размывании подобной структуры в конце I тысячелетия до н.э. под влиянием соседних южноаравийских государств, где родовая организация играла весьма значительную роль. Обратимся теперь к единственному пока райбунскому тексту, датированному по эпониму.

СОЙКЭ 1142 = Р6 XIV/87 № 16

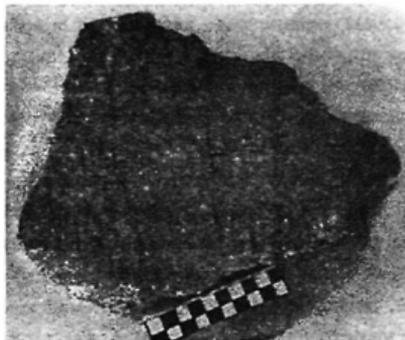
Описание

Этот обколотый со всех сторон фрагмент надписи (илл. 1) был обнаружен в 1987 г. на городище Райбўн XIV в самом начале раскопок храма Майфа'ан. Его размеры — 20,2 × 27,2 см, расстояние между строками — 1–1,2 см, средний размер знака — 1,9 × 5,4 см. Характерная форма знаков с утолщениями на концах линий, а также написание *s³ny-h[n]* с *s³*, а не с *l* позволяют с уверенностью отнести его к т.н. «класическому», или позднему, периоду в истории Райбўна (сер. III — I вв. до н.э.)¹⁵.

¹³ Наименование «мазабские» закрепилось сейчас за группой древнейших южноаравийских надписей, которые составлялись на территории вади Мазāб еще до возникновения там в середине I тысячелетия до н.э. государства Ма'ин (Avanzini 1995, p. 29–30; Bron 1998, p. 28).

¹⁴ Муртазин 1995, с. 270.

¹⁵ О принципах относительной датировки райбунских надписей, исходя из их палеографии и орфографии, см.: Французов 1998, с. 132–133, 144; Frantsouzoff (в печ.), раздел 1, очерки II–III.

Илл. 1. СОЙКЭ 1142

Илл. 2. СОЙКЭ 941

Текст

- I. ...r / bs³m...
 II. ...w / w-YMR'L / ...
 III. ... / b-hy / Y]HM'L / s³ny-h[n...

Перевод

- I. ....
 II. .... и Йамурра'ил...
 III. .... в (год) Йа]хумма'ила второ[й...

Комментарий

Основная проблема, возникающая при интерпретации данного фрагмента, состоит в том, насколько обосновано восстановление здесь эпонимной датировки. Нужно отметить, что в южноаравийской эпиграфике порядковые числительные использовались довольно редко. В хадрамаутских же надписях они встречаются либо в связи с эпонимами, либо в особой формуле, отмечающей принесение «второй (или повторной?) жертвы» ($dbh-m / s^3ny-m$). Однако в ней числительное, во-первых, снабжено мймацией, во-вторых стоит после имени нарицательного $dbh(-m)$ или после предлога $b-$ (СТ 4,5), и его не может предвирать имя собственное¹⁶. В датировочных формулах, напротив, числительное имеет показатель определенного состояния $-hn$ (s^3ny-hn ; s^2ls^3-hn) и употребляется непосредственно после родового или личного имени эпонима (ср. RES 2687,5; СТ 10,2-3), что полностью соответствует фрагментарному контексту в стк. 3.

¹⁶Подробный анализ этой формулы приведен в: Французов 1998, с.146. К сожалению, пока не удалось установить, какой конкретно ритуал или обычай имеется в виду под «второй жертвой».

Стк. 2: антропоним *YMR'L* в южноаравийских надписях за пределами Хадрамаута не встречался. Впервые обнаружен в наскальном тексте СОЙКЭ 1058 = Маравих I № А2¹⁷.

Стк. 3: разумеется восстановления *d-hy* вместо *b-hy* также нельзя исключать. Имя *[Y]HM'L*, широко представленное в эпиграфике древней Южной Аравии¹⁸, было реконструировано в картотеке А. Г. Лундина с учетом его распространенности в ономастике данного храма (см. Р6 XIV/87 № 104,1; 105/3; СОЙКЭ 2368 = Р6 XIV/90 № 51,1).

Еще один фрагмент с аналогичной формулой был обнаружен членами СОЙКЭ при осмотре городища Би'р Хамад в 1984 г.¹⁹ К сожалению, древнее название этого поселения остается неизвестным. Попытка П. А. Грязневича отождествить его с Сува'араном (*SW'R-n*)²⁰, самым западным форпостом обитателей ваді Хадрамаут, который не раз принимал на себя первый удар сабейских и химйаритских войск, отправлявшихся на завоевание этой области в III–IV вв. н.э.²¹, не выдерживает критики, поскольку нет никаких археологических данных, свидетельствующих о существовании Би'р Хамада в первые века н.э.²² Анализ эпиграфических памятников, происходящих с этого городища, показывает²³, что типологически они практически идентичны райбунским надписям. Главными божествами обитателей древнего Би'р Хамада были, как и в Райбуне, Сйн и Зәт Химйам, каждому из которых был посвящен, по меньшей мере, один храм. Посвятительные надписи, которые удалось с этими святилищами связать, датируются VII–I вв. до н.э.²⁴ Интересующий нас фрагментарный текст относится к храму Сйна и восходит к «классическому» периоду, как и опубликованный выше СОЙКЭ 1142.

¹⁷См. Пиотровский 1995, с. 194, где он ошибочно дан под № 936.

¹⁸См. Harding 1971, p. 662.

¹⁹Археологическое описание этого городища см. в: Sedov 1995.

²⁰Грязневич 1995, с. 10.

²¹См. об этом, например, в: W. Müller 1981, S. 238.

²²Sedov 1995, p. 113. Проведенные А. В. Седовым в 1993–1994 гг. полевые исследования подтверждают прежнюю локализацию Сува'арана на месте современной деревни ал-'Адийа в районе ал-Каср и в ее окрестностях.

²³В настоящее время автор данной статьи готовит к публикации корпус найденных в ходе работ СОЙКЭ текстов из Би'р Хамада, общее число которых достигает 70.

²⁴Благодаря упоминаниям имен божеств 12 текстов удалось соотнести с конкретными храмами, причем шесть из них посвящены Сйну (СОЙКЭ 940, 939, 941–943, 951 = БХ/84 № 15, 14, 16–18, 26), а шесть — Зәт Химйам (СОЙКЭ 946, 944, 945, 958, 963, 970 = БХ/84 № 21, 19, 20, 33, 38, 45). Среди надписей каждого храма одна восходит к 1-му этапу «архаического» (раннего) периода, т.е. к VII–VI вв. до н.э. (СОЙКЭ 940 = БХ/84 № 15; СОЙКЭ 946 = БХ/84 № 21), остальные — к «классическому» (позднему) периоду.

СОЙКЭ 941 = БХ/84 № 16

Описание

Обломанный справа и снизу довольно большой фрагмент (32 × 34,5 × 5,5 см) облицовочной плиты, на которой высечена заключительная часть votивной надписи (илл. 2). Верхняя половина стк. 1 располагалась на предыдущей плите. Нижняя строка сильно повреждена. Расстояние между строками — 1 см, между знаками — 0,7–1 см; средний размер знака — 2,4 × 6 см.

Текст

- I. ....d / m(n)(') (y)-m (?)
- II. [b-hy / ..]H'L / s³ny-hn
- III. [w-tq'w /]BS²MS¹ / w-HN
- IV. [šWN / b-']dn / S¹YN / nf
- V. [s¹-s¹my / w-] dn-s¹m[y...

Перевод

- I. .... украшения фасада (?)
- II. [в (год)..]х'ила второй.
- III. [И вручили] Абишамс и Хан-
- IV. [шаван во]ле Сйна ду-
- V. [шу свою и] волю сво[ю...

Комментарий

Стк. 1: термин *tn'y-m*, реконструируемый здесь с некоторой долей вероятности, встречается во фрагментарной надписи СОЙКЭ 1129 = Р6 XIV/87 № 1,5 в контексте, связанном, очевидно, с возведением или ремонтом храма Майфа'ан. Его перевод основан на значении однокоренного сабейского глагола *n'yw* (мн.ч.) «помещать, закреплять украшения на фасаде» (Beeston et al. 1982, p. 90). Если восстановление и истолкование данного термина верно, то в БХ/84 № 16, как и в СТ 10, речь шла о строительных работах в местном святилище Сйна, которые из-за их значимости решено было датировать по эпониму.

Стк. 2: имя эпонима (явно личное, а не родовое) однозначному восстановлению не поддается. Заманчиво было бы реконструировать здесь антропоним [YS²R]H'L, известный по эпонимной датировке в RES 2687,5, однако размер лакуны, определяемый с точностью до знака благодаря стереотипному характеру формулы в стк. 3–5, не позволяет этого сделать. Ни один из антропонимов, засвидетельствованных в надписях из Би'р Хамада, для заполнения лакуны также не годится. Зато в ономастиконе Райбуна есть три подходящих имени: DRH'L (СОЙКЭ 1186 = Р6 XIV/87 № 67;

СОЙКЭ 1554 = Р6 XIV/88 № 90,1; СОЙКЭ 2479 = Р6 XIV/90 № 164; СОЙКЭ 1821 = Р6 I/89 зд. 4, сл. I № 247), $S^2RH'L$ (СОЙКЭ 2513 = Р6 XIV/90 № 198; СОЙКЭ 2595 = Р6 XIV/90 № 280; СОЙКЭ 2306 = Р6 I/90 № 143,2), $S^3NH'L$ (СОЙКЭ 1796 = Р6 I/89 зд. 4, сл. I № 222).

Стк. 3–5: формула с глаголом td' хорошо представлена в райбунских надписях²⁵, и ее восстановление сомнений не вызывает. Двойственное число глагола в хадрамаутском эпиграфическом языке не отмечено: там, где оно требуется, используется форма мн.ч.²⁶, в данном случае — $[td'w]$. Антропоним $HN[SWN]$ реконструирован весьма надежно, поскольку это имя собственное встречается в нескольких текстах из Би'р Хамада (СОЙКЭ 927–931 = БХ/84 № 2–6). Среди трех местоименных суффиксов дв.ч., употребляемых в хадрамаутском²⁷, выбран $-s'ly$, поскольку он засвидетельствован в надписи СОЙКЭ 988 = БХ/84 № 63, происходящей с этого же городища.

*
* * *

Несмотря на незначительное увеличение числа хадрамаутских надписей, содержащих эпонимные датировки (с трех до пяти), объем наших знаний об этом социальном институте древнего Хадрамаута существенно вырос. Отметим, что все они принадлежат к одному историческому периоду: СТ 10, СОЙКЭ 1142 и СОЙКЭ 941 восходят к середине III–I вв. до н.э., RES 2687 и Ya 2878 — к I в. н.э. В четырех случаях, когда контекст сохранился или его удастся восстановить, выясняется, что речь там идет о сооружении укреплений, о возведении или ремонте храмов. Конечно, далеко не все строительные работы, нашедшие отражение в эпиграфике этого региона, датировались по эпонимам. Например, среди более, чем десятка райбунских текстов, в которых упоминается постройка или реконструкция местных святилищ, лишь один имеет подобную датировку. По неясным пока причинам ссылки на эпонимов встречаются в хадрамаутских эпиграфических памятниках чрезвычайно редко.

Установлено, что в Хадрамауте на рубеже нашей эры существовали, по меньшей мере, две различных системы эпонимата. Одна из них, представленная в RES 2687,5, Ya 2878 и по своей датировочной формуле напоминающая катабанскую и отчасти ма'инскую²⁸, использовалась, очевидно, в официальных текстах Хадрамаутского царства, повествующих о событиях государственной важности. Другая система отражена в трех надписях, происходящих из храмов бога Сина, которые находились

²⁵ Frantsouzzoff 1995, p. 21–22.

²⁶ Frantsouzzoff (в печ.), раздел 1, очерк III.

²⁷ Два из них ($-s'mn$ и $-s'myn$) известны давно (Beeston 1962, § 37:6), третий ($-s'ly$) впервые обнаружен в райбунских надписях (Frantsouzzoff (в печ.), раздел 1, очерк III).

²⁸ Формуляр ма'инских датировок, в основе которых лежит обязательное упоминание магистратуры каibra, выполнявшего обязанности эпонима, построен по особой схеме.

в поселениях западной части Внутреннего Хадрамаута²⁹. Ее формуляр отличается отсутствием у эпонимов родовых имен. Было бы заманчиво связать ее с крупнейшим культовым центром этой области, располагавшимся в Райбуне, однако оснований для этого пока нет, т.к. лишь одна датированная по ней надпись относится к райбунской эпиграфике. Наличие во Внутреннем Хадрамауте в последние века I тысячелетия до н.э. своей собственной системы датировки по эпонимам наряду с особенностями местной палеографии, орфографии и формуляра, разительно отличающихся от принятых в Шабве, служит важным аргументом в пользу того, что эта область пользовалась тогда значительной самостоятельностью и, возможно, даже формально не входила в состав Хадрамаутского государства.

Открытым остается вопрос о характере эпонимата в рамках обеих этих систем: исполнял ли эпоним свои функции в течение нескольких лет подряд или же срок его полномочий ограничивался одним годом, но он мог занимать данный пост с перерывами несколько раз?³⁰ Решить эту проблему без пересмотра сложившихся представлений об институте эпонимата в различных регионах Южной Аравии и, прежде всего, в Сабе не представляется возможным³¹.

Список библиографических сокращений

Ба Фақиҳ и др. 1985 — *Муҳаммад 'Абд ал-Қадир Ба Фақиҳ, A. F. L. Beeston, Ch. J. Robin, Маҳмуд ал-Гул. Муснадан. Муҳтарат мин ан-нукуш ал-йаманӣя ал-қадима. Тунис, 1985.*

Бауэр 1989 — *Г. М. Бауэр. Городище Райбун по данным эпиграфики. — в: ВДИ, 1989, № 2 (т. 189), с. 153–157.*

Бауэр 1995 — *Г. М. Бауэр. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор). — в: ТСОЙКЭ, I, с. 112–152.*

Бин 'Ақил 1984 — *'Абд ал-'Азиз Джа'фар Бин 'Ақил. Джидар ал-Бинā' фӣ Хадрамаут. — в: Ал-Масар (Аден), № 23, ноябрь 1984, с. 35–41.*

Грязневич 1995 — *П. А. Грязневич. Полевые исследования Советско-йеменской комплексной экспедиции в Хадрамауте и на о-ве Сокотра в 1983–1985 гг. — в: ТСОЙКЭ, I, с. 3–17.*

²⁹Внутренним Хадрамаутом называется область, охватывающая вадӣ Хадрамаут в его верхнем и среднем течении (до нынешнего вадӣ Масйла), а также примыкающие к нему боковые долины и не имеющая выхода к морю.

³⁰А. Г. Лундин считал сабейский эпонимат семилетним и разработал строгую и красивую схему поочередного пребывания на посту эпонимата представителей трех родов в течение полного цикла, составившего 21 год (*Лундин* 1971, с. 54–65, 103–135; отдельные исправления и уточнения, внесенные им в свою схему, см. в: *Лундин* 1979). В последние годы его концепция была подвергнута серьезной критике со стороны Кр. Робена, высказавшегося за одногодичный эпонимат (*Robin* 1994 б).

³¹Свой подход к данной проблеме автор изложил во второй части упоминавшегося выше доклада «L'éponymat sudarabique: quelques nouvelles suggestions», которая готовится к публикации в виде самостоятельной статьи в ВДИ.

Лундин 1971 — А. Г. Лундин. Государство мукаррибов Саба (сабейский эпонимат). М., 1971.

Лундин 1979 — А. Г. Лундин. Хронологический список сабейских эпонимов I—III вв. н.э. (новые материалы). — в: НАА, 1979, № 5, с. 97–106.

Лундин 1989 — А. Г. Лундин. Надписи Внутреннего Хадрамаута (общая характеристика). — в: ВДИ, 1989, № 2 (т. 189), с. 142–148.

Муртазин 1995 — М. Ф. Муртазин. О социальной структуре древнего хадрамаутского города Мазаб. — в: ТСОЙКЭ, I, с. 265–272.

Пиотровский 1995 — М. Б. Пиотровский. Вади аль-'Айн: древнейшие надписи. — в: ТСОЙКЭ, I, с. 176–201.

Седов 1998 — А. В. Седов. Монеты древнего Хадрамаута. М., 1998.

ТСОЙКЭ, I — Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I: Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М., 1995.

Французов 1998 — С. А. Французов. О водопользовании в древнем внутреннем Хадрамауте. — в: ЭВ, XXV, 1998, с. 130–151.

Arbach 1998 — M. Arbach. Répertoire des noms propres ḥadramawtiques. Aix-en-Provence, 1998 (не издано).

Avanzini 1995 — IDIS, 4: A. Avanzini. As-Sawdā'. Paris — Rome, 1995.

Beeston 1962 — A. F. L. Beeston. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian, L., 1962.

Beeston et al. 1982 — A. F. L. Beeston, M. A. Ghul, W. W. Müller, J. Ryckmans. Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvaine-la-Neuve — Beyrouth, 1982.

Bron 1998 — IDIS, 3: Fr. Bron. Ma'in. Fasc. A: Les documents. Paris — Rome, 1998.

Doe 1971 — B. Doe. Southern Arabia. L., 1971.

Frantsouzoff 1995 — S. A. Frantsouzoff. The Inscriptions from the Temples of *Dhāt* Ḥimyam at Raybūn. — in: PSAS, 25, 1995, p. 15–27, pl. I–II.

Frantsouzoff 1997 — S. A. Frantsouzoff. Regulation of conjugal relations in ancient Raybūn. — in: PSAS, 27, 1997, pp. 113–127.

Frantsouzoff 1998 — S. A. Frantsouzoff. A parallel to the Second Commandment in the inscriptions of Raybūn. — in: PSAS, 28, 1998, p. 61–67.

Frantsouzoff (в печ.) — IDIS, 5 :Raybūn. Partie 1 :S. A. Frantsouzoff. Ḥadrān, temple de la déesse 'Athtar^{um} / 'Astar^{um} (avec une contribution archéologique par A. V. SEDOV). Fasc. A : Les documents. Fasc. B : Les planches. Paris — Rome (в печати).

al-Hamdānī-Löfgren 1953 — al-Hamdānī. Südarabisches Muštābih. Verzeichnis homonymer und homographischer Eigennamen. Hrsg. von O. Löfgren. Uppsala, 1953 (Bibliotheca Ekmāniana Universitatis Regiae Upsaliensis, 57).

Harding 1971 — G. Lankester Harding. An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto — Buffalo, 1971 (Near and Middle East Series, 8).

IDIS — Inventaire des inscriptions sudarabiques / Inventario delle iscrizioni sudarabiche (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Istituto italiano per l'Africa et l'Oriente). Publié avec les soins de Ch. Robin / Pubblicato a cura di Ch. Robin.

al-Kalbī-Caskel 1966 — *W. Caskel*. Ğamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. Bd I-II. Leiden, 1966.

Lundin 1997 a — *A. G. Lundin*. Die Inschriften des antiken Raybūn. — in: ME, I, S. 19–25.

Lundin 1997 b — *A. G. Lundin*. Eine Grabinschrift aus der Nekropole Raybūn XVI. — in: ME, I, S. 27–30.

ME, I — *Mare Erythraeum*, vol. I. München, 1997.

W. Müller 1981 — *W. W. Müller*. Das Ende des antiken Königsreichs Ḥaḍramaut. Die sabäische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryani 32. — in: Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag. Hrsg. von R. G. Stiegner. Graz, 1981, S. 225–256.

Pirenne 1990 — *J. Pirenne*. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. P., 1990 (Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique, t. CXXXIV : Fouilles de Shabwa, I.).

Rhodokanakis 1917 — *N. Rhodokanakis*. Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen, II. Heft. — in: SBAWW, 185. Bd, 3. Abh., 1917.

Rhodokanakis 1928 — *N. Rhodokanakis*. Altsabäische Texten, I. — in: SBAWW, 206. Bd, 2. Abh., 1928.

Robin 1991 — *Ch. J. Robin*. Les langues de la péninsule Arabique. — en : L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions. Sous la responsabilité de Ch. Robin. Aix-en-Provence, 1991, p. 89–111 (Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée, no. 61).

Robin 1994 a — *Ch. J. Robin*. Yashhur'il Yuhar'ish, fils d'Abīyaša', mukarrib du Ḥaḍramawt. — en: *Raydān*, 6, 1994, p. 101–111, pl. 48.

Robin 1994 b — *Ch. J. Robin*. À propos d'une nouvelle inscription du règne de Sha'r^{um} Awtar, un réexamen de l'éponymat sabéen à l'époque des rois de Saba' et de dhū Raydān. — en: Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag. Hrsg. von N. Nebes. Wiesbaden, 1994, S. 230–249.

G. Ryckmans 1944 — *G. Ryckmans*. Epigraphy. — in: *G. Caton Thompson*. The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut). Oxford, 1944, pt VII: p. 157–184 (Report of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London no. 13).

SBAWW — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Akademie der Wissenschaften in Wien. Wien.

Sedov 1995 — *A. V. Sedov*. Bi'r Ḥamad: a pre-Islamic settlement in the western Wādī Ḥaḍramawt. Notes on an archaeological map of the Ḥaḍramawt, 1. — in: AAE, 1995, no. 6, p. 103–115.

Wrede-Maltzan 1870 — *Alolph von Wrede's* Reise in Ḥaḍramaut, Beled Beny 'Yssa

und Beled el Ḥadschar. Hrsg., mit einer Einleitung, Anmerkungen und Erklärung der Inschrift von 'Obne versehen von H. von Maltzan. Braunschweig, 1870.

Указатель сиглов надписей

CT 4, 10 — С. *Ryckmans* 1944, p. 158–160, 162–163, pl. LXIII, LXIV; *Муртазин* 1995, с. 266–270.

Ya 2878 b — А. *Yamte* *Miscellanées d'ancien (sic!) arabe*. Washington, 1979, p. 94–95, pl. h.

Ma'in 33 — *Bron* 1998, p. 66.

RES — Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. T. V–VIII. P., 1929, 1935, 1950, 1968.

Shabwa/Écluse A — *Pirenne* 1990, p. 60, pl. 48.

RÉSUMÉ

NOUVELLES DONNÉES SUR L'ÉPONYMAT ḤAḌRAMAWTIQUE

L'article est consacré à l'étude d'une institution importante de la société ḥaḍramawtique ancienne, notamment de l'éponymat, effectuée grâce aux données uniques extraites de deux textes fragmentaires découverts par l'Expédition pluridisciplinaire soviéto-yéménite (EPSY) à Raybūn (EPSY 1142 = Rb XIV/87 no. 16) et à Bi'r Ḥamad (EPSY 941 = BH/84 no. 16) et publiés ici pour la première fois. Trois autres inscriptions ḥaḍramawtiques datées par éponymes, RES 2687, Ya 2878 b et Caton Thompson (CT) 10, qui sont connues depuis longtemps ont subi un réexamen. On a établi donc qu'aux 3ème siècle avant l'ère chrétienne — 1er siècle de l'ère chrétienne deux systèmes d'éponymat différents coexistaient sur le territoire du Ḥaḍramawt. L'un d'entre eux représenté seulement dans RES 2687,5 et Ya 2878 b, était employé, selon toute vraisemblance, dans la documentation officielle du Royaume ḥaḍramawtique pour commémorer les événements d'intérêt national. L'autre système qui se distingue par les éponymes dont le nom de lignage manque dans le formulaire est attesté dans trois inscriptions (CT 10, EPSY 1142, EPSY 941) provenant des temples du dieu Sin localisés sur les sites de Ḥurayda (l'antique Maḥāb^{um}), de Raybūn et de Bi'r Ḥamad. L'existence de son propre système de datation dans le Ḥaḍramawt intérieur qui embrassait le wādī Ḥaḍramawt et ses confluent est un argument important en faveur de l'indépendance de cette région du pouvoir de Ḥabwa pendant les derniers siècles du 1er millénaire avant l'ère chrétienne. Le problème de la durée de l'éponymat dans le cadre de ces deux systèmes reste en suspens. La charge d'éponyme fut-elle annuelle et renouvelée un certain nombre de fois avec des intervalles ou pluriannuelle? Pour répondre à cette question il faut examiner de nouveau tous les systèmes d'éponymat qui ont été utilisés dans l'Arabie méridionale antique.

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ

В Монголии вышло в свет фундаментальное иллюстрированное издание «Исторические и культурные памятники Монголии» (Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал, Улаанбаатар, 1999), содержащее фотографии, научные экспликации и в отдельных случаях переводы и библиографию изданий археологических и эпиграфических памятников страны.

В Турции вышло в свет великолепное в полиграфическом отношении издание эпиграфических памятников Северного Кавказа (*İsmail Doğan. Kafkasya'daki GökTürk (Runik) işaretli yazıtlar — Türk Dil Kurumu Yayınları: 736, Ankara, 2000*). В альбоме приводятся публиковавшиеся ранее руноподобные надписи региона, а также новонайденные граффити и тамбовые знаки. Делается попытка их анализа и сопоставления с другими вариантами рунического письма кочевников раннесредневековой Евразии.

В ноябре 1999 г. в Стамбуле Тюркологическим исследовательским институтом Стамбульского университета был проведен VII Международный Тюркологический конгресс, посвященный изучению эпиграфических памятников древнетюркской письменности. В докладах сообщалось о новых находках тюркских рунических надписей в окрестностях Иссык-куля (Ч. Джумагулов), в Горном Алтае (Д. Васильев). Впервые специалисты были проинформированы о совместном турецко-монгольском проекте археологических исследований памятников Кюль-тегина и Бильге-кагана в Монголии с использованием современной электронной аппаратуры и первых археологических находках древнетюркского времени, сделанных турецкими учеными.

По материалам 41-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC), состоявшейся в Майвике (Финляндия), издан сборник статей «Письменность в алтайском мире» (*J. Janhunen, V. Rybatzki (eds.). Writing in the Altaic World — "Studia Orientalia publ. By the Finnish Oriental Society", Т. 87, Helsinki 1999*). Статьи сборника посвящены исследованиям эпиграфических и рукописных

памятников письменности тюркских, монгольских народов, корейцев, маньчжур, киданей, чжурчженей.

В течение полевых сезонов 1998 и 2000 гг. при раскопках Саянского острога XVIII в. С. Г. Скобелевым были найдены фрагменты каменной плиты с тюркской рунической надписью Неожиданность находки, которая отделена почти тысячелетием от исследуемого культурного слоя, представляет интерес не только для древнетюркского эпиграфического источниковедения, но и для истории собирательства древностей Южной Сибири. Материалы опубликованы Д. Д. Васильевым и С. Г. Скобелевым в сборниках «Altaica». М., 1998, М., 2001.

В Евразийском Государственном университете им. Л. Н. Гумилева в Астане (Казахстан) 18–19 мая 2001 г. прошла международная научно-теоретическая конференция «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». Состоялось открытие монументальной компьютерной копии памятника с надписью в честь Кюль-тегина, выполненной по заказу правительства Республики Казахстан японскими специалистами. По материалам конференции издан сборник «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности», Алматы, «Гылым», 2001.

Во время полевого сезона 2001 г. в долине р. Юстыд, урочище Бар-Бургазы, экспедицией В. Д. и Г. В. Кубаревых обнаружены значительные по объему фрагменты древнетюркской надписи на нескольких фрагментах разрушенной стелы. Ранее в этом же районе были известны тюркские надписи енисейского типа.

Д. В.

С 17 по 21 сентября 2001 г. на базе отдыха «Луч», расположенной на живописном острове между протоками Волги под г. Саратовом, с большим успехом прошла Первая Международная нумизматическая конференция «Саратов-2001», посвященная монетному делу и денежному обращению в монгольских государствах XIII–XV веков.

Конференцию открыл главный ее инициатор и организатор, председатель Оргкомитета, внештатный сотрудник Института востоковедения РАН П. Н. Петров. Краткое приветственное слово в адрес конференции произнес заведующий Отделом нумизматики ГИМ И. В. Ширяков, после чего участники почтили минутой молчания память нумизматов, внесших свой вклад в развитие нумизматики монгольского периода — от Х. М. Френа до Г. А. Федорова-Давыдова.

В конференции приняли участие более 40 специалистов и нумизматов-любителей из Москвы, Саратова, Казани, Волгограда, Ульяновска и других российских городов, а также из ближнего и дальнего зарубежья (Киев, Севастополь, Йена, Амстердам). Из 33 докладов, заявленных в Оргкомитет, 16 были прочитаны авторами на 6 рабочих заседаниях, 4 явились предметом обсуждения на «круглом столе» и в кулуарах; 5 текстов докладов прибыли без своих «хозяев» и поэтому не читались, но войдут

в сборник; еще 3 темы были сняты с повестки как не соответствующие должному научному уровню.

Несмотря на формальную тематическую ограниченность, представленные доклады и сообщения оказались на редкость разнообразными, а главное — интересными для всех без исключения участников, которых именно эта узкая тематика и объединила, в отличие от большинства традиционных нумизматических конференций с их «генеральным» охватом — от монет античной Греции до расчетных квитанций именя братьев Всеволожских и нагрудных знаков Наркомата путей сообщения.

Как и ожидалось, большинство представленных докладов касались различных проблем джучидской (иначе золотоордынской) нумизматики, которая, будучи по определению одной из отраслей восточного исторического источниковедения, всегда воспринималась как неотъемлемая часть отечественной исторической науки. В них сообщалось о новых находках монет в различных районах Поволжья и других областей России (Е. А. Беговатов, В. А. Винничек — Л. Ф. Недашковский, С. В. Гумаюнов, С. А. Котеньков, В. Д. Питимов), в том числе за пределами территории Улуса Джучи (И. В. Волков), о неизвестных ранее типах монет (К. К. Хромов) и весовых гирьках (И. В. Евстратов), о судьбах золотоордынских городов в свете данных нумизматики (Е. Ю. Гончаров, В. П. Лебедев, А. В. Пачкалов). В нескольких докладах были сделаны серьезные, хотя и не во всем убедительные попытки более широкого исторического обобщения нумизматических материалов (В. П. Лебедев — В. Б. Клоков, Е. М. Пигарев, А. Л. Пономарев).

Живейший интерес и бурную многочасовую дискуссию вызвал доклад нашего германского коллеги Тобниаса Майера о стоимостном соотношении между медными монетами и монетами из благородных металлов в северном Причерноморье на рубеже XIII–XIV веков. Помимо воли автора, его выступление неожиданно оказалось поворотным пунктом в нашем представлении о том, как же в реальности именовался основной серебряный номинал в Золотой Орде, который все мы, по неизвестно кем и когда установленной традиции, до сих пор называли дирхемом. В докладе Т. Майера (говорившего, кстати, совершенно о другом) в этом значении постоянно звучал термин «денгй», часто упоминавшийся в надписях на золотоордынских медных пулах XIV в., как представлялось раньше, только в качестве счетной единицы (16 пул = [один] данг). В унисон этому выступлению прозвучал доклад А. Л. Пономарева о редком кафинском бухгалтерском документе того времени, в котором эти монеты неоднократно и напрямую назывались *dengi*. В результате активного обсуждения, занявшего весь остаток времени, отпущенного на утреннее заседание, практически все присутствующие склонились к признанию того, что, поскольку нет оснований сомневаться, что название русской серебряной монеты — денга, как и медное пуло, имеет татарское происхождение, то более чем логично, что именно так и назывался основной серебряный номинал в Золотой Орде.

Несколько раз золотоордынская тематика «разбавлялась» докладами о монетной чеканке и денежном хозяйстве других монгольских государств — Гиреев Крыма (Г. С. Косачев), Чагатаидов (П. Н. Петров – А. М. Камышев), Ильханов (В. Н. Настич). Неоднозначно, но в целом конструктивно было воспринято оригинальное выступление А. А. Астайкина «Картография монгольских государств XIII–XIV вв. по данным нумизматики». Наконец, на последнем рабочем заседании 21 сентября с большим интересом был заслушан доклад Е. В. Янюшкиной-Глазуновой (ГИМ) «Московский рубль в системе русского денежного счета XIII–XV вв.», прозвучавший символическим связующим звеном между золотоордынской и русской денежными системами, и одновременно финальным аккордом, возвестившим об окончании Первой Международной нумизматической конференции в Саратове. П. Н. Петров объявил о том, что конференция успешно состоялась. На вопрос из зала: «Когда и где будет следующая конференция?» — ученый секретарь Оргкомитета В. Н. Настич ответил, что она, собственно, уже началась, а П. Н. Петров добавил, что Вторая Международная состоится в сентябре 2002 года в г. Туле или в её окрестностях и что все участники Первой конференции получают на нее приглашения автоматически.

По ряду соображений Оргкомитет отказался от издания тезисов докладов к началу конференции. Вместо этого было признано целесообразным опубликовать максимально полный сборник докладов в виде полноформатных статей, включив в него и работы тех, кто подавал заявки на участие, но по тем или иным причинам не смог приехать в Саратов. Это представленные, но не озвученные доклады В. А. Белева, А. А. Гомзина, Л. Д. Макарова, Я. В. Студитского, Т. Д. Йиха (Голландия) и др.

Достаточно насыщенной была и культурная программа, включавшая в себя неформальное общение, сауну, лодочные прогулки по Волге, экскурсию в Саратовский областной краеведческий музей и потрясающий банкет. Уезжать никто не хотел. . .

В организации конференции участвовали сотрудники московского торгового дома «Библио-Глобус», организовавшие продажу книг и нумизматических аксессуаров для участников конференции. Деятельность этого крупнейшего в России книготоргового предприятия включает в себя и активную пропаганду различных видов коллекционирования, в том числе и нумизматики, а также книгоиздательство.

Уникальной особенностью состоявшейся конференции можно считать то, что это первая в наступившем тысячелетии и, пожалуй, не имеющая прецедента в прошлом полноценная научно-организационная акция, задуманная и проведенная не академическим учреждением, вузом или музеем, а практически группой частных лиц на средства индивидуальных спонсоров. Подлинное значение этой акции для отечественной науки и культуры, возможно, еще не вполне оценено даже самими ее организаторами, но ее безусловный и полный успех выглядит весьма многообещающим и позволяет надеяться, что с освоением такого, пока еще непривычного вида научного мероприятия за судьбы российского просвещения и науки можно будет не опасаться.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РУз** Академия наук Республики Узбекистан.
ВДИ Вестник Древней истории. М.
ГЭ Государственный Эрмитаж (СПб).
ЗВО РАО Записки Восточного отделения имп. русского археологического общества.
ИМКУ История материальной культуры Узбекистана (серия, Ташкент).
МИТТ Материалы по истории туркмен и Туркмении. ИВ АН СССР, Институт истории при ЦИК Туркменской ССР. М.-Л. Т. 1, VII-XV вв. 1939. Т. 2, XVI-XIX вв. 1938.
НЭ Нумизматика и эпиграфика. М.
ПС Палестинский сборник. СПб.
СИИТА Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. М.
ТСОЙКЭ, I Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I: Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М., 1995.
ЭВ Эпиграфика Востока. М.-Л.
АЕО *A.H. Gardiner. Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1947. Vol. 1-3.*
ASAE *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire.*
ВА *The Biblical Archaeologist. New Haven.*
BASOR *Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven.*
ВК *A. Kazimirski de Biberstein. Dictionnaire arabe-français. T. 1-2, Paris, 1860 (répr.—Beyrouth).*
Dozy *R. Dozy. Supplement aux dictionnaires arabes. T. I-II, Leyden, 1881; 3-e éd., vol. 1-2, Paris, 1967.*

- EG *A.H. Gardiner. Egyptian Grammar. Oxford, 1927.*
- ETY III *Eski Türk Yazıtları III. Ankara.*
- FCD *R.O. Faulkner. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 1962.*
- HÄB *Hildesheimer Ägyptologische Beiträge. Hildesheim.*
- IDIS *Inventaire des inscriptions sudarabiques / Inventario delle iscrizioni sudarabiche (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Istituto italiano per l'Africa et l'Oriente). Publié avec les soins de Ch. Robin / Pubblicato a cura di Ch. Robin.*
- IEJ *Israel Exploration Journal. Jerusalem.*
- JARCE *Journal of the American Research Center in Egypt. Boston.*
- JEA *Journal of Egyptian Archaeology.*
- JEOL *Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap "Ex Oriente Lux". Leiden.*
- JNES *Journal of Near Eastern Studies. Chicago.*
- JSSEA *Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquity. Toronto.*
- Korpus *D.D. Vasiliev & alii, Korpus Tjurkskix Runičeskix Pamjatnikov Bassejna Jeniseja, Leningrad 1983.*
- KRI *K. A. Kitchen. Ramesside Inscriptions: Historical and Biographical. Oxford, 1975-1990.*
- LÄ *W. Helck, E. Otto, W. Westendorf, Hrsgs., Lexikon der Ägyptologie. Bd. I-VI. Wiesbaden, 1972-1986.*
- Lane *E.W. Lane. Maddu-l-Kamoos. An Arabic-English Lexicon. Book I, pt. I-VIII, L., 1863 (Beirut, 1968).*
- MÄS *Münchner Ägyptologische Studien. München — B.*
- ME, I *Mare Erythraeum, vol. I. München, 1997.*
- OLP *Orientalia Lovaniensia Periodica. Leuven.*
- PEQ *Palestine Exploration Quarterly. London.*
- Pallava inscr. *T.V. Mahalingam, ed., Inscriptions of the Pallavas. Delhi, 1988.*
- RES *Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. T. V-VIII. P., 1929, 1935, 1950, 1968.*
- SBAWW *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Akademie der Wissenschaften in Wien. Wien.*
- SAK *Studien zur altägyptische Kultur. Hamburg.*
- Scr. *Hier. Scripta Hierosolymitana. Jerusalem.*
- Sin. *A. M. Blackman. Middle-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. P. 1-41 («Рассказ Синухета»).*
- TA *Tel Aviv. Tel Aviv.*
- UF *Ugarit-Forschungen. Neukirchen-Vluyn.*
- Urk. *IV K. Sethe, W. Helck. Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1906-1958.*
- VT *Vetus Testamentum. Leiden.*

- Wb.** *A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I-V. Leipzig — B., 1926–1953.*
- ZDPV** *Zeitschrift der Deutschen Palästina-Vereins. Leipzig — Wiesbaden.*

Библиографические описания литературы и источников в сносках статей настоящего выпуска “Эпиграфики Востока” не унифицированы. Редколлегия приносит читателю извинения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>L. Bazin. Les a : exclamatifs dans les inscriptions du Yenisey . . . . .</i>	3
<i>Л. Базен. Междометие а в надписях бассейна Енисея (резюме) . . . . .</i>	7
<i>A. G. Bélova. Vestiges khimyarites aux inscriptions d'Ахуум . . . . .</i>	9
<i>А. Г. Белова. Элементы химьяритского языка в надписях Аксума (резюме) . . . . .</i>	18
<i>Д. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова. Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX-X вв. . . . .</i>	19
<i>J. J. Iliasov, S. R. Iliasoova. Arabic Inscriptions on Glazed Ceramics from Mawarannah, IX-X centuries (summary) . . . . .</i>	30
<i>К. А. Китчен. Три небольшие предмета из древней Южной Аравии . . . . .</i>	31
<i>К. А. Kitchen. Three Minor Old-South-Arabian Pieces (summary) . . . . .</i>	33
<u><i>Б. Д. Кочнев</i></u> <i>Монеты Мусы Йабгу, сына Сельджука . . . . .</i>	34
<u><i>В. D. Kochnev</i></u> <i>The Coins of Musa Yabghu, Son of Seljuk (About the Early Stages of Seljukid Coining) (summary) . . . . .</i>	51
<i>М. Кропп. Letter to the Editorial Board. About transliteration of the Ethiopian language . . . . .</i>	52
<i>М. Кропп. Письмо в редакцию. О транслитерации эфиопского языка (резюме) . . . . .</i>	55
<i>И. А. Ладынин, А. А. Немировский. Мемфисская стела Аменхотепа II . . . . .</i>	56
<i>I. A. Ladynin, A. A. Nemirovsky. The Memphis Stela of Amenhotep II about his "Second Victorious Campaign" (summary) . . . . .</i>	97

Д. Н. Лелюхин. Надпись царя кадамбов Равивармана из Гуднапуры	99
<i>D. N. Leliukhine. The Inscription of the Kadamba King Ravivarman from Gudnapura (summary) . . . . .</i>	107
И. И. Надиров. Парфянский титул <i>bḥš'</i> / <i>pdḥš'</i> в Хатре	108
<i>I. I. Nadirov. The Parthian Title bḥš'/pdḥš' in Hatra (summary) . . . . .</i>	114
Н. Я. Надиров. «Бродячие сюжеты» и арабские предания о падении Хатры .	115
<i>N. J. Nadirov. "Wandering Plots" and Arabic Legends about the Fall of Hatra (summary) . . . . .</i>	120
И. Ф. Попова. Раннетанская каллиграфия	121
<i>I. Ph. Popova. The Early Tan Calligraphy (summary) . . . . .</i>	126
Э. В. Ртвеладзе. Заметки по средневековой эпиграфике Средней Азии . . .	129
<i>E. V. Rtveldze. Notes on the Medieval Epigraphy of Central Asia (summary) . . . . .</i>	133
Я. В. Тарасюк. О датировке царского дарения в грамоте Нандивармана II Паллавамалли	134
<i>Y. V. Tarasyuk. About the Dating of the Royal Grant of Nandivarmana II Pallavamalli (summary) . . . . .</i>	138
А. В. Темерев. Этноним <i>КТУМ</i> в древнееврейской острака VII-VI вв. до н.э.	139
<i>A. V. Temerev. RTYM/KITTIM in the Hebrew Ostraca of VII-VI B. C. (summary) . . . . .</i>	159
С. А. Французов. Новые данные о хадрамаутском эпонимате	161
<i>S. A. Frantsouzoff. Nouvelles données sur l'éponymat ḥadramawtique (résumé) . . . . .</i>	173
Хроника, рецензии, информация	174
Список сокращений	178